

УРАЛЬСКИЙ
снегоступ
www.uralstalker.com

ISSN 0134 - 241X

3 (681) март, 2014

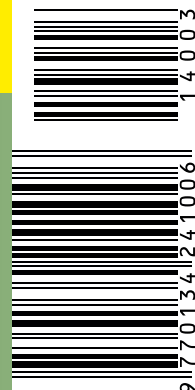

Лед плавился

ДВИЖЕНИЕ
КАМЕННЫХ РЕК

ИССЛЕДОВАТЕЛИ
СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ

В ПУТОРАНАХ
ВСЕ ПО-ДРУГОМУ

Март 2014

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов –
Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант – В.Абян

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Интернет – Е. Марков.

Фото на обложке – Д. Хлопунов.

Редакция, издатель –
общественная организация «Трудовой коллектив
редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –
Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев,
Юрий Казарин, Вадим Осипов,
Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –
• Сергей Захаров, Председатель Челябинского ро РГО
• Алексей Прокашев, Председатель Кировского ро РГО
• Иван Рысин, Председатель Удмуртского ро РГО
• Игорь Кузнецов, Председатель Ученого Совета ро РГО в ЯНАО
• Сергей Ларин, Председатель Тюменского ро РГО
• Николай Назаров, Председатель Пермского ро РГО
• Александр Чибилев, Председатель Оренбургского ро РГО
• Дмитрий Шиллер, Председатель отделения РГО

в республике Татарстан

• Борис Тканев, Председатель отделения РГО в ХМАО
• Виктор Христорожский, Председатель Курганского ро РГО
• Михаил Горюнов, Председатель Свердловского ро РГО
• Виктор Байдуков, Свердловское отделение РГО

**Выпуск издания осуществлен при финансовой
поддержке: Свердловского регионального
благотворительного фонда «Танганский»**

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2014 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Телефон: +7(343)295-61-27

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

«Уральский следопыт», №3 (681), 2014.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных

технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставленные материалы и иллюстрации, обремененных правами третьих лиц. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема**. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Встречный ветер

Экспедиция

В.КУТЮХИН
Путораны –
трудная мечта 30

Добрые попутчики

А.ЧИСТОВ
Главный критерий –
универсальность! 38

Версия

В.МУСАТОВ
Каменные
парадоксы.....40

Наши проекты

Ледовый
шторм..... 44

Река времени

Юбилей

В.ТРУСОВ
Что имеем
не храним..... 3

Краеведческая
копилка

Е.БИРЮКОВ
Фотограф остался
за кадром 8

Верхотурские
были-небыли

Ю.ГОРБУНОВ
Фима и царь 10

Павленковский
ресурс

Е.ШИМОНЕК
Неизвестное
творение
Эрзи 14

Тропой поиска

Н.ВЕХОВ
В стране
самоедов..... 18

По следам
публикации

Н.ЕРОХИН
У Лукоморья 24

Портреты

В.МОИСЕЕВ
Прыжок 25

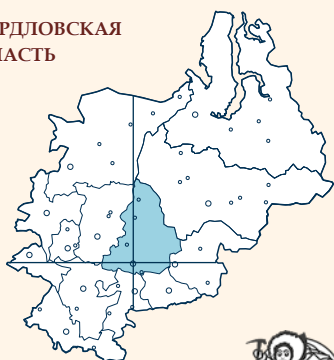

Что имеем, не храним...

Фото автора

8 февраля 2014 года исполнилось 180 лет со дня рождения ученого-энциклопедиста и педагога Дмитрия Ивановича Менделеева.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

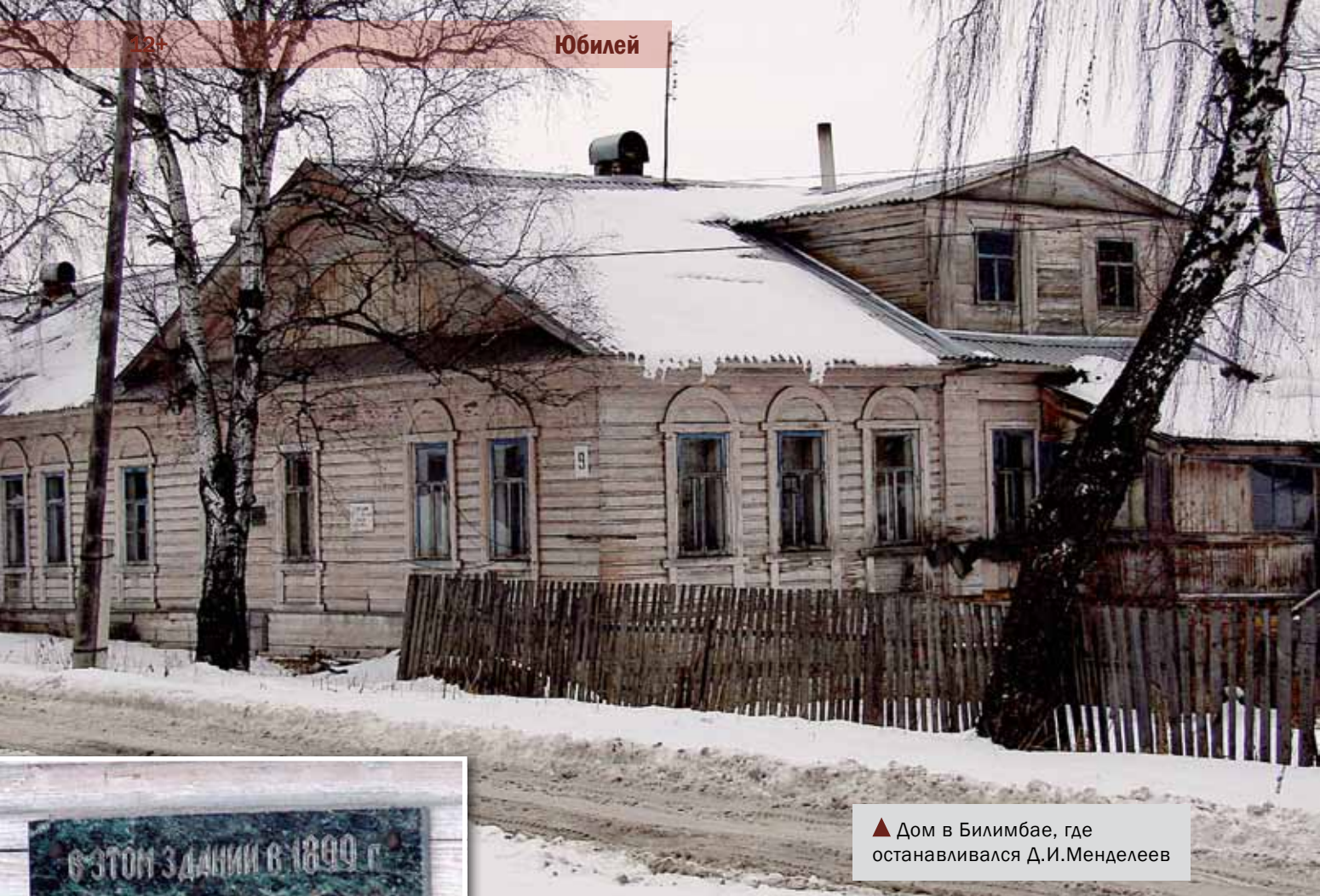

Владимир Трусов

Автор более 200 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

Интересно происхождение его фамилии, так как дед по мужской линии был Соколов. У Павла Максимовича, священника села Тихомандрица Вышневолоцкого уезда, сыновья учились в Тверской семинарии. По окончании ее только Тимофей сохранил фамилию отца. По обычаю тех лет другим трем братьям фамилии придумывали учителя. Василий стал Покровским, Александр — Тихомандрицким, а Иван — Менделеевым. Фамилию получил, когда что-то выменял, как соседский помещик менял лошадей. Учитель по созвучию «мену делать» вписал Ивана под фамилией Менделеев.

▲ Дом в Билимбае, где останавливался Д.И. Менделеев

Но в июне 1848 г. дотла сгорел Аремзянский заводик Менделеевых.

Осенью 1849 г. мать с Лизой и Митей отправилась в Москву, чтобы определить детей в высшие учебные заведения.

Так начиналась жизнь одного из замечательных сынов России. После окончания института, долгих лет работы, научных открытий Дмитрий Иванович Менделеев становится знаменитым ученым.

В 1899 г. по поручению тогдашнего министра финансов России Сергея Юлиевича Витте Д.И. Менделеев с помощниками совершил поездку на уральскую землю с целью ознакомления и дальнейших рекомендаций по улучшению работы металлургической промышленности Урала.

Его соратниками в этой поездке были: Семен Петрович Вуколов — помощник начальника Морской научно-технической лаборатории, химик, кандидат Петербургского университета; Константин Николаевич Егоров — технолог при главной палате мер и весов; Петр Андреевич Замятченский — профессор минералогии в Петербургском университете.

Менделееву в это время было полных 65 лет, он часто болел. Мно-

гие города, поселки, рудники и заводы без руководителя посетили Вуколов, Егоров и Замятченский, написав обстоятельные отчеты о местах пребывания.

Группа собиралась в Москве (Замятченский уехал на Южный Урал раньше) и 14 июня выехала в Нижний Новгород, где 15-го числа села на пароход «Екатеринбург», следовавший в Пермь. В четвертом часу дня 18 июня речное судно причалило к пермской пристани. Дальнейший путь Менделеева по железной дороге с остановками и посещением заводов, рудников, шахт выглядит так: Кизел, Чусовой, Кушва, Нижний Тагил, Екатеринбург, Тюмень. На пароходе «Фортуна» по Туре и Тоболу до Тобольска, возвращение на пароходе «Тобольск» в Тюмень. Затем на поезде прибыли 8 июля в Екатеринбург.

Через три дня Дмитрий Иванович выехал в Билимбаевский завод. Вот как описывает поездку сам Менделеев: «11-го июля в воскресенье я отправился на почтовых в Билимбаево, где давний завод графа Строганова. Тогда же с С.П. Вуколовым и К.Н. Егоровым поехали на Шайтанский завод (сейчас город Первоуральск. — В.Т.) наследников Берга, лежащий на пути в Билимбаево.

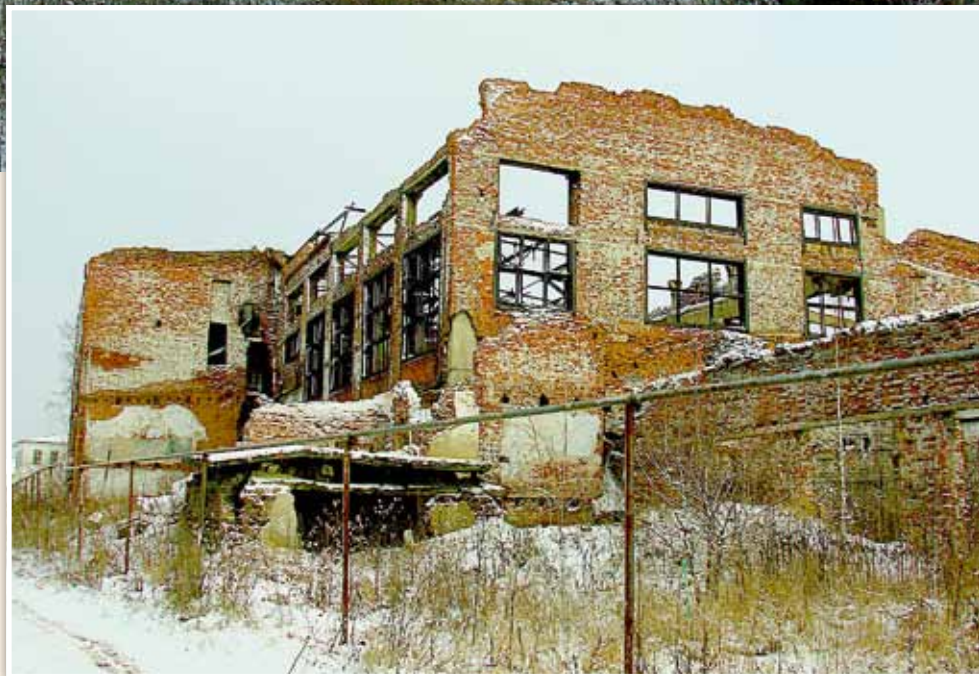
Дмитрий Иванович родился 27 января (8 февраля по новому стилю) 1834 года в Тобольске семнадцатым и последним ребенком в семье директора Тобольской гимназии и училищ Тобольской губернии. В том же году отец Менделеева ослеп и вскоре лишился рабочего места. По материнской линии у жившего в Москве брата Василия Дмитриевича был под Тобольском в селе Аремзянке небольшой стеклянный заводик. Менделеевы взяли это предприятие в аренду и переехали на жительство к заводу. В 1837 г. в Москве Ивану Павловичу сделали операцию, зрение восстановилось, но он в основном только помогал своей жене в управлении стеклянным делом. В 1847 г. отца не стало, и всеми делами руководила мать Мария Дмитриевна.

▲ Останки бывшего Билимбаевского завода

Строгановское имение я выбрал преимущественно ради ближайшего личного ознакомления с уральским лесным хозяйством и с приростом лесов в центральных частях Урала, потому что знал уже, что в имениях графа Строганова за лесами присматривают просвещеннейшие специалисты с Ф.А. Теплоуховым во главе и в тех лесах ведется полный учет с производством точной таксации. То, что я встретил в Билимбаеве, признаюсь, превзошло мои ожидания. Но я расскажу лучше по порядку.

Стояла отличная летняя погода, когда две наши тройки (моя и С.П. Вуколова с К.Н. Егоровым) выехали рано утром из Екатеринбурга по знаменитой когда-то шоссейной дороге, идущей на Владимир и Москву. Когда совершенно скрылся город — начались леса и леса, все прекрасные, хвойные, чистые, холеные; хвоя и хворост собраны в кучи, видно, что ценят. Хотя тут дорога перерезает хребет и на перевале стоит пограничный столб «между Азией и Европой», но горы едва заметны, подъем идет полого, и выдающихся вершин мало. Однако неровности поверхности оживляют вид и перед Билимбаевым, когда уже начинается спуск, вид вдаль, на долину Чусовой,

не лишен живописности, хотя таких скал и обрывов, как на Южном Урале, здесь нет. Расстояние 54 версты до Билимбаева делится станцией «Решота». За ней проехали Шайтанский завод наследников Берга, где мои спутники и остались. Село огромное и, видно, богатое, народ весь одет так исправно, что я приписал это воскресному дню.

Но назад ехал в будни — все то же, и не тут только, а везде, где приходилось видеть много крестьян на Урале. Довольство видное тут, очевидно, зависит от заработков на заводах. Об их ко-

личестве сообщил мне подробнее земский начальник в Билимбаеве. Он заверял, что нет такого крестьянина в этих местах, который зарабатывал менее 10 р. в месяц, работая очень исподволь и все почти издельно, т.е. получая не поденную плату, а подрядную с количества — вырубки дров, выжигания угля, подвозки и т.д. Работящие же и непьющие крестьяне достают средним числом рублей по 15–20 в месяц. Земский начальник доказывал хорошую обеспеченность крестьян здешних мест особенно тем, что на каждого жителя здесь

приходится в год по 15–20 и даже более рублей в год выпитой водки, и тем, что чайная торговля тут процветает. Оставляя эти данные на ответственность сообщившего их мне, сам я должен говорить, что нигде здесь не видел и следов бедноты, а тем паче приниженности; везде народ бравый, слышна гармоника и песни, мальчики и девочки чистенькие, школы видел всюду, а церкви, видимо, богатые, хотя здесь немало старообрядцев разных толков. А посево, пашен — совершенно тут не видно, только и видел огороды, косьбу да выгон скота. Понятно, что впечатление от всего пути совершенно было особое. А когда подъехал в Билимбаев к дому управляющего Николая Александровича Тунева, да поговорил с ним часок, да пожил тут два дня, то впечатление спокойной деловитости и разумного расчета всяких частностей, которыми дышит вся жизнь этих мест, так оказались сильны, что, право, не хотелось и уезжать, потому что этого в иных местах в таком развитии не скоро-то встретишь, а этим и складывается та промышленно-бытовая жизнь, какой добываются блага, развиваемые в массах, и какой, увы, еще не много у нас. Жил я здесь не для завода — его смотрел только проездом, описали его С.П. Вуколов и К.Н. Егоров, и данные для него содержатся в записке, пере-

данной мне г. Туневым; жил для личного ознакомления с лесом центрального Урала, так как меня он интересовал с разных сторон. Топливо и руда — вот истинные основы железной промышленности. Есть они и дешевы — железо будет и станет дешевым, когда вызывается промышленность выгодами, доставляемыми покровительственным тарифом, когда есть свобода и средства для приложения внутренней конкуренции и когда есть люди не только говорящие, но и действительно делающие. О первом условии я знал до отъезда, о третьем узнал по приезде, и им любовался часто на Урале, а о втором — говорить надо не здесь, а в выводах. Если же руд и топлива не было бы в изобилии, никакие фокусы не помогут, одно место от другого ничем не отличишь. Руда-то есть, это сомнению не подлежало, следовало, значит, разобраться подробнее в топливе, что я и старался сделать, объезжая Урал. Каменные угли — это коренное топливо современного железного производства следовало узнать, видеть на месте, что по возможности и старались мы выполнить, объезжая Урал. Но он поныне живет древесным топливом. Надо было узнать: много ли его может быть ныне и впредь. Вот для этого-то я и ездил в Тобольск, для этого прожил и два дня в Билимбаеве.

Как только после первых минут разговора я сообщил многоуважаемому Н.А. Туневу эту свою частную цель, он заявил полную готовность все сделать для возможности собрать здесь необходимые данные, и тотчас же познакомил меня с главным лесничим Федором Васильевичем Гилевым, который с великой, чисто русской охотой вызвался сразу же и приступить к делу, т.е. доставил таксационные результаты прежних пробных площадей и распорядился, несмотря на воскресный день, собрать своих лесных сторожей, чтобы после обеда и начать спилку пробных деревьев разных пород. Поехали мы сами в лес, и при нас валили деревья и брали с них те спилы, которые мы потом обмеривали.

Пока шла распилка деревьев, в лес к нам подъехали: Бруно Эрнестович Бабель, управляющий Шайтанскими заводами, и А.А. Эгон-Бессер, надзиратель за посессионными лесами этих заводов, с С.П. Вуколовым и К.Н. Егоровым, уже успевшими осмотреть очень интересный Шайтанский завод. Когда же возвратились на усадьбу, приехал еще Иван Павлович Филатов, управляющий соседним Уткинским заводом (сейчас Староуткинск. — В.Т.) графа Строганова, привезший описание этого завода. За чаем от этого собрания просвященнейших, вдумчивых и опыт-

ных местных деятелей я столько слышался важных и свежих сведений о железном и лесном деле центрального Урала, что это осветило мне разнообразнейшее отношение, тем более что Б.Э. Бабель во многих частях железного дела был новатором, а Н.А. Тунев и И.П. Филатов — не без здравого консерватизма — защищали укоренившиеся порядки. При некоторых разногласиях в частности все однообразно утверждали, что лес, сколько-либо рассмотренный во время роста, дает здесь в год около полукубической сажени прироста, но при вырубке масс нельзя рассчитывать более как на треть кубика прироста в хвойных и смешанных лесах, потому что пожары, против которых энергично стали бороться, особенно в имениях графа Строганова, убавляют сбор в заметной мере.

Сам я видел в билимбаевских лесах прекрасно содержимые дороги и много храбрых лесных сторожей и досмотрщиков. Есть тут прямо и пожарная команда для тушения начавшихся лесных пожаров. Дороги, просеки и каналы, очистка лесов, чередование молодых зарослей с возрастными и, главное, хороший досмотр — вот те средства, которыми борются, с возрастающим успехом, с пожарами лесов, которые прежде губили их массами, потому что пахоты нет, и леса только изредка чередуются с покосами. Если мне не изменяет память, то в билимбаевских лесах в прошлом году было 70 пожаров, которые все удалось потушить при начале.

Понедельник (12 июля) весь день прошел в измерениях разрезов, которые то и дело доставлял Ф.В. Гилев, а во вторник С.П. Вуколов и К.Н. Егоров поехали знакомиться с Ревдинскими заводами, а я, узнав здесь более, чем мог ожидать, и попрощавшись с приветливейшими хозяевами, отправился к многоуважаемому Б.Э. Бабелю в Шайтанский завод, так как уже знал, что там многое направляется вперед, и мне хотелось ближе узнать там разные стороны, особенно же способ ускорения (почти в два раза) хода домен (одним усилением дутья) и сокращение расхода угля, так как цифры явно показывали успех, достигнутый в этих отношениях Б.Э. Бабелем. Притом меня интересовал посессионный Шайтанский завод еще и с той стороны, что лесов у него немного (около 26 тыс. дес.), а он, по слухам, дает хорошие доходы своим хозяевам, благодаря искусству, с каким Б.Э. Бабель пускает в ход всякие виды топлива, начиная от бросовой каменноугольной пыли. Многоэтажная печь для нагрева листового железа при его выработке, привилегированная Б.Э. Бабелем, должна быть причтена к не менее

важным средствам для того же сокращения топлива. Любезный прием хозяина и хозяйки не мог, однако, уклонить от намерения в тот же день возвратиться в Екатеринбург, где я все еще надеялся видиться с П.П. Боклевским. Упомяну об одном случайном свидании, полученном мной в разговоре с супругой Б.Э. Бабеля. Она, ради развлечения, вздумала завести около завода пашню, тем более что лошадей своих довольно. Но все усилия были напрасны: хлеба тут или не вызревают — как и вишни, или рожь плохо, так что свой овес обходится раза в три дороже привозного. Приписывают это высокому положению над уровнем моря и избытку влаги. Но от чего бы это ни происходило, важно обратить внимание на невыгодность здесь земледелия, а в то же время на зажиточность крестьянства, о чем я уже говорил выше».

В своем отчете Менделеев пишет о двух днях пребывания, но в Билимбае Дмитрий Иванович прибыл 11 июля и уехал 13 июня. На деревянном доме, в котором он останавливался, была мемориальная доска с надписью: «В этом здании в 1899 г. работал в течение трех дней великий русский ученый, химик Менделеев».

Многие билимбаевские жители еще помнят, что в этом доме в 1950-х годах находилась вечерняя школа. В последние годы это было жилое помещение, а летом 2013-го его сломали из-за ветхости. Но, по моему мнению, все-таки можно рассмотреть вариант с ремонтом и реставрацией и сохранить здание для потомков. Наверно, вечны и незбылемы слова писателя С. Соловьева, которые сделал афоризмом Козьма Прутков: «Что имеем — не храним, потерявши — плачем». **УС**

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

Фотограф остался за кадром

В одном из своих очерков 1920-х годов в «Областной крестьянской газете» П.П. Бажов писал, что в поездке по Ирбитскому району его сопровождал фотограф-немец, который оказался профессионалом. Для моей истории уральской фотографии факт любопытный.

Поехал в Ирбит, порылся в архивах.

Немцы в России... Их привечал еще Петр I, а Екатерина II вообще открыла им «зеленую улицу». Но... политика всегда переменчива, и многие хватили лиха от этого ветра меремён.

Александр Робертович Герман по рождению в 1895 году был прибалтийским (лифляндским) немцем. В 15 лет он — ученик фотографа. В 1914 году как немец (шла война с Германией) был выслан на поселение на Урал, в Ирбитский уезд. Революция его реабилитировала, стал свободным гражданином. Основал в Ирбите свою «Фотографию» — в центре, напротив Пассажа. Помимо фотографии,

увлекался музыкой — играл на скрипке в ярмарочном оркестре. А на его снимках появились первостроители светлого будущего.

В 1926 году Александр Герман — он уже женат, есть дети — попытался добиться «вида на жительство для иностранца как германского подданного» — отец и сестра его оказались в Германии. Но с приходом к власти Гитлера Александр отказался от этой затеи. По убеждениям был беспартийным коммунистом, даже сына назвал Вилен (Владимир Ленин). Состоял членом правления бытовой артели «Ударник», заведовал своей «Фотогра-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Евгений Бирюков

Краевед, историк фотографии на Урале. Собиратель и хранитель коллекции, старший научный сотрудник и экскурсовод екатеринбургского Музея фотографии (Дом Метенкова). Автор книги «Метенков и К — фото».

◀ Ирбитская городская библиотека. В центре зав. политпросветом А.С.Волков и зав. библиотекой З.К.Фессун. Библиотекари (слева направо): Крупина, Кузнецова, Архангельская, Зайнаб, Сливицкая, Тиминцева. Ирбит. 1923 г.

тала. — Е.Б.). Поджог пивзавод (загорания не было. — Е.Б.). Потом А.Р.Герман отказался от этих «признаний», но десять лет исправительно-трудовых лагерей были ему обеспечены (Вятлаг НКВД). Жену исключили из артели и уволили с работы.

Дочь «врага народа» Лидия Герман (1922 г.р.) окончила Свердловский медицинский институт, просилась на фронт (шла Великая Отечественная), но ее не взяли как дочь репрессированного. Служила в тыловом гарнизоне (ей вручена медаль «За победу над Германией»). После войны вернулась в Ирбит и 35 лет работала педиатром и главным врачом Дома ребенка. Фамилию носила отцовскую, сына назвала Александром. В 1962-м ее хлопотами восстановлено доброе имя отца.

В Ирбитском краеведческом музее прошла выставка работ Александра Германа «Из семейных альбомов ирбитчан». Портрета самого фотографа мне найти так и не удалось: были изъяты при аресте. Лишь на одном снимке видна его фотосумка, сам же он остался за кадром. **УС**

▼ Деревенская сходка. Ирбитский район. 1930-е годы

▲ Демонстрация. Ирбитский район

фией». Жена Евдокия Степановна ему помогала.

В 1937 году Александра Германа арестовали. Улики были просто ужасны: при обыске у него изъяли 20 снимков «Видов Ирбита», альбом «Виды Парижа» и географические карты Германии (на немецком языке)... Словом, «... причастен к разведывательным органам иностранного государства». На допросе «признался»: «С 1933 года являюсь участником диверсионно-шпионской группы. В 1936 году мною были сфотографированы партийные и советские активисты с целью учинения расправы с ними во время войны. Фотографировал прохождение поездов с оборонной продукцией (на снимке эшелон с пилот-материалами. — Е.Б.). Сфотографировал электростанцию (она еще не рабо-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Юний Горбунов

Двое любящих и Бог

Очередная главка «Верхотурских былей-небылей» повествует о начале верхотурского кремля и о незаметной драме, разыгравшейся на его территории в середине XVII века.

Фима и царь

Как замыслили царь Борис и воевода Сарыч, так и явлено было. Но только не на Неромкуре, а на безымянном туринском камне.

Годунов лично руководил строительством города якобы «на старом чокком городище на Неромкуре». Послал воеводам «300 рублей» и велел нанять посошных людей¹ пеших и конных, плотников со снастью. Воеводы собрали бирючей, и те стали «кликать» по городам-погостам Перми великой «охотников» к городскому делу.

Вот так пристальным Годуновым доглядом началась крепость Верхотурье.

Стены с трех сторон, а вдоль скального обрыва — строения, плотно друг к другу пригнанные. По углам — башни сторожевые. Под их защитой за крепостной стеной поставили съезжую избу, дом воеводский, амбары для военного снаряжения и хлебных

припасов, барак стрельцам гарнизона, небольшой гостиный двор. И, конечно, кабак государев.

Ее, эту первую деревянную крепость, как говорится, сам Бог велел величать «Годуновым-на-Туре».

Все здесь глядело бы в разные стороны и было бы себе на уме, не оказавшись посередине невеликого крепостного пространства невеликая же посадская церквушка с колоколенкой. Как будто, покидая запустелый Лозьвинский городок, поднатужились плотники и стрельцы, подняли свою, уже намоленную, церковь да на плечах и божьим промыслом перенесли ее на безымянный туринский камень — вместе с иконостасом, книгами и служебным обиходом. Лозьвинский же батюшка и освятил ее на новом месте во имя Троицы — Отца, Сына и Святого духа. И все-то в ее сторону невольно повернулось: и камень обрел имя, назвавшись

Троицким, и Гостиный двор попригих-остепенился, и из съезжей избы и кабака народец в трапезную потянулся. Само собой случилось, что Троица верхотурская стала на камне Живоначальной, обрела словно бы материнскую стать и суть. У кого какая напасть или в кои-то веки радость — все к ее подолу льнуть.

Время шло к полувековой годовщине града на Туре.

Осенью 1647 года по наезженной и уже порядочно разбитой Бабиновке в Верхотурье прибыла колымага из Москвы и остановилась у съезжей избы. Из колымаги вышли четверо. Высокий костистый пожилых лет Федор Родионович Всеволожский по прозвищу Раф, его супруга Настасья Филипповна и двое детей в летах юношеских — дочь Евфимия и сын Андрей.

Драматическая история этих Всеволожских тогда в очередной раз взбудо-

ражила Московскую Русь, как будоражит столицу потехой, например, медвежья травля. По Бабиновке достигла она и Верхотурья. Как восхотел 18-летний царь и великий князь Алексей Михайлович жениться, как собрали, по древнему обычаю, со всей московской округи юных красавиц и после строгого отбора ближайшими боярами представили шестерых царю на выбор, как указал царь на дочку касимовского помещика Евфимию — поперек тайной воли своего «дядьки» и воспитателя умного и хитрого боярина Бориса Ивановича Морозова, как изветами этого боярина в момент венчания устроили невесте мнимый припадок, обвинили отца в сокрытии болезни дочери и теми же интригами правителя сослали все семейство Всеволожских в сибирский город Тюмень.

В верхотурской съезжей избе они остановились на ночь — по пути в Тюмень. Городок наш той поры ничем особым не привлек семейство. Не потому, конечно, что давно пообветшал, скособочился и почернел деревянными избами, а потому, что не до того было сейчас семейству: городок как городок, ничуть не лучше и не хуже их Касимова, только у черта на куличках.

Тогдашний воевода Дворянинов встретил опальное семейство учтиво, но свои воеводские хоромы не предложил.

Не ведал еще он, да и само семейство, что пройдет чуть больше года, как волею Москвы грозная опала Всеволожских обратится для главы семейства в почетную должность и станет касимовский помещик целых четыре года обживать вот эти воеводские хоромы.

Что же там, в Москве, случилось, аукнувшись за Камнем? А случилась уже не бутафорская, а настоящая женитьба царя на боярыне Марье Милославской, которую изначально и прочил ему «дядька» Морозов. Вот царь на радостях и «помиловал» опальных.

Первые сибирские города, и Верхотурье в их числе, вообще были для царского двора местом то почетной,

▲ Г. Седов. Выбор невесты царем Алексеем Михайловичем

▶ Сверчков. Соколиная охота царя с боярами близ Москвы

а то наказательной ссылки придворной знати самых разных рангов и достоинств. Раф Всеволожский был воеводой не из тех и не из других, а на отличку. Придворного чина не имел, и претензий на него у Рафа не было. В пору смуты он с двумя братьями героически защищал Москву от польско-литовской орды самозванца Лжедмитрия II и был за эту стойкость пожалован Шуйским вотчиной в Касимове. Вотчиной не ахти какой. Обретался помещиком даже и не средней руки. Из тех, что достаток свой добывали об руку с крестьянами — неустанным трудом, береже-

нием и хитромудростью. Из таких трудяг крезь** на российской почве как-то не растут. Но свое дворянское достоинство, утвержденное предками еще на Куликовом поле, Раф Всеволожский свято стерег и никому в обиду не давал.

Итак, семейство опального помещика год спустя вернулось из тюменской ссылки и обосновалось в воеводских хоромы по-хозяйски. Это произошло, скорее всего, в конце 1648-го. С этой поры и на долгие четыре года в воеводском доме водворились вместе с ними и два бесцеремонных постояльца — ненависть и любовь.

Раф до смертного своего часа люто ненавидел московского царя Алексея Михайловича. И было ему за что. Своим державным капризом этот коронованный мальчишка, указав пальчиком на его дочь Евфимию, посулив несметные блага, тут же в прах разрушил весь их семейный лад: опозорил дочь, несчастливо унижил его собственное дворянское и человеческое достоинство, лишил разума жену Настасью Филипповну, растоптал будущее сына... Каждое из этих злодеяний непростимо.

Нечистый искушал воеводу ночью. Рядом спала безумная жена, а Раф

◀ Камень Фимы

в свете иконной лампадки все мерил и мерил шагами опочивальню. Он не умел даже частично переложить вину царя на голову временщика Морозова. «Ты царь, ты Богом возведен, ты созрел для пола. Твой каждый жест величает или уничижает твою державу. Тебе не дано убежать греха, но ты Всевышним подан как пример искупления». Так твердил и твердил Раф сквозь стиснутые зубы. Все человеческое, дворянское в нем кипело. В эти ночные бессонные бдения у самого подножья Живоначальной Троицы он ставил себя царем и себе, державному, не находил пощады. И не принимал этими бесовскими ночами Бог его крест и молитву. И неусыпно хохотал над ним лукавый.

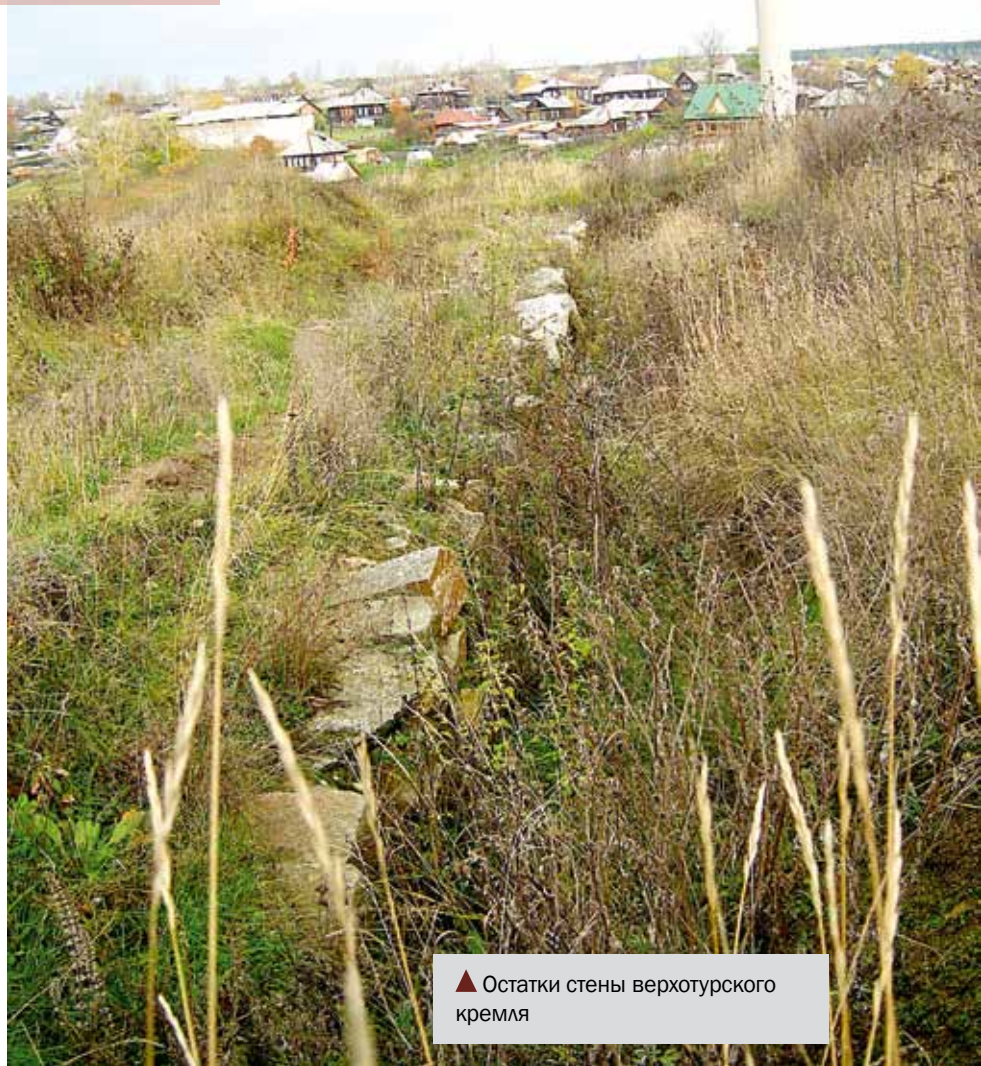
А когда над Троицким мысом загорался день, Раф неустанными трудами замаливал ночные грехи.

С водворением его воеводой между Верхотурьем и Москвой установилась тишина. На долгих четыре года. Что бы это, спрашивается, значило?

А значило многое. Четыре года — не всякому воеводе удавалось задержаться в Верхотурье на такой срок. Значит, доверял Алексей Михайлович своему несостоявшемуся тестю, его помещичье-крестьянской натуре. И что грамот не слал — тоже понятно: Раф Всеволожский — хозяйственный, рачительный мужик — сам знал, что и как делать. Каждому бы городу такого держателя государева дела и казны.

За полвека пообветшали и покосились стены и деревянные строения крепости. Что-то горело и было наскоро восстановлено. «И тот острог весь погнил, — читаем в описке предыдущего воеводства, — и во многих местах повалился, а которые прясла и стоят, и те с обеих сторон на подпорах». Мог ли дотошный мужик терпеть такое запустение? Или ждать грамот от ненавистного царя? Памятуя свой помещичий опыт в Касимове, он рачительно хозяйничал и здесь. Заселилась в эти годы и обзавелась своей церковью Заречная слобода. Возобновился захиревший и обезлюдевший было Покровский девичий монастырь. Не его ли стараниями вызвана грамота царя о пожаловании в обитель церковной утвари и богослужебных книг? При нем в новоставленных Белослудской и Арамашевской слободах возводятся остроги и башни, государева мельница на Ирбите-реке. Крепкой городьбой обнесено государево же поле под Ямской слободой, чтобы скот ямщицкий казенные хлеба не «толчил».

И сбор ясака велся исправно. Не в житейских правилах Рафа было что-то утаить или прикарманить. «Подавись, ненавистный!» — ворчал, на-

▲ Остатки стены верхотурского кремля

верное, Раф и слал в Москву все до единой полупки и соболиного пупка.

Такая «погода» царил в хоромах, где четыре года обрелся воеводой Раф (Федор) Родионович Всеволожский.

А вот Евфимия в отведенных ей покоях жила ничем не замутненной и не потревоженной любовью — к тому же единственному богоданному царственному юноше Алеше. Видеть его пришлось ей всего три-четыре раза, а говорить едва ли не однажды — так вы были порядки царева терема накануне венчания. Но чувству подчас хватает и меньшего — ведь они одарились взглядами: она отдала ему свой, а он ей свой. И тот, полученный от юноши, взгляд, полный удивления, счастья и восторга, она хранила в себе как зеницу — нет, не ока, а души своей. И вся жила в этом бережении.

Что видела Фима до того богоданного мига? Захолустный Касимов, управляемый одновременно и московским воеводой, и касимовским царьком — остатком бывшего «татарского царства»? Деревню подгородную — отцову вотчину — с «господским домом»,

с домашним женским ткацким заделем и несчастными гулянками в компании нескольких деревенских «барышень»? И вдруг — Первопрестольная, женская половина кремлевского терема, восторженные и завистливые взгляды царевых сестер и верховых боярынь. И, наконец, смотрины, и этот Алешин дар... Прекрасного, застенчивого юноши...

Ни лукавого «дядьку» Морозова, ни боярыню, причиславшую ее перед венчанием, — никого не брала она в расчет всего случившегося. Венец — это дело земное, посредническое. Кого не венчали, а всех ли на благо? А таинство любви — горнее, никому не подступное. Двое любящих и Бог — вот и Троица. Как и что было бы — не ее забота. А ей остался Алешин взгляд, касание его руки и плат тафтяной, вложенные им в ее ему протянутые руки.

Алешу она ничуть не виноватила — что поверил наветам, что отступился. Царь ведь, подумать только —

► Верхотурская печать. 1607-1689 г.

всего Руси! Да и кто сказал, что отрекся, что забыл? Зачем бы ему тогда багюшку на воеводство поднимать? Зачем памятно дарить Фиме в дорогу царский постельный убор? Кто Алеше в душу-то заглядывал? Не-ет, только бы он жил, только бы царствовал.

И Марья... Милославскую она почему-то жалела. Ведь они тогда, на смотринах, рядом стояли, а Алеша на нее, бедную, даже и не глянул.

Бабиновка нет-нет доставляла Фиме новости из Москвы. Фима шла тогда в церковь, опускалась перед образом Троицы Алешино дарения и неслышно молилась. Для молитвы ведь нет расстояний и пределов. Она — от души к душе. Знать бы только, в чем у Алешки нужда. В октябре того года, как приехали они из Тюмени, Бабиновка сказала, что у Алешки и Марьи первенец родился — царевич Димитрий. Было холодно уже. А деревянную Троицу плохо топили. Ну вот, сокрушалась Фима, через три года царевича и не стало... Евдокия родилась у них февралем, но такой гульливый день тогда выдался, столько сосулек уже звенело с крыши — к долгой, наверно, и счастливой жизни царевны. А Марфа, третья Алешкино дите... Ой нет, тот август вызывал в ней только слезы...

Троица внимала Фиминим молитвам и сокрушалась по-бабы: близко близко ты подошла к огню, девка.

С ним, с Алешей, Фима часто бродила по закоулкам Троицкого мыса. Вот, говорила, тын подновили, старыи-то совсем упал. Амбар новый строим — видишь, бревен нагацили. А дух от них какой! Стрельцы вчера шкурлили. Это кедр, сосна такая югорская. У тебя на Москве кедра нет. И в Касимове. Спасибо тебе, Алеша, за образ Святой Живоначальной Троицы и кадило золоченое. Наш благочинный о. Иоанн только по особым дням его и в руки-то берет. Ой, пойдём, что по-

кажу! Здесь недалеко. Вон видишь, камень у самого тына, как беседка, двоим сидеть удобно. Давай! Когда я одна, сюда ящерка приходит. И мы сидим. Сейчас не придет — она царей боится. А со мной даже может на ладошку залюбить. Не веришь?.. Да тебе ведь уже пора, Алеша?

Попрощавшись, Фима шла в свою опочивальню, доставала Алешкино постельное даренье. Расстилала перины на лебяжьем, говорят, пуху, подушкой любовалась в камчатой наволочке, стыдливо набрасывала на себя одеяло с горностаевой опушкой. И тихонько пела — для двоих.

Не ручей внизу бежит, а Тура-реченька,

От тебя ко мне бежит.

Не худа молва толочит —

птичий грай гудет,

Ко мне по ветру идет.

Не камень на камне лежит,

а крута лесенка,

От тебя ко мне лежит.

Не кручину-горе мыкаю —

любовь стерегу,

Нашу светлую любовь.

«Как же, забыл, — передразнивала Фима кого-то, оглаживая свадебный постельный убор. — Всех бы так забывали». И она засыпала счастливым детским сном.

Молодой царь Алексей Михайлович ничего не забыл — ни взгляд касимовской невесты, ни касание ее руки. Месяц-другой ходил по дворцу на себя не похожим. Благо, «дядька» Морозов крепко держал дела. Но любовь для царя — это совсем не то, что для деревенской девицы. В обширном наборе дворцовых заделей — развлечений, интриг, занятий и удовольствий — любовь только одна из многих прихотей и капризов. А у Алексея Михайловича был на этот случай хороший оберег — соколиная охота. Вот этой летней потехе и предавался влюбленный юноша. Ни за одним царем на Руси такой неизбывной страсти не водилось. Добыть кречетов, озадачить ловчих, устроить потеху...

Никакая государева забота не могла затмить охоту с кречетом. Соборное уложение царя Алексея Михайловича, этот свод законов, продержавшийся на Руси едва ли не до XIX столетия... Переговоры с гетманом Богданом Хмельницким о присоединении Украины к Руси... Кружок «ревнителей благочестия», где об руку трудились будущие заклятые враги протопоп Аввакум и архимандрит Никон... Это все 1649-й год — деяния и заботы 20-летнего царя, время, когда остывал он, приходил в себя от Фиминого

взгляда и прикосновения. Когда «бродил» с ней по закоулкам Троицкой крепости.

Историки знают уникальное для того времени собрание писем царя и великого князя Алексея Михайловича. Заглянем и мы в этот древнерусский образец эпистолярного жанра. Оказывается, это послания царя Афанасию Матюшкину, московскому стольнику, ловчему и соучастнику соколиных потех. И почти все эти письма — периода «остывания» юноши-царя от любовного недуга. А к письмам приложено «Уложение соколиничья пути» — своего рода устав соколиной охоты, написанный молодым царем. А в собственноручном же его предисловии читаем фразу, ставшую с той поры афоризмом: «Делу время и потехе час». Иные филологи трактуют мысль молодого царя как «все-му свое время». Есть время любить, а есть — охотиться с кречетом на плече, жениться, рожать царевичей и царевен, творить дела государевы.

...Похоже, не выдержало-таки однажды ретивое Рафа Всеволожского. Зря говорят, что на язык пошлыны нет — еще какая! Видно, крепким словом или делом досадил Раф царю, и велел ему царь удалиться в Яранск, давнее сыльное местечко. Но вскоре же почему-то и передумал. И приказано было вернуть Рафа и вместе с семьей отправить в Тобольск — «безо всякого замотчания», то есть задержки. На этом грамота и обрывается припиской публикатора: «конец стнил».

Есть сведения, что из Тобольска отправили Рафа воеводить в Тюмень. Но... со слезами вспоминала тот август Фима: видимо, в августе 1652 года Рафа Всеволожского и не стало. У романиста Всеволода Соловьева читаем выдержку из царевой грамоты следующего года: «Рафову жену Всеволодского и детей ее, сына Андрея и дочь Ефимию, с людьми отпустить с Тюмени в Касимов, и быти ей и с детьми, и с людьми в касимовском уезде в дальней их деревне...».

Ссылкой началось, ссылкой, сказать, и закончилось, исключая четыре верхотурских воеводских года.

Любовь Фимы на пять лет пережила ненависть отца. Евфимия Всеволожская умерла в 1657 году двадцативосьмилетней. Говорили, что в гроб вместе с ней положили богатый свадебный постельный убор царицы.

Живоначальная Троица отозвалась тогда неурочным звоном, и долго-долго неслась по округе весть о Фиме — то ли утешная, то ли печальная. **□**

* Посошный — расписанный пососно, для податей.

** Крез — лидийский царь, чье богатство вошло в поговорку.

Неизвестное творение Эрзи

Иллюстрации из книги В.Блинова «Недорисованный портрет»

Степан Дмитриевич Нефедов (творческий псевдоним — Эрзя) был знаменитым российским скульптором, действительным членом Общества российских скульпторов. Произведения Эрзи находятся на хранении в Государственной Третьяковской галерее, в Государственном Русском музее, в Мордовском республиканском музее изобразительных искусств имени С. Д. Эрзи в Саранске, а также в частных коллекциях в России и за границей.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Елена Шимонек

Окончила истфак УрГУ – историк-архивист. Работала в архивах Ульяновской и Свердловской областей. Автор более 50 публикаций в различных сборниках и журналах.

Добившись европейской известности еще до революции 1917 года, он вошел в историю мирового искусства, прежде всего, как один из немногих художников, создававших свои творения из столь непрочного материала, как дерево. Уехав в конце 1920-х годов на постоянное место жительства в Аргентину, Эрзя открыл там для себя особые породы субтропических деревьев — кебрачо, альгарробо и урундай, обладающие удивительной плотностью, твердостью и своеобразной фактурой. До него в Аргентине эти деревья в качестве художественного материала никогда не использовались, но для Эрзи они стали бесценной находкой: являли собой идеальный вариант дерева — плотного, твердого, красивого по цвету и форме и, что самое главное, — долговечного. В деревянной скульптуре Степан Дмитриевич добивается сочетания художественного совершенства и удивительной оригинальности. Почти во всех своих произведениях он обрабатывал лишь часть используемого куска дерева, шлифуя его и тонируя мастикой особого состава.

Однако все это было потом. А вначале Степан Дмитриевич работал с разными материалами, в том числе и с мрамором. Прожив несколько лет в Европе, куда он уехал никому неизвестным начинающим скульптором, он вернулся в лучах европейской славы и стремился найти на родине мрамор, похожий по рисунку и свойствам на знаменитый каррарский мрамор из Италии. Именно в результате этих поисков скульптор и оказался на Урале.

Его близкий знакомый, московский врач Григорий Осипович Сутеев, писал в своих воспоминаниях:

«И только весной 1918 года я встретил его собиравшимся на Урал.

— Зачем вы едете, Эрзя, на Урал?

— Здесь нельзя работать, там — можно. Там много хорошего мрамора».

В июне 1918 года Эрзя получает от Комиссии охраны памятников старины командировку в Сибирь и вместе со своей гражданской женой и ученицей Еленой Ипполитовной Мроз и племянником Василием Нефедовым, тоже начинающим скульптором, выезжает из Москвы.

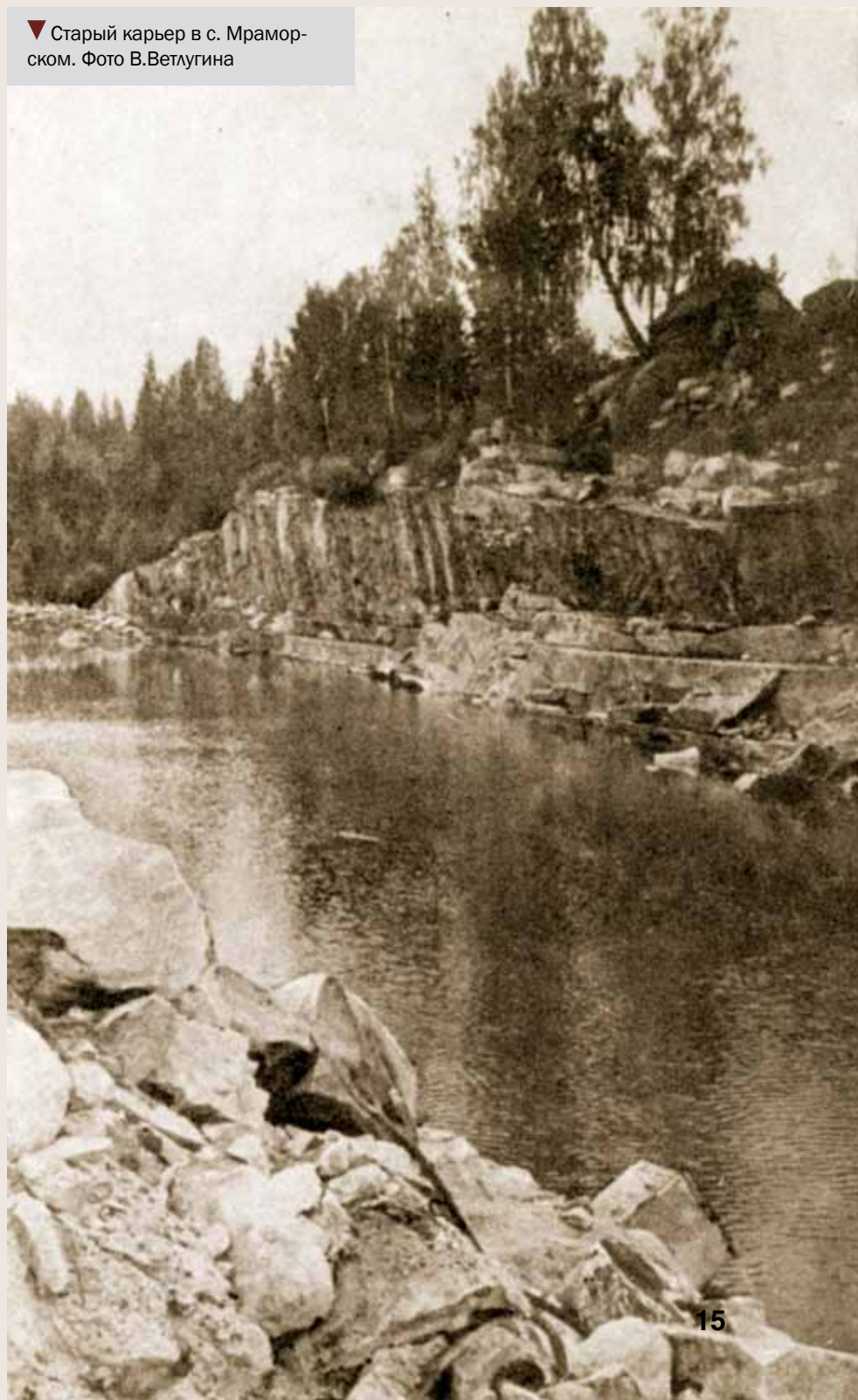
В стране бушевала Гражданская война, поэтому поезд, на котором они ехали, дошел только до Невьянска. Дальше уже начи-

налась прифронтовая полоса. Еще в дороге случилось несчастье. Племянник скульптора вдруг почувствовал себя плохо, стал жаловаться на боли в правом боку. Шло время, а состояние больного становилось только хуже. Степан Дмитриевич вынужден был сделать остановку в Невьянске, поскольку Василий уже едва держался на ногах. Несколько дней они обитали на вокзале, затем Эрзя уговорил одного местного жителя разрешить им временно поселиться в его

пустующем сарае. В этом сарае им пришлось провести около двух месяцев. Местный доктор прописал Василию какие-то лекарства, от которых его положение несколько не улучшилось. Молодой человек уже не вставал с постели.

В августе Невьянск заняли белочехи, и Эрзя с товарищами по несчастью оказался во временной оккупации. Как только представилась возможность, больного повезли в Екатеринбург, бывший в то время уездным центром. Там они надеялись получить более квали-

▼ Старый карьер в с. Мраморском. Фото В.Ветлугина

◀ В.А. Комаров, старожил Мраморского, наблюдавший за работой Эрзы и Мроз в мраморских мастерских

вал мрамор, откалывая от глыб нужные по размеру куски. От дождя и зноя прятался в небольшом шалашике, который соорудил рядом.

В селе Мраморском скульпторы прожили около года. Как только Екатеринбург летом 1919-го был освобожден от колчаковских войск, Эрзя вместе с Е.И. Мроз перебрался на жительство в город, ставший к тому времени уже центром губернии. Ему предложили преподавать в Екатеринбургской художественно-промышленной школе. В постановлении президиума Екатеринбургского губернского отдела народного образования от 23 августа 1919 года записано: «...просить скульптора С.Д. Эрзю приступить к работам по скульптуре в помещении гранитной фабрики...».

Возвращаясь к судьбе Василия Нефедова, нужно отметить, что, к сожалению, все усилия врачей оказались тщетны. Видимо, время для лечения было упущено, и вскоре после приезда в больницу он скончался.

Вопрос о том, где захоронен Василий Нефедов, племянник великого русского скульптора, остается пока открытым. Логично предположить, что похоронили его где-то в этих же местах: либо на кладбище Полевского завода, либо на сельском погосте Мраморского. А между тем, поиски его могилы могли бы привести настойчивого исследователя к сенсационному открытию.

В метрических книгах Иоанно-Предтеченской церкви села Мраморского за 1918–1919 годы, которые мне

удалось посмотреть в Государственном архиве Свердловской области, записи о смерти Василия Нефедова нет. Однако это совсем не исключает возможности его захоронения именно на кладбище села Мраморского, поскольку обряд отпевания над ним могли произвести в любой другой церкви, а похоронить — на мраморской земле.

А теперь о главном. В 1923 году в сборнике «Аргонавты» был опубликован очерк С. Розанова «У Эрзы на Урале». Его автор побывал в гостях у Степана Дмитриевича в его мастерской в Екатеринбурге и поделился с читателями своими впечатлениями о скульпторе и его работах, которые ему довелось увидеть в то время. Из этого источника, в настоящее время ставшего уже почти мемуарным, известно, что в мастерской Эрзы в Екатеринбурге из мрамора изготавливалась скульптура, которую автор источника называет «Моление о чаше». Вот дословная выдержка: «Еще несколько минут в мастерской. Вдруг откуда ни возьмись голубь, нашедший себе здесь приют, слетает и садится на жертвенно склоненную фигуру Христа («Моление о чаше»); это новое произведение Эрзы думает поставить в качестве надгробия на могиле своего родственника».

Наверняка, под родственником подразумевается рано ушедший из жизни племянник Степана Дмитриевича Василий Нефедов. «Моление о чаше», которое еще называют «Гефсиманским молением», — это известный евангельский сюжет, согласно которому Иисус Христос пришел для своей молитвы перед арестом в Гефсиманский сад Иерусалима. Гефсиман-

▶ Памятник Эрзе в Москве на Крымской набережной

фицированную медицинскую помощь. В Екатеринбурге им снова не удалось поместить его в больницу. Кто-то посоветовал скульптору обратиться в земскую больницу Полевского завода, о которой шла хорошая молва. Оставив племянника на попечение Е.И. Мроз на екатеринбургском вокзале, Эрзя отправился в Полевской завод, где ему наконец удалось договориться с врачом. Василия перевезли в больницу Полевского завода.

Поместив захворавшего родственника на лечение, Эрзя и Мроз сами тем временем обосновались в селе Мраморском, издавна славившемся своими мраморными копиями. Здесь-то на краю села в заброшенной ветхой избушке и поселился ваятель со своей подругой жизни. Летом Степан Дмитриевич работал прямо в карьере, сам добы-

▶ Мастерская Эрзы в Уральской художественно-промышленной школе

Уральский следопыт, март 2014

В стране самоедов

Борис Михайлович Житков (1872–1943) — зоолог, один из зачинателей природоохранного движения в стране, основатель отечественного охотоведения как науки. В историю России он вошел как один из самых заметных путешественников конца XIX — первой четверти XX столетий. География его путешествий огромна, но свои первые шаги в науке Борис Михайлович начинал на русском Севере и Ямале.

Центральным же событием стала поистине грандиозная экспедиция 1908 года на полуостров Ямал. Эта область тундры на севере Западной Сибири оставалась мало известной вплоть до второй половины XX столетия, не говоря уже о начале века, времени путешествий здесь Бориса Михайловича.

Вместе с Б.М. Житковым весной в Обдорск прибыли и остальные члены экспедиции — капитан 17-го саперного батальона В.Н. Введенский в качестве топографа и ассистент Московского сельскохозяйственного института Д.П. Филатов, занимавшийся сборами флоры и фауны. На месте были наняты проводники и переводчики из местных жителей. 29 марта экспедиция выехала из Обдорска к месту стоянки своего каравана — в местность Пореча по пути к устью Воксарки. Олений караван из 480 оленей на 60 грузовых нартах вез имущество экспедиции — необходимый для научных изысканий инструментарий, провизию, а путешественники не хотели ни в чем себе отказывать и доставили из Москвы рис, консервированные овощи и сливки, кофе, какао, шоколад, лимонный и клюквенный сок; помимо этого, купили в Обдорске муку, крупу, ржаные сухари, сушку, печеный хлеб, кирпичный чай, сахар, масло, рыбий жир. Оленьим мясом, дичью и рыбой экспедиция обеспечивала себя по ходу путешествия. Обоз состоял из отдельных «анасов» (анас или аргиш — караван из нарт) по 6–8 нарт каждый.

Рассказ о всех перипетиях экспедиции занял бы не один десяток страниц. Приведу лишь несколько выдержек из записей Б.М. Житкова: «В полдень 3 апреля сняли лагерь, пересекли после полторачасового пути устье реки Щучьей (название это — перевод самоедского имени Пырри-яга) и вступили в пределы Ямала». Началось многомесьячное странствие по тундрам полуострова, а учитывая, что весь Ямал — это фактически лежащие на древних песках торфяники с обилием озер, рек и ручьев, оно оказалось нелегким, даже по современным меркам: многодневные бураны и пурги, весенняя распу-

тица, ночные нападения волков на отдыхающих ездовых оленей, переезды разлившихся рек и ручьев, нежелание местного населения знакомить русских со своими религиозными святынями и многое другое.

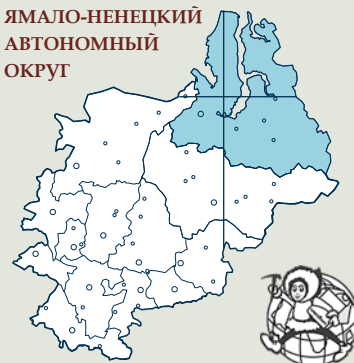
О сложностях свидетельствуют хотя бы такие строки: «29-го (апреля) дошли мы последними силами истощенных оленей до порядочных пастбищ. Западнее нас, по словам самоедов, лежало большое озеро. Но на вопросы о названии его, о положении верховьев Морды и озера Луце-хавы-то (в переводе «озеро умерших русских») все отзывались незнанием. Г.П. Кудрин уехал искать чумы местных вотчинников, для которых было затруднительно отговариваться незнанием местности. Поздно вечером, при тумане и дожде, прибыли самоеды, братья Юза и Сэури Вануйта. После нескольких колебаний они сообщили нам, что озеро Луце-хавы-то считается одним из наиболее священных мест на Ямале. Самоеды просили нас убедительно не брать из него воды. На вопросы о том, что находится по западную сторону водораздела, и далеко ли до верховьев Морды, самоеды отзывались незнанием. Я не настаивал, полагая, что все выяснится постепенно.<...>

После полудня 2 мая поехали мы с В.Н. Введенским на озеро Ямбу-то. Юза и Сэури Вануйта, все еще толком ничего не знавшие о больших озерах, лежащих к западу, поехали проводниками. Кудрин помещился на одной нарте с более экспансивным Сэури и, угощая его табаком, пилил всю дорогу. Хладнокровные рассуждения Кудрина о том, что он за всю свою долгую практику переводчика встретил только двух подлецов-самоедов, которые, зная превосходно местность, для каких-то целей скрывали свои знания и обманывали начальников, и что те живут далеко в низовьях тундры, а на Ямале, наверно, таких нет вовсе; равно и намеки на то, как жестоко карает начальство таких самоедов, когда потерят наконец терпение, — принесли ожидаемый результат. Когда моя оставшаяся нарта подъехала к остановившимся впереди спутникам, Сэури и Юза стояли перед капитаном Введенским и, оживленно жестикуюли, чертили на снегу план окружающей местности. Кудрин едва успевал переводить. Мы стояли на низком перешей-

▲ Борис Михайлович Житков

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры русского Севера, русских путешествий и путешественников. Участник многочисленных экспедиций. Автор более 600 научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского слепопыта». Живет в Москве.

Иллюстрации
предоставлены
автором

ке, почти обнаженном от снега, протяжением не более 100 сажень; небольшое круглое озеро лежало по середине его. Далее справа и слева уходили из глаз снежные равнины громадных озер. Крутые обрывы их берегов едва можно было различить вдали за туманной марой. Сэури показывал в обе стороны и болтал неудержимо. «Вот это озеро Ямбу-то; река Се-яга (Зеленая) течет из него прямо в губу. Летом на ней броды, в дожди переезжаем в лодках. Здесь озеро Ней-то, за ним еще два, но все связаны горлами. Из Ней-то течет река в Морды, зовется тоже Се-яга (Мутная). Морды течет хуито-хуито (далеко) — до моря. Можно идти лодкой из моря в губу, только здесь тащить надо. Вот перед нами озеро Луце-хавы-то — оно маленькое, но глубокое. По нему не плаваем — святое озеро. Но когда здесь умерли русские, никто из самоедов не помнит. Вероятно, давно».

Известность этой экспедиции Б.М. Житкова принесли исследование и картирование фрагментов старинного волокового пути через Ямал в обход коварного пролива Малыгина между островом Белым и материком, которым пользовались идущие в Мангазею и возвращавшиеся оттуда в Архангельск купцы. «Найденный нами древний торговый путь, точное определение положения которого являлось одной из наиболее интересных задач экспедиции, необходимо было нанести на карту <...> Я решил поэтому, поручив капитану В.Н. Введенскому инструментальную съемку озер, лежащих к востоку и западу от Луце-хавы-то, и маршрутную — реки Се-Яга (Зеленой) до Обской губы, а Д.П. Филатову — сборы весенней флоры и фауны, двигаться далее на север через самоедские кочевки, взяв с собою только переводчика Г.П. Кудрина».

Среди вопросов этнографии самоедского населения Ямала Житкова особенно привлекли быт и занятия северных инородцев; в то время «туземное население» полуострова составляли так называемые каменные самоеды (самоеды, живущие на Камне, на Урале). До исследований Б.М. Житкова даже неясно было — какова же, например, численность населения этой окраинной области Российской империи, какие народы здесь живут, да и о многих вопросах их этнографии имелись весьма приблизительные представления.

Житков установил, что «области, пройденные нами, заняты главным образом кочевьями малоолненных самоедов, держащихся неподалеку от Обской губы и богатых рыбой больших озер Ярро-то, из которых вытекает река Юрибей. Между Щучей и Хадыте лежат кочевья варвацких оленних остяков, число которых определить очень трудно, так как они часто меняют места кочевий в зависимости от хода рыбного промысла. При-

Вид на Урал в верховьях Соби.

Карское море. Край берегового припая на широте устья Пасидай.

Лагерь экспедиции банзы устья Щучьей.

Край тундры и речная долина в месте слияния реки Сё-ага (Мутной) и Моры.

близительно хозяев здесь человек 20, число оленей у хозяина от 20 до 50. Между Хадате и бассейном Тоботарок и частью ближе к губе и озерам Ярро-то кочуют малооленные самоеды из рода Пуйко. Некоторые из них владеют песками по Обской губе (Песками в старину назывались рыбные места на сибирских реках, в частности, на Оби. — Н.В.). Между Тоботаркой и Ядой (названия ямальских рек. — Н.В.) есть самоеды из рода Вануйто, между Ядой и Ярро-то — из рода Теймя. Большинство малооленных самоедов отдают своих оленей пасти в отдельные чумы, а сами работают летом на рыбных промыслах русских или самостоятельно промышленно рыбу». Несколько самоедских родов имели владения и на севере Ямала.

Большую часть года ямальские самоеды оставались на землях, закрепленных за отдельными семьями (чумами) и родами, выпасая тут оленей, заготавливая рыбу и ведя промысел зверя и птицы. Дважды в год оседлый характер их жизни нарушался, восьмимесячное «сидение» прекращалось, и они собирались в путь. В начале зимы, в ноябре, из-за отсутствия топлива для своих очагов самоеды откочевывали на юг, в лесную полосу, доходя при этом до Надьма и Обдорска. По словам Житкова, «с ноября по март Ямал пустеет; остаются лишь немногие чумы вблизи пролива Малыгина и у бе-

регов Карского моря, чтобы ранней весной (до прихода других охотников. — Н.В.) промышленно белого медведя». В Обдорске, во время своего зимнего пребывания близ устья Оби, самоеды участвовали в местной ежегодной ярмарке и здесь сбывали всю добычу за год пушнину, продукты оленеводства и морских промыслов, запасались порохом, свинцом, провизией и всем необходимым для жизни. В марте-апреле, когда заканчивалась полярная ночь, близились весна и лето — основное время промыслов, самоеды снова собирались в свои родовые земли, в средние и северные районы Ямала. Каждая кочевка занимала у них около двух месяцев. После путешествия Житкова стало ясно, что население этого огромного полуострова в то время состояло из примерно двух тысяч «каменных самоедов», из них около 700 — так называемые «ревизские души», т.е. кто, «по-видимому, платит налог».

Хотя северные инородцы-кочевники всячески препятствовали проникновению в тайны их религиозных обрядов или на особо чтимые ими святилища и места захоронения умерших родственников, русской экспедиции все же удалось закартировать и описать многие святыне для ненцев места. Эти описания уникальны, ибо в течение XX столетия многие из них были разграблены.

«Через два часа езды, миновав расположенное на низком кургане жертвенное место, у которого останавливаются обыкновенно для принесения жертв самоеды, едущие промышленно зверя на пролив, приехали мы к чуму Тероко Уэнога (один из самых богатых оленеводов, промышленно по побережью восточной части пролива Малыгина и на устье Обской губы. — Н.В.), стоящему у верховьев небольшой реки Холе-яга, текущей к северу в пролив Малыгина. <...> На берегу океана находилось жертвенное место довольно оригинального вида. Около небольшой группы грубо сделанных сядеев нагромождена была громадная куча, состоявшая сплошь из черепов белых медведей. Только несколько голов диких оленей лежало сверху или надето было частью на священные палки с зарубками. Сверху лежали свежие черепки, на нижних рядах — совершенно выветрившиеся. Вероятно, не одну сотню лет самоеды складывают здесь чучела самого ценного в промысловом отношении зверя во славу тадебцев (тадебцеи — вероятно, духи у самоедов. — Н.В.). С разрешения самоедов я обогатил свои коллекции десятью прекрасными черепками».

В самой северной части Ямала, у мыса Хаэ-сале (мыса Шайтанов), они оказались поблизости от ненецкого стойбища, чумов старшины Нанди. Сделали лагерь и дневку.

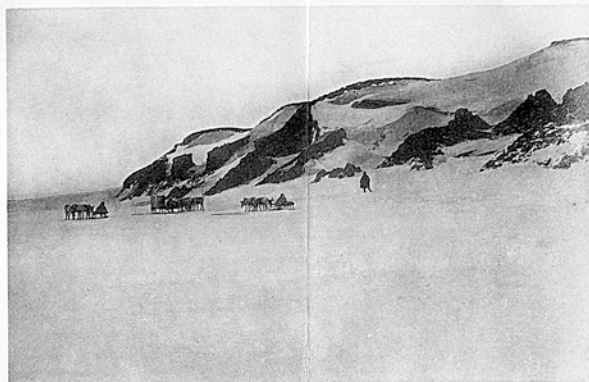
«Мы разудали уже ранее, что жертвенное место Лумах-хэ лежит в тундре

Въ бродъ на паргѣ.

Чумы богатого самоѣда на Юрюбей.

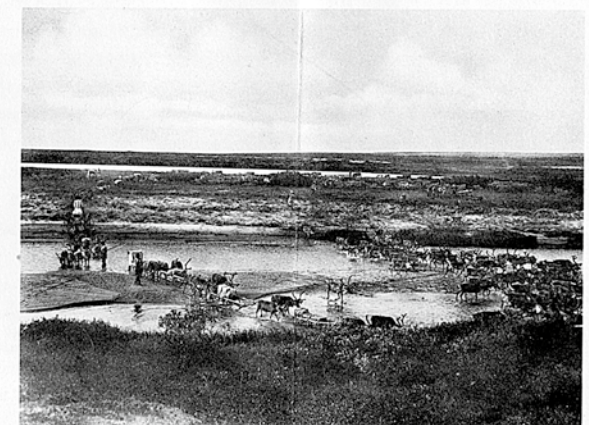
Берегъ Обской губы около устья Сѣ-нга (Зелёной).

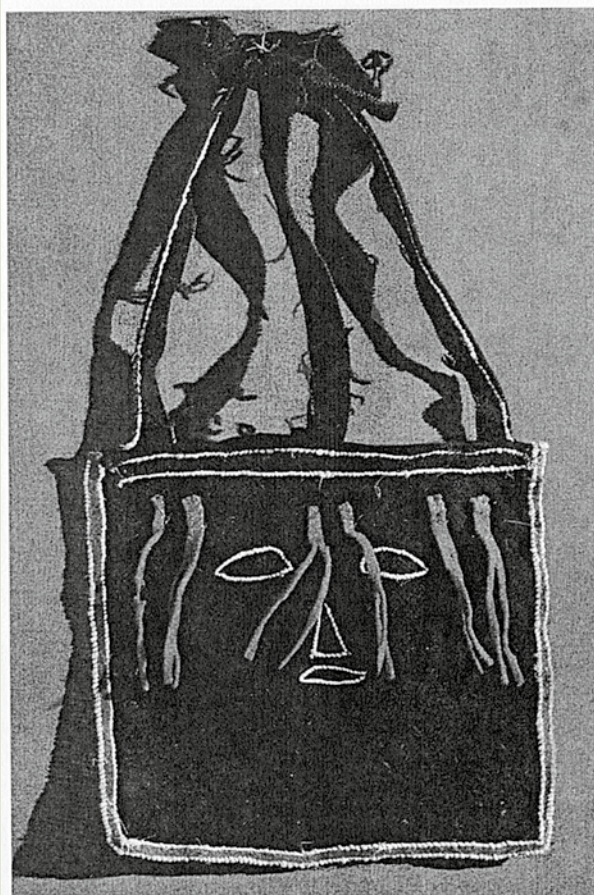
Жертвенное мѣсто близъ мыса Хаень (Думаль-ха).

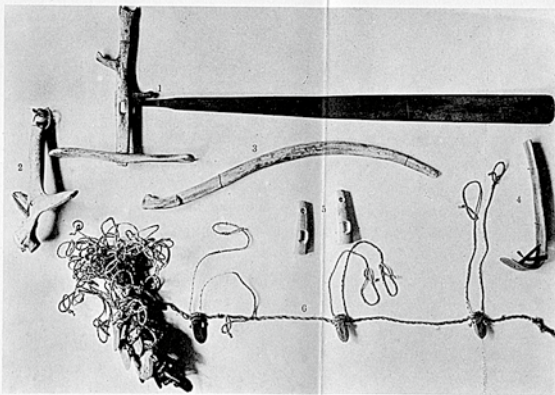
Переправа грузовъ экспедиціи.

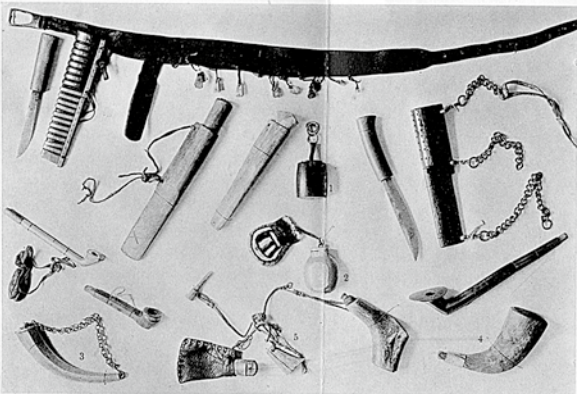
Экспедиція въ пути (верховья Яды).

Шаманская маска большеземельскихъ ненцевъ, первая четверть XX вѣка
Изъ альбома "Маски народовъ Сибири". Л., 1975.

Индийские каменные самоёдов. 1. Сожки для стрельбы из винтовки. 2. Якорь, отягощающий капкан. 3. Палка для стряхивания снега с платья. 4. Лопатка для чесания спины. 5. Блочки, через которые пропускаются ремни упряжи, тянущие нарты. 1—4 из оленьего рога, 5—из моржового зуба. 6. Паёнки (силки) для ловли водяных птиц.

Индийские самоёдов из оленьего рога, мамонтовой и моржовой кости, олова, красной мёды, дерева и кожи. 1, 2, 3 и 4—табакекеры из мамонта, олова (2 и 3) и дерева. 5—охотничий прибор.

Тьёк по р. Хадьте.

Рыбка в высокой тундре.

вблизи мыса Хаэнь. Мы выехали туда, и после сорока минут довольно быстрой езды увидели в пологой складке тундры длинный ряд куч сядеёв, обложенных черепами жертвенных оленей, обвязанных обрывками шкур и сукна и занесенных снегом. Нас сопровождали жрец Лямби, Тероку Узнога и прибывший накануне в чум промышленников Узэррену Узнога, от которых и можно было получить необходимые разъяснения. Лумальский шайтан, по выражению самоёдов, «живет в семи чумах». Это значит, что деревянные идолы (сядеи) сгруппированы в семь отдельных куч, стоящих выгнутым рядом в нескольких шагах расстояния одна от другой. Несколько идолов стоят, кроме того, отдельно по одному и по два. Деревянные идолы здесь или обычного самоёдовского типа в виде коротких обрубков древесного ствола со стесанной сверху головой и грубыми насечками на месте глаз, носа и рта; или в виде длинных и тонких обтесанных палок, покрытых группами зарубок по семи в каждой группе. Но, кроме этих обыкновенных изображений, тут находились также две или три фигуры человека, гораздо тщательнее вырезанных из дерева, и несколько деревянных изображений птиц (саар), вполне похожих на те, которые в обиходе у енисейских остяков и тунгусов. В середине каждой кучи, как это обычно и на других жертвенных местах Ямала, установлена сухая лиственница — священное

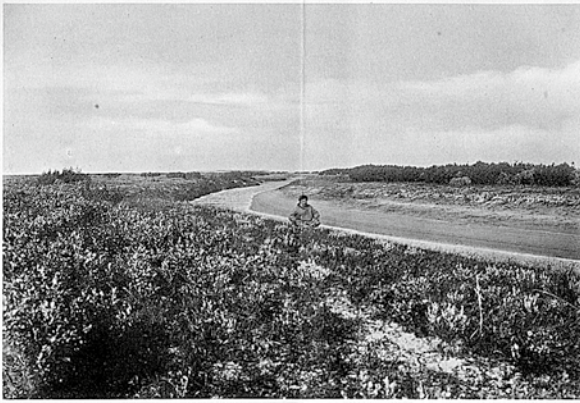
дерево самоёдов. Каждая куча сядеёв считается местом поклонения отдельных родов самоёдов, — около одной приносят жертвы Яптики, у других — Окотэпта, Вануты и т.д. Паломники приезжают сюда иногда не только из отдаленнейших частей Ямала, но и из-за него».

Немногие путешественники прошлого, подобно Житкову, относились миролюбиво к местным жителям северных окраин России, а потому не всем удавалось проникнуть в святая святых самоёдов — в их мир духов и богов. «Дружеские отношения, неизменно существовавшие между нами и самоёдами в течение всей экспедиции, позволили нам с Кудринным посетить святилище, молва о котором живет в отдаленных областях европейских и западно-сибирских тундр и которое по древности своей и своему значению можно сравнить только со святынями Вайгача, истребленными некогда миссионерами. Но этого мало. В ответ на некоторые подарки, сделанные мною самоёдам, они подарили мне несколько отдельных идолов, между ними также птицу и очень древнее — и по их словам и по состоянию дерева — изображение сидящей человеческой фигуры, подобного которому я не видел никогда ни на одном самоёдовском жертвенном месте. Самоёды говорили, что эта фигура — баба и что

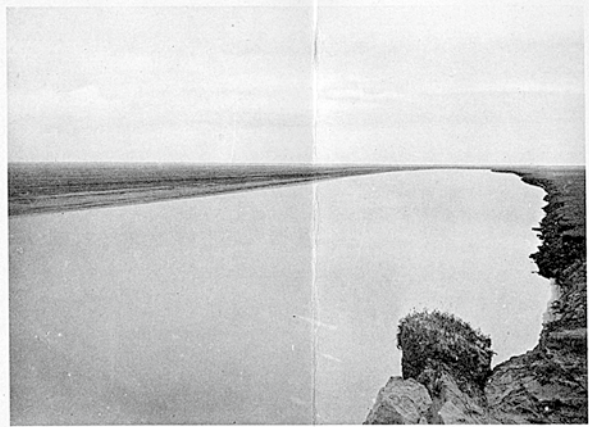
она чрезвычайно полезна промышленникам на медведя; они полагали, однако, что на место «бабы» можно поставить другого идола».

Другим примером служит хотя бы посещенное экспедицией святое место в центре Ямала. «20 апреля миновали мы расположенные на кургане Няремсотты многочисленные хальмеры (могилы. — Н.В.), принадлежащие самоёдовскому роду Езынги. Все хальмеры были сделаны основательно из хорошего леса, в виде четырехугольных ящичков с двумя стойками по бокам, снабженных перекладной. На женских могилах на этой перекладке вешается колокольчик, один из тех, которые женщины привязывают к нартам своих парадных упряжек, а иногда — более мелкие — носят на рукавах малицы. Во время ветров уже издали, бывает, слышен звон этих колокольчиков над хальмерами. У крещеных самоёдов на перекладке обыкновенно укрепляется крест. На берегу Ярро-то видел я один хальмер, который представлял собою перевернутую вверх килем отрезанную половину лодки, а в другом месте гробом — по видимому, ребенка — служила бочка».

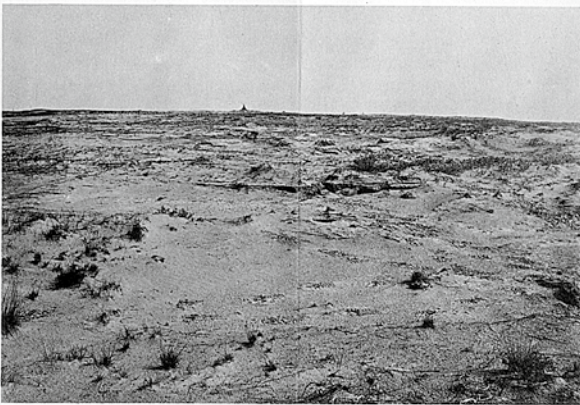
Не менее сложным, чем путь на север полуострова, оказался возвратный маршрут. «Путь перед нами лежал далекий и, главное, тяжелый. Самоёды, с которыми приходилось мне со-

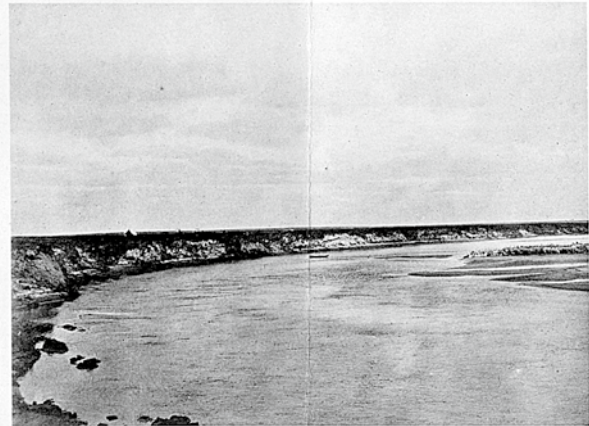
Заросли ив и ольхи на южном берегу озера Ярро-то.

Река Юрюбей в 50 верстах от устья.

Пустынный пейзаж в высокой тундре (пръ-хой).

Река Морды в среднем течении.

ветоваться об обратном пути, покачивали головами. Летом с обозами никто не ходит. Пока еще ничего, а скоро пойдут жара, комары... Благополучно не дойти до Оби. Олени будут пропадать и разбегаться; пойдут болезни».

«Широкое морское устье Морды, почти от Ясале до мыса Порнэ-сале, было потоплено водой, которую выносила река. Громадное пространство воды росло у нас на глазах, разливаясь все далее по морскому льду. Мы тронулись в путь, почти не успев подкормить оленей. Пришлось уйти далеко в море, чтобы обойти воду, выливавшуюся из устья. Но когда мы снова приблизились к берегу несколько южнее мыса Порнэ-сале, то увидели, что и здесь выход на берег будет нелегко. Прибрежные ручьи, вероятно, уже несколько дней выливали воду на морской лед, и заберега разлилась широко, затопив лед на версты четыре от берега, и ровной полосой уходила из глаз к югу. Уже вблизи нас льдины были сломаны и беспорядочно подняты водой. При движении нашем через заберегу оказалось, однако, что сломан верхний слой льда. Льдины приблизительно в полтора-два фута толщиной плавали на поверхности воды, которая стояла поверх плотного нижнего слоя льда. Глубина воды где достигала приблизительно по пояс человеку, где была несколько

глубже или мельче. Одни поднятые водой льдины образовывали целые маленькие поля в десятки сажень диаметром; в других местах лед был измельчен.

Мы сделали попытку пройти прямо к берегу, но скоро должны были остановиться. Олени наши и без того были вымучены. Мелкие льдины переворачивались под тяжестью упряжек, и животные падали в воду. С величайшим трудом приходилось вытаскивать нарты на льдины. Раздвигать лед, чтобы идти прямо водой, тоже не удавалось. Все было мокро, берегли только спички, патроны и запасной порох. Расстояние до берега, несмотря на усилия людей и животных, почти не убавлялось. Силы животных падали, — в воде приходилось менять оленей. После долгих усилий выбрались мы на большую льдину. Цепь таких льдин тянулась к югу. Положение наше осложнялось еще тем, что невдалеке сзади нас висела и клубилась непроницаемая завеса тумана. Каждую минуту туман мог накрыть нас и лишить возможности выбрать наиболее удобный путь. Пройдя версты четыре к югу, увидели мы избавление. Несколько больших льдин стояли цепью по направлению к берегу. Перебираясь с одной на другую, приблизились мы в конце концов на расстояние 100 сажень к земле. От берегового обрыва шел покрытый снегом

песок и твердый лед; ближе к нам — сажен в пятьдесят шириною — тянулось пространство забереги. Вода стояла как широкая река, небольшой ветер гнал по ней волны, и невозможно было решить, глубока ли вода и стоит ли она поверх льда или лед сломан».

Наконец, «4-го утром (августа. — Н.В.) увидели далеко на юго-западе высокий мыс Салемал, лежащий у начала дельты на правом берегу Оби, а в 4 часа пополудни вышли на край Обских сорос немного выше Пуйко».

Семимесячная экспедиция Б.М. Житкова на Ямал завершилась 6 августа там же, где и началась, в Обдорске. Борис Михайлович и его спутники сумели проехать на оленях вдоль всего Ямала по его срединной части с юга на север, достичь самого северного мыса полуострова, по льду преодолеть пролив Мальгина и попасть на священный остров самоедов — остров Белый, лежащий севернее него, и побывать на его святынях. Во время всего путешествия исследователи проводили топографическую съемку, составив одну из первых точных карт Ямала, осуществляли метеорологические наблюдения, собрали большие коллекции местных растений, животных, предметов ненецкого быта, которые по ре-

1. Деревянный идол с жертвенного места у мыса Хаевы (Лукоморья). 2 и 3. Идолы с устья реки Паской, снятый из профиля и на фоне (увеличено приблизительно в 4 раза).

по Общ. И. Р. Г. О. Т. ХЛХ.

Табл. XII.

шению Совета ИРГО были переданы Московскому университету и в Ботанический сад. К одной из главных заслуг экспедиции следует отнести топографическую съемку (полуинструментальную нивелировку) древнего волока поперек Ямала эпохи освоения златокопашей Мангазеи. Возвращаясь с севера полуострова, Борис Михайлович даже прошел часть этого древнего пути от западного побережья Ямала, из бассейна Баренцева моря, до водораздельных озер, откуда начинаются реки бассейна Обской губы (Карского моря).

Изучив самоедов Ямала, Борис Михайлович пришел к весьма неожиданному выводу, дающему объяснение их консервативным бытовым и религиозным особенностям, отличающим местных инородцев от соплеменников в других местах проживания в пределах их обширного ареала, например, от кочевников Большеземельской и Малоземельской тундры, Гыдана: «Самоеды Ямала фактически владеют совершенно обособленной территорией и сравнительно мало приходят в соприкосновения с русской и зырянской культурой. Это причина большого достатка каменных самоедов».

Среди описаний мест расположения самоедских святилищ даже

для современных этнографов особый интерес представляет остров Белый, южную часть которого удалось посетить Борису Михайловичу. Этот остров в силу своего местоположения в море, труднодоступности и удаленности от материка является одним из центров религиозного поклонения у самоедов, тут они «прячут» свои главные святыни. Поэтому все подобные острова в ареале распространения самоедов являются священными.

Наглядным примером является хорошо известный остров Вайгач и прилегающие с юга материковые тундры. Как и в ситуации с Вайгачом, где большеземельские самоеды, преодолевая отделяющий от континента пролив Югорский Шар, проходят целый ритуал, предшествующий посещению острова, с жертвоприношениями и «кормлением» идолов, то же самое Житков наблюдал и у их ямальских соплеменников. Поэтому перед переездом с северного берега Ямала через пролив Малыгина на остров Белый Житков и его спутники прошли своеобразный ритуал, предшествующий посещению этой святыни. В частности, они «подверглись» церемонии «окуривания бобровой струей». ☞

У Лукоморья

Николай Ерохин

С большим удовольствием прочитал в последнем номере Уральского следопыта за прошлый год статью Игоря Кузнецова «Лукоморье — легендарное морское побережье Обской губы». Не буду ее пересказывать, но суть публикации следующая. Лукоморье территория восточнее устья Западно-сибирской реки Обь. Т.е. лука (дугообразная Обская губа-залив) у моря.

Вспомним знакомые с детства несколько строк Пушкина А.С.

*У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей..*

Слово «лукоморье» есть, а теперь меняем в стихах красивое русское дерево дуб на сибирское дерево кедр или лиственницу и получаем инструкцию, где может находиться Лукоморье.

Златая цепь может превратиться в культовое, жертвенное дерево сибирских народов, украшенное цепочками и прочими дарами из бронзы и меди. Кота меняем на рысь, которая, как известно очень любит лазить по деревьям. Другой вариант еще лучше. В Сибири промысловики котами называют самцов соболей и куниц, а они классические древолазы. «Диких» людей — язычников (леших) с точки зрения русских христиан на сибирском севере хватает. Ну а избушка на курьих ножках без окон и дверей, это ух точно охотничий лабаз. ☞

Вид Уральских гор с реки Хэй-яки

Рис. Ив. Бермелева из книги "Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой" / Ред.-сост. Э.Горман. Том 2. СПб., 1856. Л. 186-6

Иллюстрации предоставлены автором

Прыжок

80 лет аэроклубу ДОСААФ им. А.К. Серова

Когда бываю в Екатеринбурге и прохожу по центральным улицам, непременно замедляю шаг у небольшого старого здания, постройки, вероятно, 1930-х годов, скромного, но примечательного: на его невысокой крыше словно приземлился, совершив вынужденную посадку, небольшой спортивный самолёт. Кажется, он готов снова взлететь в небо, но мешают новые постройки, появившиеся рядом совсем недавно. Здесь, у перекрестка улиц Малышева и Воеводина, в 1960-е годы, располагался Свердловский аэроклуб ДОСААФ — притягательный центр для молодёжи, мечтающей посмотреть на нашу Землю с высоты птичьего полёта, стремящейся испытать себя.

Пришёл туда однажды и я. Получилось это неожиданно — встретил своего однокурсника (мы учились в УрГУ) Витю С., он куда-то очень спешил. Вид у Витьки был таинственный, он явно что-то скрывал. Оказалось, он ходит в секцию парашотистов! Это меня крайне заинтересовало. В молодости всегда хочется чего-то необычного, волнующего. И я вслед за Витькой загорелся желанием побывать в голубом небе, узнать, что чувствует человек, шагнув в открытый люк самолёта. Опыта у меня не было никакого, разве что в школьные годы прыгнул с зонтиком с невысокой крыши в глубокий сугроб...

Шла зима, занятия в секции давно начались, но попытка — не пытка: я обещал наверстать упущенное время, надеясь на помощь Витьки. Первый прыжок был платным и стоил три рубля — значит, придираются особо не будут. Так и получилось. Меня приняли. Великое дело — хозрасчёт... Возможно, сыграло роль и то, что секция числилась в университетском комитете ДОСААФ. На общественных началах её курировал наш старший товарищ с факультета журналистики, Миша Шичкин, от-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Валентин Моисеев

Инженер, выпускник физического факультета УрГУ. Автор нескольких публикаций в «Уральском следопыте». Живет в Нижнем Тагиле.

▼ Студенты-дизайнеры с портретами героев и руководителем проекта Ю.И.Постоноговым

▲ Портрет С.А.Киселева
(в центре)

◀ Памятный знак в честь 80-летия Аэроклуба. Автор Ю.И.Постоногов

служивший три года в десантных войсках.

Просторная комната на первом этаже аэроклуба, в ней тишина, молодые парни сосредоточенно склонились над длинными узкими столами для укладки парашютов. Укладку все делают для себя сами, вдвоём. Это очень ответственно, щекочет нервы. Но если всё сделать правильно, то бояться нечего. Главное, не торопиться. Сначала укладываем в виде своеобразной гармошки купол парашюта Витьки. Купол перкалевый, квадратной формы, площадь его семьдесят квадратных метров. Затем самая ответственная операция: свернуть и вставить в брезентовые «соты» длинные прочные стропы. Зовём инструктора, просим проверить нашу работу. Потом берёмся за мой парашют.

Парашюты ещё довоенного образца, десантные, многократно испытанные. Надёжные. Но порядок есть порядок: в кармашек парашютного ранца вкладывается записка с подписями

укладчика и помогающего. Так, на всякий случай...

На следующем занятии выходим во двор клуба, там тренажёр — деревянная вышка. Прыгаем с неё. И на этом наша подготовка завершается. Но предстоит ещё медкомиссия; её очень побаиваюсь. Псылают на рентген, на анализ крови. Затем нас осматривает давно работающий в аэроклубе старичок-доктор, похожий на Айболита. Волнуюсь, пульс учащённый. В детстве я часто болел ангиной, и это отразилось на здоровье. Доктор качает головой: на аэродроме сердце будет биться ещё сильнее. Но всё же «Айболит» пожалел меня и дал разрешение на прыжок.

Несколько томительных дней ожидания. И вот, наконец, сообщение: «Завтра прыгаем». Наутро, чуть свет, мы в аэроклубе, забираем парашюты, садимся в автобус. В нём уже устроились незнакомые нам спортсмены-разрядники, парни и девушки. Смеются, шутят. Обуты они в унты, за голенищем — нож-стропорез, острый как бритва. Нож нужен, если при прыжке запутаются стропы. А у нас с Витькой экипировка никудышная — городское пальто, на ногах валенки. Ещё зима, мороз градусов двадцать.

Тронулись. Ехать больше часа — по улице Белинского, затем по Челябинскому тракту. Вроде бы я не боялся, но когда проезжали мимо здания

нашего университета, сделалось как-то не по себе: вернусь ли... Слушаю, как балагурят наши опытные спутники, и спокойствие возвращается ко мне.

Свернули на просёлочек, и вскоре оказались у края большого заснеженного поля. Сумерки прошли, стало светло.

Выгрузились у стартовой площадки. Готовим парашюты — ремни их креплений подогнаны плохо. Это наша оплошность — примеряли ведь их в комнате. Исправлять некогда. Помогаю Витьке. Вдвоём мы всё же как-то справились. Ещё надо прикрепить запасной парашют.

Я снимаю своё длиннополое пальтишко, кто-то накидывает его себе на плечи и взамен даёт мне видавший виды ватник. Теперь пора и мне застёгиваться. Жду помощи от Витьки. А он увлёкся — смотрит на прыжки предыдущей группы. Действительно, зрелище красивое — залитые солнцем белоснежные купола на голубом фоне. Началось построение группы, переключки. Времени в обрез. Меня вызывают по списку последним, и я всё же успеваю.

Зелёный «кукурузник», замечательный десятиместный АН-2, «обутый» в лыжи, уже ждёт. Огромное поле покрыто толстым слоем снега. Мотор крылатой машины не заглушен, винт крутится, вздымая снежные вихри. Возле двери самолёта воздушный поток едва не сбивает меня с ног.

Инструктор наскоро проверяет нашу готовность, цепляет за натянутый в самолёте трос карабины фалов (верёвок), которые должны при прыж-

▼ Работа над портретом
Г.А.Исаханяна

ке сдёрнуть чехлы парашютов. Быстро взмываем в воздух. Смотрю на своих соседей — они, похоже, тоже новички. В конце фюзеляжа, на полу, примостились двое парней-разрядников. Когда мы выпрыгнем, они полетят выше и совершат затяжной прыжок.

Самолёт делает вираж, гудит сигнал. Высота 800 метров. Мы по очереди подходим к открытой двери и по команде выпускающего шагаем в пространство. Шагнуть легче, если смотреть вдаль, а не вниз. Справился...

Но закувыркало, потерял ориентировку — где верх, где низ... Через несколько мгновений — сильный рывок: раскрылся купол. Шапка-ушанка съехала на глаза. Поправил её, и первым долгом взглянул на стропы, они скрутились в жгут, как бывает на качелях. Когда они раскрутились, я успокоился и, наконец, осмотрелся вокруг. Надо мной никого не было, самолёт улетел, наступила оглушительная тишина.

Однако тишиной насладиться не пришлось: снизу крикнули, что меня несёт на купол Витькиного парашюта, который оказался прямо под мной. Вот-вот встану на него ногами. Тяну за ляжки, как учили — купол наклоняется и скользит в сторону. Витька спускается рядом. Стали переключаться, выражать свои восторги.

Тем временем заснеженная земля быстро приближалась. Надо было срочно разворачиваться по ветру,

▼ И.Б.Соловьёва

чтобы не упасть на спину. Чуть-чуть не успеваю, но рыхлый снег смягчил приземление. Осталось лишь погасить купол парашюта — он тащит меня по полю как парус, и передо мной растёт снежный вал, образуя сугроб. Тяну за стропы — сил не хватает. Прокатился так метров семьдесят, пока вспомнил, что тянуть надо только за нижние стропы.

Прыжки закончились, но пришлось задержаться — искали меховой унит, который сорвался с ноги девушки-перворазрядницы. Так и не нашли... А наши валеночки выдержали — мы их привязали резинками от старых парашютных ранцев.

С Витькой мы по-прежнему друзья. Нам дали первые награды — маленькие значки парашютистов. Просились мы прыгнуть ещё раз, но нам очень вежливо предложили с этим повременить, — слишком много было желающих. Молодёжь рвалась в небо.

Я рассказал лишь о совсем маленьком, заурядном, но запоминающемся и важном для меня эпизоде из жизни аэроклуба, участником которого был полвека назад. Екатеринбургский авиационно-спортивный клуб им. славного летчика А.К. Серова существует и сейчас, он имеет богатую и славную историю. Ему уже 80 лет! Клуб начал свою деятельность в 1933 году. В 1934-м в трёх аэроклубах, действовавших на территории Свердловской области, занималось уже свыше 400 человек.

Это было время героев и энтузиастов, тревожное время — уже была

близка Великая Отечественная война. Когда она началась, Свердловский аэроклуб преобразовали в 27-ю авиационную школу Уральского военного округа, затем в авиационный полк, отправленный в декабре 1941 года на защиту Москвы. Потом уральские авиаторы героически воевали на других фронтах, пройдя с боями от Москвы до Сталинграда, затем через Молдавию, Румынию, Югославию до Австрии. В 1945 году за боевые заслуги полку было присвоено звание гвардейского. 17 воспитанников уральских аэроклубов в период войны удостоены звания Героя Советского Союза. Героем Советского Союза стал и легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов, также проходивший в аэроклубе подготовку по прыжкам с парашютом.

После войны работа Свердловского авиаспорта возобновилась осенью 1950-го года. Клуб готовил лётчиков, механиков, парашютистов, планистов, проводились соревнования, появились мастера спорта, им покорялись многие рекорды вплоть до мировых первенств. В 1958 году на спартакиаде народов СССР абсолютным чемпионом становится Сергей Киселёв. Этот удивительный человек дважды становился чемпионом мира. Поражает его увлечённость и спортивное долголетие: продолжал прыгать с парашютом и после 70 лет! Из многих уральцев, энтузиастов парашютного спорта, нельзя не назвать и другого увлечённого человека, замечательного спортсмена и организатора Владимира Дмитриевича Гмызина. Во многом благодаря ему, у нас сложилась одна из сильнейших школ парашютистов. И ещё живут и помнятся многие, многие другие имена. Всех не перечислить...

А когда началась космическая эра, в Центр подготовки космонавтов пригласили и воспитанницу клуба, выпускницу Уральского политехнического института, пятикратную рекордсменку мира по парашютному спорту Ирину Соловьёву. Она стала дублёром первой женщины-космонавта Валентины Терешковой.

И сегодня Екатеринбургский авиационно-спортивный клуб ДОСААФ готовит хороших спортсменов и проводит соревнования. А лёгкий самолётчик на крыше здания, словно хоть сейчас готов взмыть в манящее бездонное небо...

В юбилейные для Аэроклуба дни в редакцию написал Юрий Иванович Постоногов, художник и архитектор, профессор Уральского федерального университета. Он рассказал об интересном начинании, инициированном кафедрой.

▲ Студентки УПИ Т. Карамышева, И. Соловьёва, В. Гурьяшина, 1959 г.

Юрий Постоногов Студенческая галерея героев

Студенты кафедры культурологии и дизайна УрФУ успешно сочетают учебу с патриотическим воспитанием. Они знакомятся с судьбами выдающихся выпускников универси-

▲ Тренировочный прыжок, 1964 г.

▲ В свободном падении

тега, героев Советского Союза, создают их скульптурные портреты. Ими воспроизведены бюсты космонавтов П. И. Беляева, В. И. Севастьянова, В. Г. Лазарева, которые жили в Свердловской области. В связи с 80-летием Екатеринбургского аэроклуба они обратились и к биографиям его выпускников. Так под началом Ю. И. Постногова появилась на свет целая серия скульптурных портретов.

Студентка Екатерина Коваленко вылепила скульптурный бюст Героя Советского Союза летчика Анатолия Константиновича Серова, имя которого носит Аэроклуб. Портрет подарен музею Аэроклуба.

Виктория Куперштейн создала в глине и перевела в гипс портрет Ирины Бояновны Соловьевой, дублера первой женщины-космонавта Валентины Терешковой. И эта студенческая работа тоже украсила экспозицию музея Екатеринбургского аэроклуба.

Под руками студентов Дениса Гвызина и Игоря Зубарева с помощью опытного наставника ожили черты десятикратного рекордсмена мира, испытателя космической техники, лауреата Государственной премии СССР, мастера парашютного спорта Сергея Александровича Киселева. Портрет подарен радиотехническому факультету университета, выпускником которого был Сергей Киселев.

А студентка Юлия Катущина решила испытать себя в работе над

▲ С. Киселёв совершил первый в стране прыжок на стадион, 1963 г.

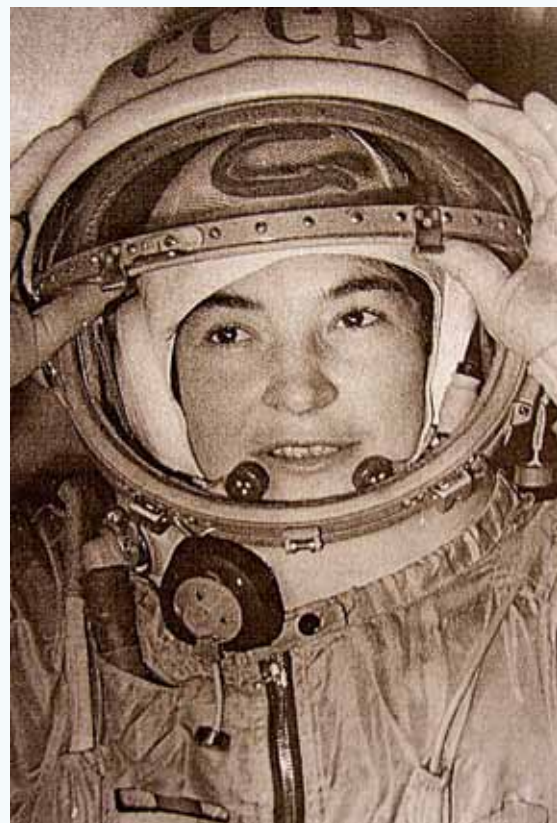
► Ирина Соловьёва, дублёр В. Терешковой, 1962 г.

скульптурным портретом выпускника Аэроклуба Юрия Исламова. Он служил в Афганистане командиром отделения батальона спецназа. Участвовал в 16 боевых операциях. Геройски погиб, подорвав себя и врагов гранатой, и был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Похоронен в родном городе Талице, где в ряду с улицей легендарного разведчика Николая Кузнецова есть теперь и улица Юрия Исламова. Бюст, сработанный студенткой, передан в талицкий музей Н. И. Кузнецова в экспозицию Юрия Исламова.

И еще один портрет пополнил студенческую скульптурную галерею — Героя России Геворка Анашвановича Исаханяна, который в свое время возглавлял Свердловский областной совет ДОСААФ. Его скульптурный бюст из гипса, тонированный под мрамор, сработала студентка Юлия Водяная. Он передан в екатеринбургский музей «Крылатая гвардия».

Так, благодаря инициативе кафедры и энтузиазму студентов, не прерывается связь поколений. **УС**

► После удачного прыжка

Путораны — трудная мечта

Предисловие

Прощальный гудок разорвал синеву заполярного неба. Взревели машины, и теплоход медленно, как бы нехотя, начал своё движение, рассекая холодные воды могучего Енисея.

Пассажиры стояли на палубах и бросали на уходящий берег последние взгляды. Некоторые махали руками, стоявшим на дебаркадере провожающим те махали в ответ. Отдельные выкрики, шутки, смех, пожелания, напутствия и просто слова — всё слилось в один нестройный и негромкий гул. Тот очаровательный гул, присущий только этому моменту. Моменту прощания перед дальней дорогой.

А над всем этим: и над бескрайним простором Енисея с его неброскими берегами, и над этим человеческим гулом, не заглушая, но дополняя его и придавая происходящему особую торжественность, раздавалось «Прощание славянки».

Теплоход покидал Дудинку. Мы возвращались с Путоран...

Всё это походило, скорее, на кадр из фильма, чем на ту повседневную реальность из нашей привычной городской жизни, которую мы успели с такой лёгкостью позабыть и в которую сейчас так неспешно вливались.

Мы разместились в двухместной каюте, расположенной в трюме, в непо-

средственной близости от воды и вдали от суеты многолюдных палуб. Здесь, в тишине и покое, за четыре дня плавания я написал походный дневник, вести который на маршруте не было ни сил, ни желания.

Именно этот дневник и лёг в основу данного повествования.

Поход

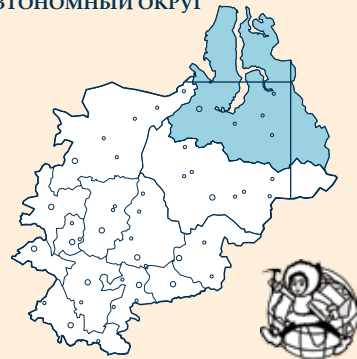
Летом 2009 года мы совершили путешествие по Красноярскому краю, апофеозом которого стал пеший поход в Центральную часть плато Путорана.

Мы — это Артём Русин и я, Владимир Куптюхин. Оба из Екатеринбурга.

Основной целью нашей экспедиции были, разумеется, Путораны. Ради этого, собственно, всё и задумывалось. Однако, отказавшись от идеи лететь самолётом, заменив последний на поезд и теплоход, мы, тем самым, значительно расширили географию своего путешествия, проехав сначала с юга на север, а потом с севера на юг большую часть Красноярского края. Побывали в Красноярске и целом ряде других городов и посёлков, посетили красноярские столбы, посмотрели Енисей во всём его многообразии. Всё это было безумно интересно и представляло собой отдельную самостоятельную часть нашей экспедиции, но всё же главным для нас, как

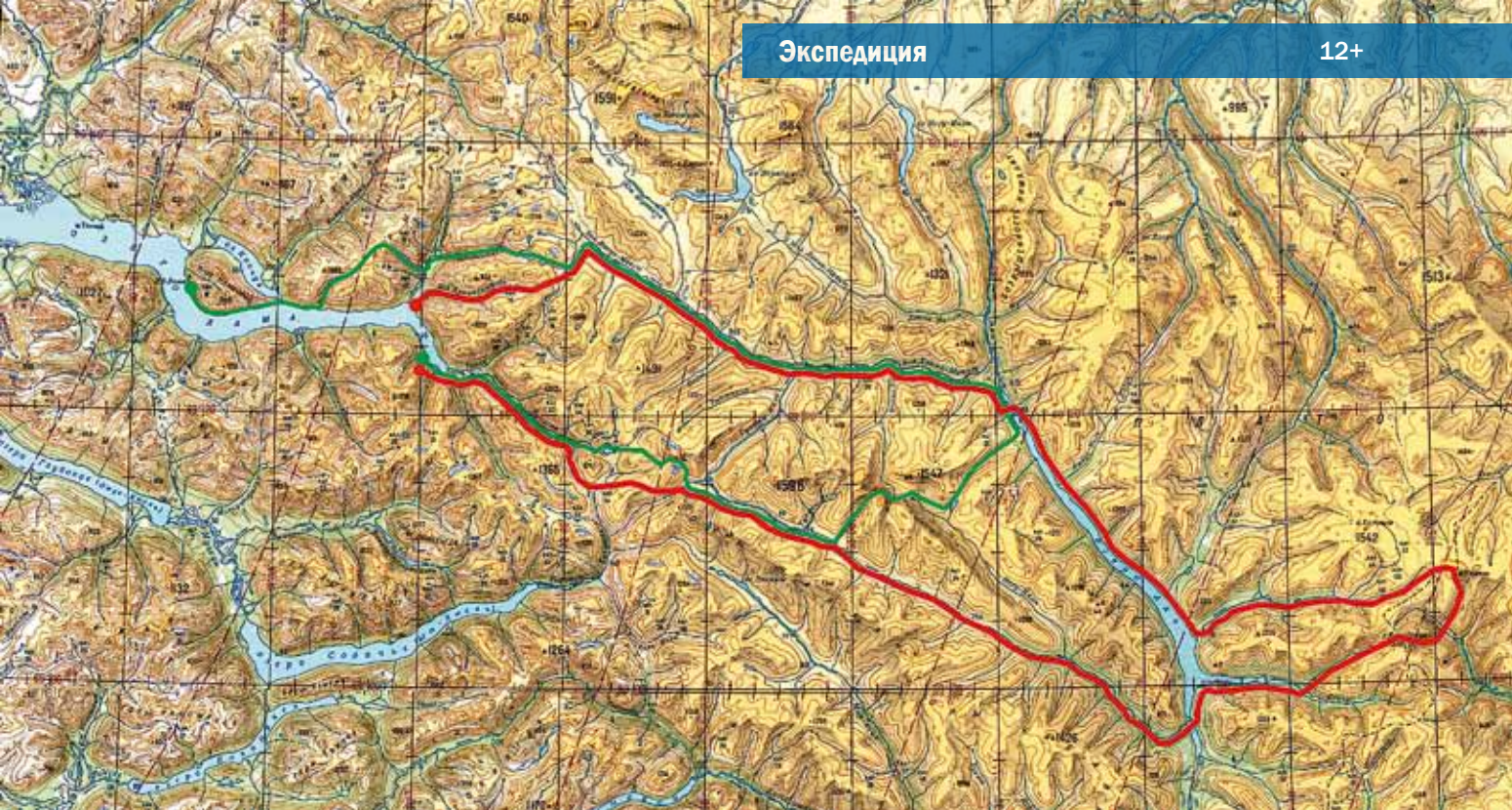
Фото Артема Русина.

ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ
АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

Владимир Куптюхин

Окончил географический факультет НГПИ. Организовал и провел ряд походов по Уралу и Сибири. В настоящее время работает в сфере промышленного альпинизма.

▲ Схема маршрута. Красным обозначен заявленный маршрут, зеленым фактически пройденный

уже говорилось, являлся путоранский поход. О нём и пойдет речь.

23.07.09. Четверг.

В 13:00 по местному времени теплоход «Александр Матросов» прибыл в Дудинку. Завершилось наше, затянувшееся из-за туманов на 16-часов, плавание по Енисею. Спокойная, познавательно-созерцательная часть нашего путешествия заканчивалась. Впереди был тяжёлый поход. Впрочем, тогда мы ещё не знали, как оно всё сложится.

Прямо у дебаркадера договорились с машиной до Норильска. По три сотни с каждого вместе с рюкзаками. Автобус обошёлся бы так же.

Трасса Дудинка-Норильск — это километров 90 по изрядно разбитой дороге через тундру. Ехали где-то часа 1,5-2. Из всего увиденного за это время особенно запомнился Кайеркан — городок, мимо которого проезжали. Жуть!

В Норильске первым делом зашли в администрацию ГПЗ «Путоранский». Так как маршрут экспедиции проходил по территории заповедника, необходимо было получить разрешение на его посещение.

Директор ГПЗ «Путоранский» Ларин Владимир Владимирович провёл с нами беседу и выдал разрешение. А ещё подарил каждому по значку с символикой заповедника.

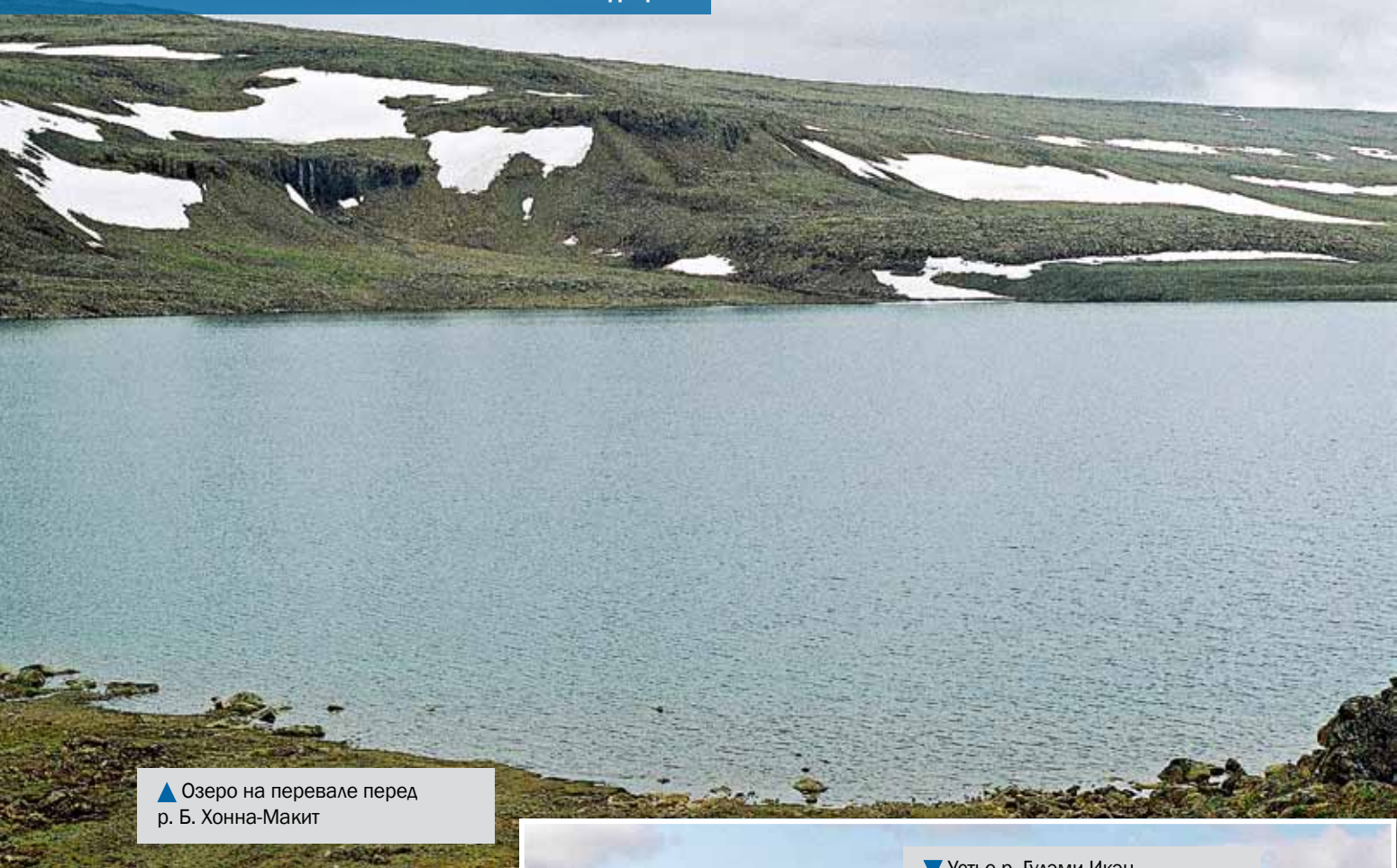
▼ В окрестностях озера Лама

Дальше нужно было решить вопрос с катером. Предварительной договорённости относительно заброски на оз. Лама у нас не было. Расчёт был на попутные суда, активность которых возрастает к выходным.

Оставив рюкзаки на вахте, в здании, где находится администрация заповедника, мы поехали на пристань искать попутный транспорт. Сначала обратились к известному нам из отчётов других групп Вадиму Воронцову. Его катер уходил на следующий день. Он согласился взять нас на борт, но запросил высокую цену — 10 тысяч рублей до базы отдыха в центральной ча-

▼ Долина реки Бучерама

▲ Озеро на перевале перед р. Б. Хонна-Макит

сти озера, куда он вёз группу отдыхающих, и 15 тысяч рублей — в восточную часть Ламы, куда нам собственно было и нужно.

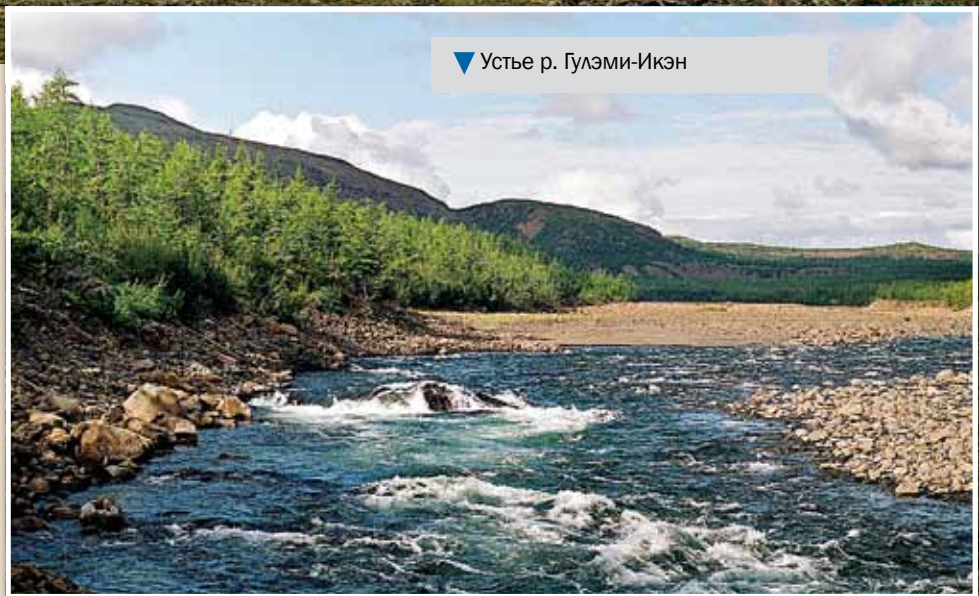
Цена была явно завышенной, и мы решили поискать другое судно. Обошли всю пристань. Людей почти не было. Договариваться было не с кем. Оставалось либо соглашаться на грабительские расценки Вадима, либо попробовать попытать счастья завтра. Мы стояли в раздумье, когда на одном из пришвартованных катеров заметили человека. Подошли, объяснили ситуацию. Он согласился нас отвезти за 4 тысячи рублей, но только до базы в центральной части озера.

Такая заброска удлиняла маршрут, что совершенно не входило в наши планы. С другой стороны, сумма в 4 тысячи была более адекватной. А вот найдём ли мы завтра катер, идущий, куда нам нужно, — вопрос. И если не найдём, то рискуем зависнуть в Норильске до следующих выходных, а тогда — прощай, поход. Решили не рисковать.

Отправление было назначено на завтра на 17:00.

24.07.09. Пятница.

С утра погуляли по городу, докупили кое-что по мелочи. Затем съездили в посёлок Оганер, зарегистрировались в МЧС.

▼ Устье р. Гулэми-Икэн

В назначенный срок были на пристани. Капитан, с которым накануне договаривались, вёз на Ламу компанию отдыхающих, какое-то, с его слов, «начальство», и очень не хотел, чтобы они нас увидели. Мол, иначе у него будут проблемы. Посему нас разместили заблаговременно, ещё до приезда «высоких гостей», в какой-то подсобке рядом с машинным отделением, да ещё и заперли на ключ. На всякий случай. Такими были условия, оговоренные ещё вчера. Прямо нелегальный переход границы. Забавно.

Плавание продолжалось шесть часов и было, скорее, утомительным, чем приятным. Вместо прогулки на катере, что называется, с ветерком и любованием пейзажами — шесть часов под замком и бутылка водки — бонус от экипажа. И на том спасибо.

В 12 часу катер высадил нас неподалёку от базы отдыха. Вот она — Лама!

За время заточения скопилось столько энергии, что усидеть на месте не было никакой возможности. Сразу после высадки двинулись в путь, чтоб хоть немного размяться. Прошли

от силы километра два и поставили лагерь.

Прошедшая ночь с незаходящим за хребты солнцем приводила в какой-то неописуемый восторг. Спать решительно не хотелось. Легли только под утро, определить наступление которого можно было разве что по часам.

28.07.09. Вторник.

Было уже за полночь, когда мы спустились в долину р. Бучерама. Вокруг первозданная красота. Позади — четыре дня похода. Тяжёлые четыре дня, которые показали, как жестоко ошиблись мы при выборе обуви, и поколебали нашу уверенность в конечном успехе всего предприятия.

В этом походе, выбирая обувь, ставку сделали на резиновые сапоги. С собой были ещё кроссовки. Для нашего маршрута обувь оказалась крайне неудачной. С первых дней похода и до самого конца мы шли на больных ногах, что, несомненно, сказалось на результате.

Первые два дня мы продвигались по берегу Ламы. Занятие это крайне утомительное. Постоянно приходится идти по камням, временами под довольно острым углом. Скорость при

ся, без ног. В такой ситуации нам требовался отдых. На следующий день мы сделали днёвку, которая плавно перешла во вторую. Нужно было подлечить ноги и обдумать сложившееся положение. Откровенно говоря, мы не рассчитывали, что будет так тяжело и так медленно. Понимали, конечно, что будет трудно, но всё же...

За два дня отдыха силы восстановились. Теперь до озера Аян будем идти без остановок. В смысле без днёвок.

06.08.09. Четверг.

Сегодня совсем немного не дошли до озера. На подходе к нему остановились передохнуть, попить чаю. Тут выяснилось, что Артём потерял сапог. Левый. Сегодня он шёл в кроссовках, а сапоги закрепил по бокам рюкзака. Затянул ремнями. Он и раньше так делал, когда шли по сухому, хотя понимал, наверное, что это не очень надёжно. Более того, ещё мне нотации читал, когда у меня ушла ВЗК-ка, а теперь сам остался без сапога.

Посидели, посмеялись. Пошли искать сапог. В принципе, шансы были. На предыдущей стоянке, где мы смотрели карту, всё было на месте. Вот правда, шли последний отрезок пути

как придётся: то берегом, то по склону через лес, совершенно не отслеживая траекторию движения. Да и попробуй там отследи! Да и зачем? Мы же не собирались возвращаться назад. Только вперёд...

Короче, поиски успехом не увенчались. Вернулись к рюкзакам и, так как поисково-спасательная операция отняла много времени, решили ставить лагерь.

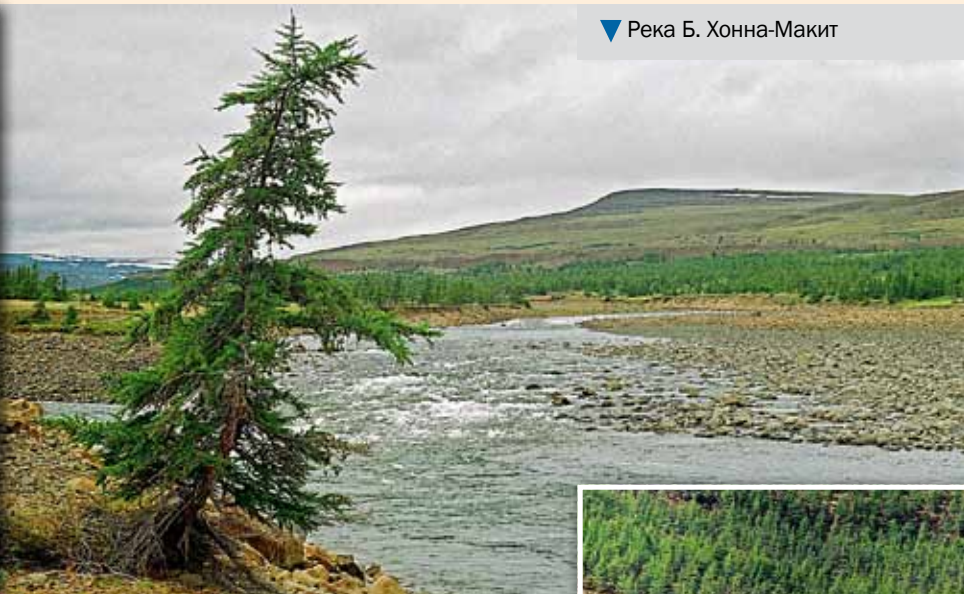
Путь от Бучерамы до реки Аян занял у нас семь дней. Большая часть маршрута проходила вдоль Большого Хонна-Макита, знаменитого своим живописным каньоном и двумя потрясающими водопадами в нижнем течении. В целом, данный этап похода дался нам легче, чем предыдущий. Отчасти от того, что мы уже привыкли к окружающей нас суровой действительности. Отчасти от того, что полегчали рюкзаки. Однако нужно было отдохнуть, устроить днёвку. Это мы намеревались сделать, дойдя до заброшенного кордона заповедника на озере Аян, от которого теперь мы были в одном шаге.

07.08.09. Пятница.

С самого утра моросит дождь. И самое главное, он и не думает униматься. К тому же заметно похолодало. Завтрак готовим в палатке, на газу. Потом ещё долго сидим, слушая, как капли воды барабаниют по тенту нашей палатки. Наконец выходим из транса и начинаем собираться.

Быстрые сборы под мелким дождём и быстрый бросок до озера. Вот он, Аян. Затерянное место в центре Путоран, попасть куда не так-то просто. Как я хотел здесь побывать... И вот я здесь. Мы дошли. Одна из целей достигнута. Ура! Теперь заслуженный отдых. Но где же кордон?

То ли мы читали не те отчёты, то ли читали их невнимательно, но точного

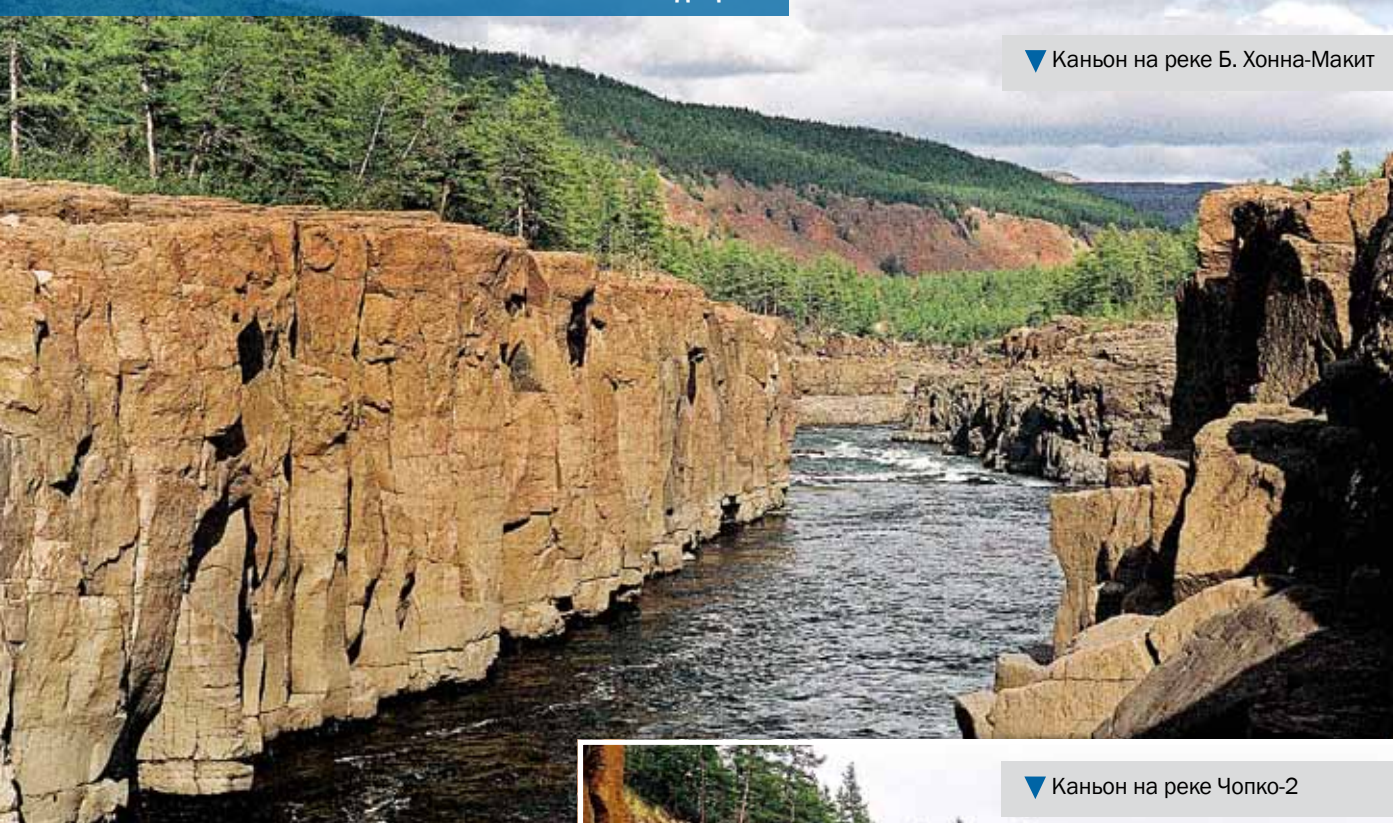
▼ Река Б. Хонна-Макит

этом минимальная, а расход энергии колоссальный. Так что на третий день решили подниматься на плато, а затем спускаться к Бучераме в нескольких километрах выше её устья, намереваясь, таким образом, не столько сократить путь, сколько внести некое разнообразие. На это ушло ещё два дня. И вот теперь, сидя у костра, мы подводили предварительные итоги. А они, признаться, не вселяли оптимизма.

Итак, за четыре дня мы прошли 50 километров. Плюс-минус. Устади изрядно и остались, что называется

▼ Каньон на реке Б. Хонна-Макит

местоположения кордона мы не знали. Почему-то думали, что он расположен в самом начале озера. Буквально.

Кордон находится рядом с устьем первого крупного ручья, впадающего в Аян. Примерно в трех километрах от начала озера, сразу за мысом.

Когда мы туда пришли, дождь уже прекратился, но было по-прежнему пасмурно. Ещё более пасмурно было от увиденной там картины. В один миг все мечты о бане, о натопленной избе и комфортном отдыхе разбились вдребезги.

Выбитые окна, мусор, грязь, кучи всякого хлама. Полная разруха и запустение.

Да, всё представлялось совсем иначе. Если б знали, что здесь такая помойка, не стали бы отклоняться от маршрута и тащить сюда рюкзаки. Сбегали бы налегке, посмотреть, и всё. Но ведь хотелось культурно отдохнуть. Отдохнули...

Стало ясно, что делать нам здесь нечего. Теперь надо было возвращаться в начало озера, делать днёвку и двигаться дальше. Но можно сделать днёвку и здесь, раз уж пришли, а потом вернуться и продолжить поход. Как поступить?

Возможно, вернись мы обратно, всё бы сложилось иначе. Но мы остались возле кордона. Абсолютно не было настроения куда-то идти.

Встали на правом берегу ручья в стороне от избы. Долина ручья — нагромождение камней и хаос повален-

▼ Каньон на реке Чопко-2

ных деревьев. Всё это результат работы весенних паводков. Место не очень хорошее, но выбирать было не из чего.

Здесь мы простояли до понедельника. Здесь было принято решение отказать от продолжения похода и возвращаться на Ламу.

Но обо всём по порядку.

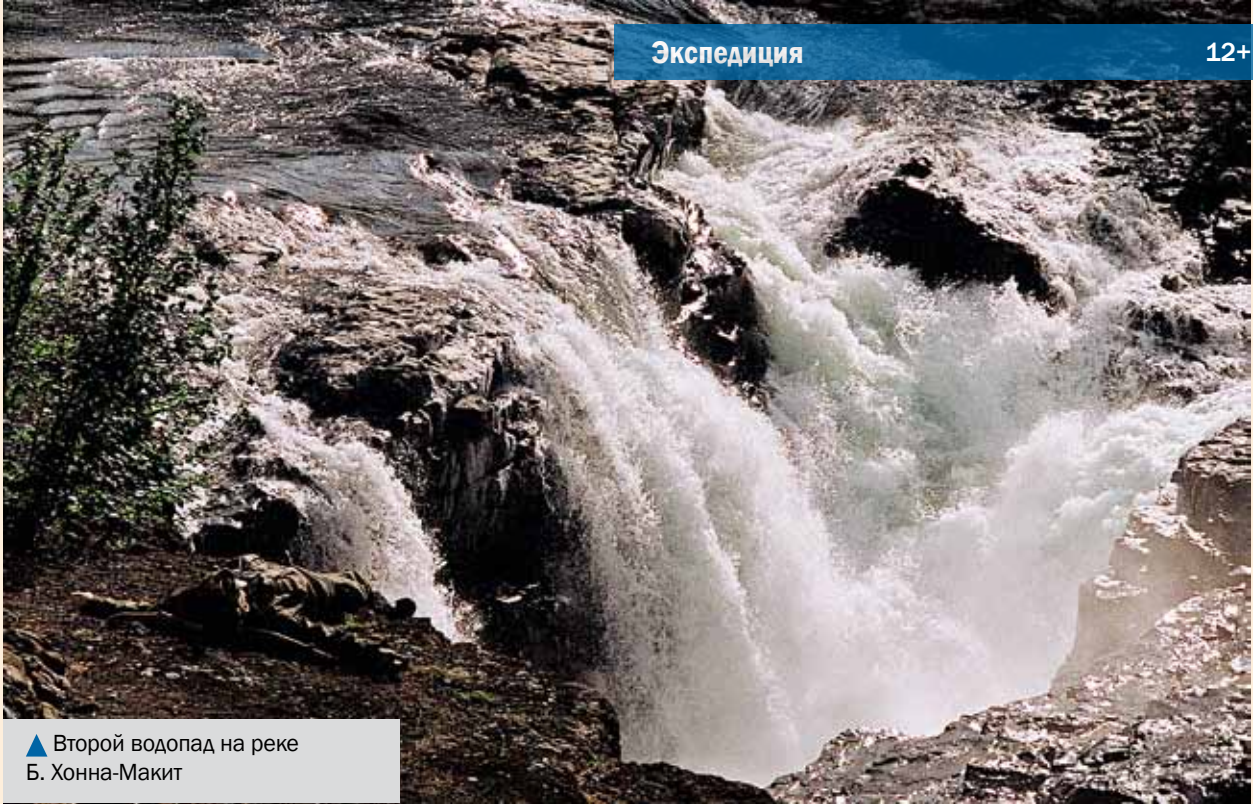
08.08.09. Суббота.

Сегодня днёвка. Отдыхаем. Погода улучшилась. Ясно. Светит солнце и в меру прохладно.

Несмотря на то, что кордон в ужасном состоянии, практическую пользу от его посещения мы всё-таки извлекли. Вчера, осматривая избу, среди разного хлама нашли ряд полезных вещей. Во-первых, болотные сапоги.

Удачная находка для Артёма, который накануне потерял левый сапог. Самое интересное, что один из болотников оказался рваным. Но зато второй был абсолютно целый. Пресловутый закон подлости в данном случае не сработал. Целым оказался левый сапог. И размер подошёл. Так что теперь у Артёма была полноценная пара резиновых сапог. Ну а то, что один слегка прикрывает лодыжку, а второй значительно выше колена — это мелочи. Зато оба чёрные. Теперь я за друга был спокоен: болота и броды ему не страшны.

Так бы прошагал Артём остаток похода в своей разнокалиберной обуви, если бы сегодня (скорее от нечего делать) мы не обследовали

▲ Второй водопад на реке Б. Хонна-Макит

избу ещё раз, более тщательно. Там, на чердаке, куда вчера не заглядывали, нашлась ещё одна пара болотников. Эти оказались совершенно новыми, по крайней мере, неношеными. И опять размер подошёл. Фарт! Впоследствии эти сапоги мы оставили на базе Крашевского.

Кроме обуви, удалось разжиться одеждой. Артём подобрал себе плащ, а также штаны взамен своих, которые расползлись до неприличия. Я же взял брезентовую непромокаемую куртку с кашоном вместо потерянной ВЗК-ки. Брутальная куртка годов 70-х. Старая, потрёпанная, тяжёлая как кольчуга — она очень помогла мне в дальнейшем.

Сегодня произошло ещё одно событие. Мы приняли решение отказаться от намеченной нитки маршрута и возвращаться на Ламу. На то были причины.

Во-первых, с самого начала всё пошло не так. Катером нас забросили не в восточную часть Ламы, а только в центральную. В результате мы потеряли четыре дня на то, чтобы оказаться в точке намеченного старта. И это были тяжёлые четыре дня, после которых нам потребовался отдых. Ещё два дня.

По времени мы не ограничены. Но мы ограничены по продуктам. Незапланированные шесть дней подготчили нашу раскладку, и теперь на финише есть риск остаться без провианта.

На подножный корм надежды не было. Так что дальнейшее продвижение грозило голодом.

Во-вторых, ошибка при подборе обуви. Этот фактор считаю основным. С первых дней мы идём на разбитых ногах. Это существенно тормозит движение и отнимает дополнительные силы. Как следствие, быстрее накапливается усталость. Ни в одном походе я так не уставал, как в этом.

Можно ещё долго перечислять причины, повлиявшие на наше решение, но я выделю основную. Просто-яв сутки на этом кордоне, мы поняли, что наша экспедиция выдохлась. Выдохлась для того, чтобы идти дальше. Так бывает. Дальнейшее продвижение сулило большие риски, а мотивации для их преодоления у нас уже не было. А раз так, нужно возвращаться. Подсознательно мы это почувствовали ещё вчера, когда остались здесь, на кордоне, как будто зная наперёд о своём сегодняшнем решении.

Итак, принято решение возвращаться. Но сделать это надо достойно. Идти уже пройденным путём вдоль Б. Хонна-Макита было бы верхом бесчестия.

Вечером, сидя у костра, разработали маршрут возвращения на Ламу. Завтра ещё постоим на Аяне. Далеко не факт, что когда-нибудь побываем здесь снова.

Сегодня закончился спирт.

09.08.09. Воскресенье.

Погода слегка испортилась. Временами моросит дождь.

Днём ходили осматривать озеро. Прошли на юг несколько киломе-

▼ Озеро Аян

тров. Идти по берегу тяжело — камни. В этом отношении Аян напоминает Ламу, хотя по ряду других признаков существенно от неё отличается. Одно из главных отличий в том, что Аян расположен значительно выше над уровнем моря, чем Лама. Отсюда и климат пожестче, и растительность победнее.

А вообще, сравнивая эти два озера между собой, можно сказать, что Лама — это прекрасная женщина, милая хозяйка, которая всегда рада гостям. Тогда как Аян — это суровый мужчина, который не лобит, когда кто-то нарушает его гордое уединение.

Вернувшись, остаток дня провели в лагере. Вечером долго сидели у костра.

15.08.09. Суббота.

Позавчера, поздно вечером, мы спустились в долину реки Бунисяк, которая впадает в Ламу. До этого несколько дней, с тех пор как покинули Аян, мы шли по безлесой зоне, через горы, дважды поднимаясь на плато. Наконец мы вышли на финишную прямую. Отсюда до Ламы километров 15.

Погода отличная! Тепло и солнечно. И очень красиво вокруг. Собираемся неспешно. Торопиться нам теперь некуда.

Итак, последний марш-бросок. Во всех отчётах, которые я читал, говорилось о том, что долина Бунисяка трудна для прохождения, однако нас это не очень беспокоило. К трудностям мы уже привыкли и, признаться, на финише как-то даже расслабились. Подумаешь, 15 километров вдоль речки. К тому же, вчера никаких трудностей не было. Но это было вчера. А сегодня очень-очень скоро поняли, что расслабляться нам ещё рановато.

Трудности начались как-то сразу и продолжались до самого конца. Идти по берегу, непосредственно вдоль русла, из-за постоянных при-

▶ Водопад 47 метров

жимов оказалось невозможно. Пришлось подниматься в лес. Мы выбрали левый борт долины и двигались по нему до самой Ламы, преодолевая все бесконечные препятствия. Там было всё: и болота в виде больших неустойчивых кочек, вроде бы сухие, но весьма неудобные для прохождения; и непролазный бурелом из поваленных лиственниц; и непроходимые джунгли из густого подлеска. В довершение всего ближе к вечеру пошёл дождь. Небо затянуло тучами, и стало темно, почти как ночью. Такого ещё не было.

Часов в 9 вечера мы, уставшие и промокшие, вышли к Ламе. Слева от нас, по диагонали от того места, где мы стояли, виднелись огни — база Крашевского. Нужно было обойти озеро, чтобы попасть на тот берег, где находится база. Но так как всё равно пришлось бы бродить вдоль рука-

▼ На плато

ва Бунисяка, а в темноте были не видны очертания озера, к нужному нам берегу пошли напрямик через Ламу, по грудь в воде.

Добравшись до суши, съели последнюю шоколадку, вылили воду из сапог и пошли на базу.

Вечером следующего дня мы были в Норильске, где в ожидании теплохода пробыли до вторника. Изначально обратный путь намеревались лететь самолётом, но передумали. Решили, что не готовы к столь стремительному возвращению домой. Уж слишком велик контраст между первозданной природой Пutorан и суетой мегаполиса.

P.S. Наш поход в Пutorаны получился не таким, каким мы его плани-

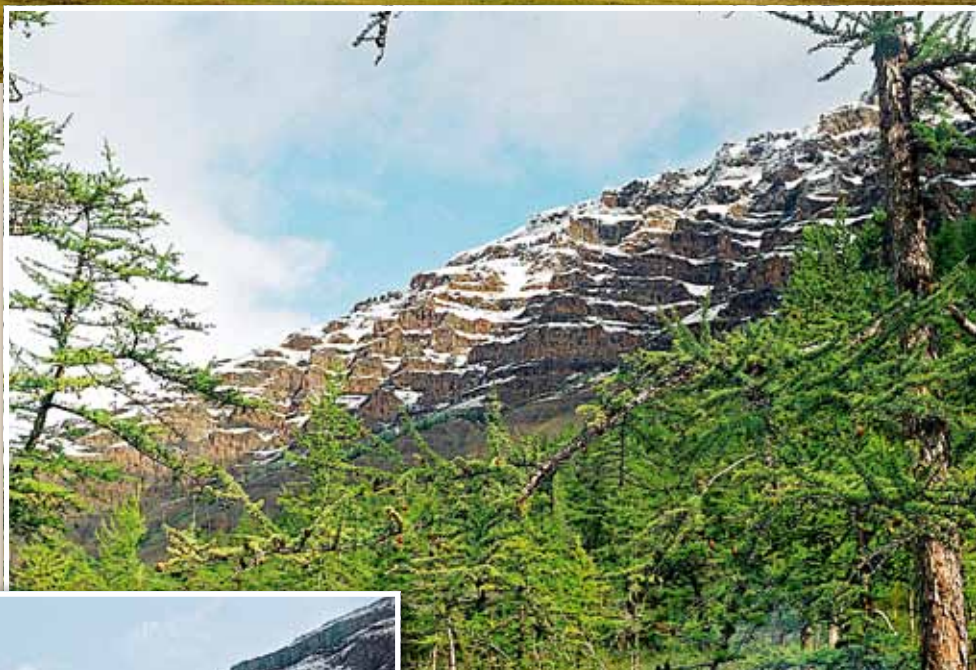
▼ На подходе к озеру Бунисяк

ровали. Но он получился. Пусть другим, но всё равно уникальным и неповторимым. Мы не прошли заявленный маршрут, но прошли другой, не менее интересный и насыщенный. Прошли, как смогли. И я рад, что это было.

Послесловие

Я знаю людей, для которых Путораны так и остались несбыточной мечтой их туманной юности. Я знаю людей, которые подобно нам воплотили свою мечту о Путоранах в реальность. Тем же, кто собирается туда впервые, позволю дать одну ненавязчивую рекомендацию.

▼ Долина реки Бунисяк

www.uralstalker.com

При разработке маршрута трезво оценивайте свои силы и не меряйте предстоящее путешествие опытом своих предыдущих походов, куда-нибудь на Алтай или, например, на Байкал. Безусловно, там свои трудности и есть очень серьёзные маршруты. Но в Путоранах всё по-другому...

Это удивительный и суровый край, ни с чем несравнимый, ни на что не похожий. Путешествие туда — это мечта в чистом виде. Но это трудная мечта.

И об этом следует помнить. **VS**

Главный критерий — универсальность!

Выбираем «аппарат» для охоты и рыбалки

Каждый, кто не понаслышке знает, что такое настоящая охота или рыбалка, понимает, что самые «рыбные» места и охотничьи угодья, изобилующие диким зверем, как правило, удалены от шоссейных и железных дорог на приличное расстояние. Нередко в поисках добычи приходится преодолевать десятки километров по лесу, болотам, заснеженным полям, тундре. Форсировать реки вброд, ночевать в палатке, готовить пищу на костре.

Помимо запаса еды, собственно, оружия, боеприпасов или рыболовных снастей, любителю такого отдыха (а для кого-то и промысла) нужно иметь с собой достаточно весомый набор вещей, необходимых для выживания в трудных условиях и обеспечения хотя бы минимального комфорта. Все это, конечно, можно нести на себе, но далеко не каждому такое под силу. Если же вы охотитесь на крупную дичь, неизбежно возникает проблема транспортировки добытого трофея. Вот почему каждый, кто всерьез увлекается охотой и рыбалкой рано или поздно задается вопросом: «Какое транспортное средство выбрать, и какими параметрами проходимости и техническими характеристиками оно должно обладать?»

Мобильность, проходимость или комфорт?

Наверное, не стоит лишний раз упоминать, что одним из основных критериев, по которым мы оцениваем автомобиль или вездеход для охоты

и рыбалки — это проходимость. В этом отношении очень неплохо себя зарекомендовали двухзвенные гусеничные снегоболотоходы типа «Лось». Благодаря компактному размеру, маневренности, относительно небольшому весу и возможности передвигаться по воде, такие вездеходы могут использоваться как на открытых болотах, водоемах и в тундре, так и в лесу. Кроме того, задняя тележка может быть оборудована как достаточно вместительный и комфортабельный жилой модуль. То есть, с таким вездеходом ни вам ни вашим «товарищам по оружию» не придется мерзнуть или мокнуть под дождем. Кроме того, эти вездеходы отличаются неплохой грузоподъемностью, поэтому их часто используют в лесозаготовительных и других работах, а это значит, что вопрос с транспортировкой вещей, провизии и добычи тоже отпадает. Но можно ли считать такой вездеход идеальным для охоты и рыбалки?

И да, и нет! Потому что при всех своих бесспорных достоинствах, гусеничные вездеходы плохо приспособлены для движения по обычным асфальтированным дорогам. Они недостаточно расторопны, и если вы живете в городе и выезжаете на охоту или рыбалку за десятки или даже сотни километров, такой вездеход вам вряд ли подойдет — его максимальная скорость всего 55 км/ч.

Андрей Чистов

Иллюстрации
предоставлены
автором

По той же причине малоприспособлены для движения по шоссейным и городским дорогам всевозможные вездеходы на шинах низкого давления. При неплохих параметрах проходимости, а иногда и возможности плавать, такие «аппараты» (вездеходы-амфибии, квадроциклы, снегоболотоходы), как правило, приходится доставлять до места назначения с помощью прицепов или грузовиков. Еще одним существенным недостатком такой техники является их маленькая вместимость и грузоподъемность. Кроме того, подобные вездеходы не пригодны для интенсивного многодневного использования в суровых погодных условиях — часто встречаются модели без крыши,

Компания «Ex-Road» –
Эксклюзивный дистрибьютор
снегоболотоходов LTV XRD-710/712
в России

Санкт-Петербург, Выборгская набережная, 51
Телефон: 8 800 555 36 39
www.ex-road.ru

или же с откидным верхом. В качестве дома на колесах такая техника использоваться, понятное дело, не может.

Есть такая техника!

Но как быть, если хочется, чтобы все и сразу? Существует ли на сегодняшний день машина, которая могла бы обладать высокой проходимостью, вместительностью, грузоподъемностью, да еще и при этом способностью самостоятельно и быстро передвигаться по «цивилизованным» трассам? Такая машина есть!

Уникальный в своем роде снегоболотоход LTV XRD – 710/712, собранный на базе легендарного колесного вездехода австрийской армии Steyr Puch Pinzgauer с колесной формулой 4x4 (710) или 6x6 (712) сочетает в себе возможности вездехода, автомобиля для движения по городу и шоссе и мобильного жилого модуля. Эксплуатационные характеристики снегоболотохода одинаково внушительны вне зависимости от ситуации. Благодаря порталным мостам с бортовыми редукторами, полной блокировке дифференциалов и клиренсу почти в полметра, снегоболотоход имеет уникальную проходимость. Он идеален для использования даже в самых тяжелых и экстремальных условиях.

Из тысяч проданных машин, выпущенных с семидесятых годов по недавнее время, часть до сих пор служит в войсках балканских республик бывшей Югославии, африканских государств и еще десятка стран. Кроме того, Пинцгауэры уже давно интенсивно эксплуатируются и на «гражданке» – в Европе, США, Бразилии и других странах. С недавнего времени они разрешены к продаже для использования в мирных целях и в нашей стране.

Ни для кого не секрет, что военные внедорожники, да к тому же, произведенные в Европе – техника неубиваемая, строилась навека. Ввиду отсутствия у европейских стран необходимости содержать многочисленные армии и соответствующие «автопарки», для тысяч Пинцгауэров нашлись новые варианты применения. В большинстве случаев на их основе строятся автомобили для охоты или рыбалки, потому что армейский вездеход сочетается в себе, с одной стороны, удивительные внедорожные характеристики (независимая подвеска, хребтовая рама шасси, высокий клиренс, блокировка дифференциалов), с другой, абсолютную надежность военной машины, способной развивать скорость до 110 км/ч.

Путем установки современных комплектующих (замена амортизаторов, новые колеса, диодный свет, гидроусилитель руля, лебедки, навигация и пр. + полное переоборудование салона с удобствами в виде спальных мест и кухонного модуля) аскетичный армейский вездеход превращается в комфортабельный автомобиль для охоты и рыбалки, который можно оснастить такими опциями, как: грузовой отсек, утепленный вольер для собак, крепления для оружия, дополнительный топливный бак, люк в крыше, фара-искатель и многое другое. Помимо этого, возможна замена двигателя на турбодизель объемом 2.8 литра, мощностью 131 л.с.

Таким образом, отдавая предпочтение снегоболотоходу LTV XRD-710/712, вам не придется выбирать между скоростью, надежностью, проходимостью, вместительностью и комфортом. Этот поистине универсальный автомобиль для охоты и рыбалки сочетает в себе все эти характеристики! **УС**

Каменные парадоксы

Челябинское отделение
Русского географического
общества представляет

ЧЕЛЯБИНСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Фото предоставлены автором

Горы...

Горы — ландшафты, для которых характерны высокая живописность и ярко выраженная индивидуальность. Яйлы Крыма, куэсты Кавказа и, конечно, курумы Урала, такие характерные формы и определяют индивидуальные особенности горных систем. Курумы и каменные реки — неотъемлемая часть уральского ландшафта (фото 1). Даже сам термин «курум» чисто уральского происхождения, хотя курумы встречаются во многих горных системах. На Урале площадь курумов достигает 300 квадратных километров. Курумы встречаются практически по всей территории Урала. Исключением является Средний Урал.

Что же такое курум? Вот что говорят нам энциклопедии. «Курумы (древ-

нетюрское *gorum* — «каменистые россыпи», «нагромождения острых камней», «обломки скал») — термин, которым оперируют физическая география, геология и геоморфология; имеет два значения:

1) локальные, ограниченные в трехмерном пространстве скопления каменных остроугольных глыб, образовавшиеся естественным путем, имеющие вид сомкнутого нерасчлененного покрова на дневной поверхности земли;

2) вид земной поверхности сложного строения — курумтэнд, — представляющий собой сомкнутую группу каменных глыб крупного размера с острыми обломанными краями, расположенную на нерасчлененной подстилающей поверхности различного наклона и имеющую способность пере-

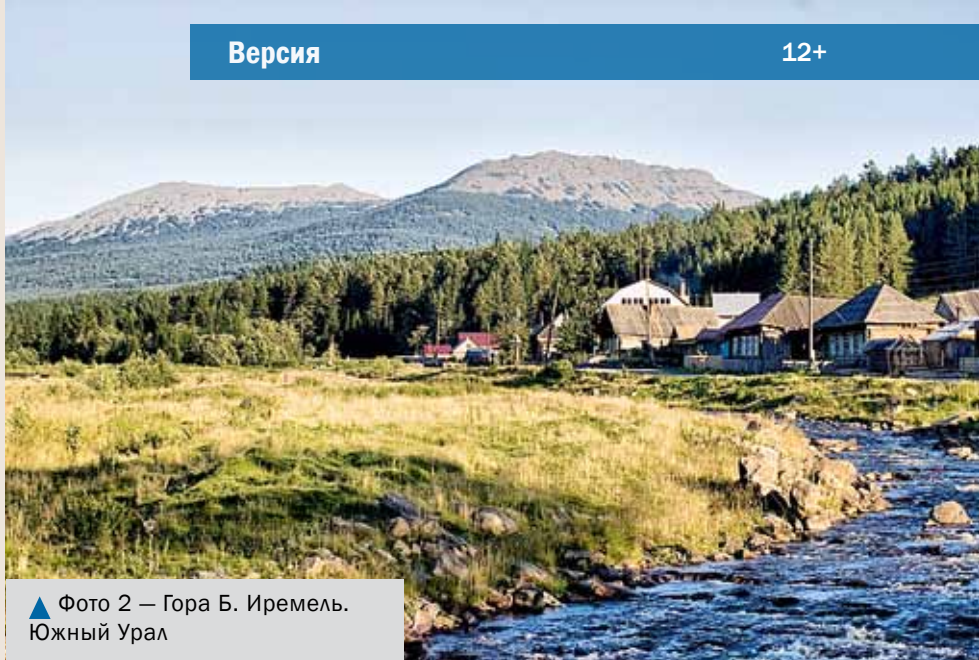

Вячеслав Мусатов

Кандидат географических наук, доцент,
действительный член РГО.

▲ Фото 1 — Курумы Уральского хребта. Северный Урал

▲ Фото 2 — Гора Б. Ирмель. Южный Урал

▼ Фото 3 — Гора Ицыл. Южный Урал

мешаться. Обладает собственным микроклиматом, гидрологией, растительным и животным миром». Происхождение курумов (еще со времен Пржевальского) связывают с нивальным климатом, с резкими перепадами температур, частой сменой водой фазовых состояний. Все это приводит к растрескиванию горных пород и в итоге к образованию курумов. Все просто и понятно, но, к сожалению, неправдоподобно.

Итак — парадоксы образования курумов.

Парадокс первый — локализация курумов на вершинах гор. Курумы образуются на отдельных вершинах гор с высотой километр и более (фото 2). На Приполярном Урале в пределах каменных плато очень высокая обнаженность горных пород и климат

вполне подходящий, но курумы там не образуются. Данный парадокс был известен и ранее. Так, известный исследователь Урала А. А. Макунина отмечала, что непонятна и парадоксальна приуроченность гольцового пояса на Урале к высоте в один километр. Такая приуроченность характерна как для Южного (фото 3), так и для Северного Урала (фото 4), то есть с климатом совершенно не связана.

Парадокс второй — движение курумов. Движение курумов не вызывает сомнения. Не случайно родился термин «каменные реки», да и сам характер залегания отдельных камней (фото 5) говорит об их высокой динамике. Интересно, что движение курума меняется во времени. Так, на фото 6 видно, что разновозрастные дере-

вья спокойно росли около сотни лет и были снесены «проснувшимся» курумом. Так, в семидесятые годы вершина горы Юрма была представлена классическим курумным полем, сегодня она зарастает молодой пихтой. Такая закономерность характерна для всех курумов Южного Урала. Парадокс заключается в самом движении, точнее, в его причине. Сколько ни нагревай камень, сколько ни замораживай вокруг него воду, двигаться он не станет.

Парадокс третий — окатанность блоков курума. Взглянув на склон курума, мы увидим, что характер блоков соответствует определению (фото 5). Все камни грубообломочные с острыми краями. Давайте заглянем в центр курумного плато, где камни лежат на го-

▼ Фото 4 — Уральский хребет.
Северный Урал

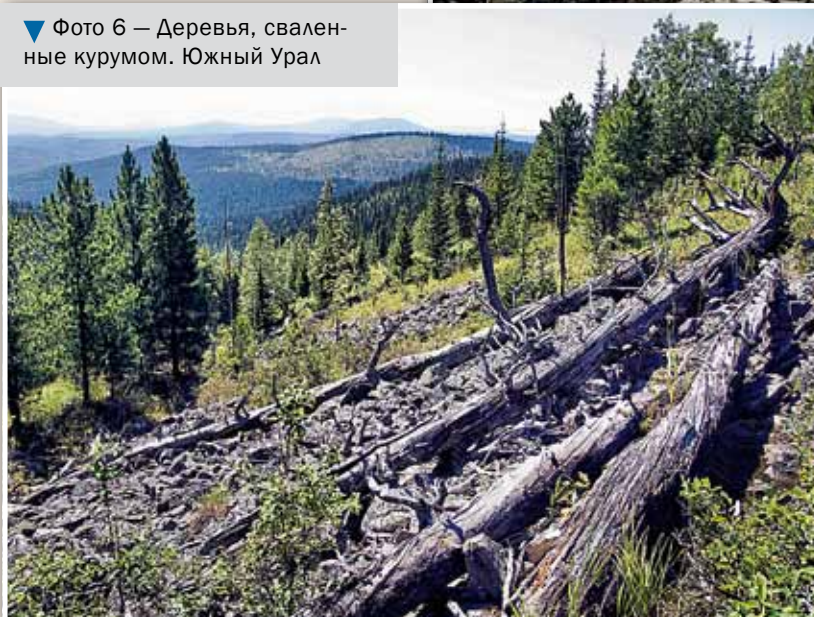
▼ Фото 5 — Склоны хребта
Зюраткуль. Южный Урал

ризонтальной поверхности и никуда не торопятся (фото 7). Парадокс!

В чем тут дело? Все курумы на Урале формируются на кварцитах, то есть в относительно одинаковых геологических условиях. Это положение позволило лучше понять причины образования курумов. Ученые кафедры географии ЧПУ после многолетних наблюдений пришли к выводу, что основная причина формирования ку-

▼ Фото 6 — Деревья, сваленные курумом. Южный Урал

румов кроется в волновых процессах, происходящих в литосфере. Сейсмические волны в сейсмически опасных районах порождают колоссальные энергетические катаклизмы. В остальных районах амплитуда сейсмических волн недостаточна для заметных разрушений — это сейсмический фон, который присутствует практически везде, в том числе и на Урале. Дальше начинается самое интересное. Волна, двигаясь по конусообразному волноводу (размеры которого сопоставимы с длиной волны), увеличивает свою амплитуду, в физике такое устройство называется волновой концентратор. Раструб фонографа, труба звукового локатора, магнитостриктор ультразвукового станка — волноводы, которые

▲ Фото 7 — Центр курумного плато. Сухогорский хребет. Северный Урал

давно используются в технике. Наиболее энергетически значимый диапазон сейсмической волны — сотни метров и километры. Создать концентратор такого размера невозможно, да в этом и нет необходимости, природа уже их создала. Конусообразные горные вершины выступают в качестве сейсмических концентраторов. Расчеты показали, что амплитуда сейсмиче-

▼ Фото 8 — Сухогорский хребет. Северный Урал

▼ Фото 9 — Каменный блок в межгорном понижении

плато, более длительное время подвергаются голтовке, поэтому более окатанные (парадокс третий).

Классическую форму имеют природные сейсмоконцентраторы вершин Сухогорского хребта на Северном Урале (фото 8).

А что дальше? Каменный материал, покинув зону интенсивного сейсмического воздействия, формирует крупнообломочные отложения межгорных понижений (фото 9) и далее включается в другие геоморфологические процессы (фото 10). Это также целая история, но уже другая. 📖

▼ Фото 10 — Река Березяк. Южный Урал

ской волны у вершины может увеличиться в несколько раз. На Урале сейсмическая волна, проходя по кварцитовому сейсмическому концентратору на высотах около километра, достигает энергетического потенциала, способного при разгрузке разрушать горные породы. Таким образом и рождается локализация курумов на верши-

ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ

«Уральского следопыта»

Фестиваль зимних неолимпийских видов спорта на Урале в канун проведения зимней Олимпиады в российских субтропиках

С середины января на Урал пришли настоящие морозы: из Арктики вдоль хребта затягивался холодый, даже почти ледяной (минус 35-40 градусов) воздух. Проведение фестивальной программы, несмотря на грозное название, вызывало небезосновательное опасение.

Однако дата Ледового штурма назначена, включена в календарные планы спортсменов. В ледовом городке на центральной площади Екатеринбурга уже построена специально 12-метровая ледяная стена. В этом году в ледовом городке новогоднюю елку окружили пальмы, что само по себе выглядело неожиданно: люди в тридцатиградусный мороз кутаются в шубы, стоя под пальмами! Но в ожидании нашей Олимпиады такой морозный кусочек Сочи в центре Екатеринбурга в окружении ледовых скульптур, гор и сугробов — получилась очень яркая площадка как раз для Ледового штурма! И вот он, этот день — 2 февраля — последний для ледового городка, стал фе-

стивальным, громким, ярким, спортивным, экстремальным, морозным, ледовым, молодежным — нашим, уральским!

Воскресным утром столбик термометра поднялся до отметки минус 15 градусов, что зимой для уральцев вполне комфортно, хотя и ветрено.

Основа Ледового штурма прежняя — фестиваль ледолазания. Постановщики трасс Анатолий Долговых и Максим Михайлов для участников приготовили сюрприз. Начали, как и прежде, с прохождения квалификационного маршрута. Продемонстрировать умение работать с ледовым инструментом можно было на длинной пятидесятиметровой стене высотой два с половиной метра. Это несложная раз-

Встречный ветер

«Уральский следопыт» несколько лет проводит молодежные проекты совместно со Свердловским отделением Русского географического общества. 2 февраля 2014 года Ледовым штурмом Свердловское отделение Русского географического общества открыло военно-патриотический месячник, посвященный 25-летию юбилею вывода советских войск из Афганистана.

минка, справиться с которой удалось практически всем.

А вот трасса на трудность изобилует сложными элементами, с которыми в горах альпинистам сталкиваться почти не приходится. После подъема по вертикальной ледяной стене спортсмен должен пройти по потолочному карнизу через две подвешенные залитые сосули. Вот здесь и были показаны все качества, необходимые при работе на высоте в условиях низких температур: сила, ловкость, способность ориентироваться в трех пространственных измерениях и выдержанность. Висеть на одной руке на крюке и пытаться нащупать опору для следующего зацепа — здесь требуется невероятная выносливость. Отличную подготовку показали ребята из Тюмени.

Финалом в программе ледолазания были забеги на скорость. Ранее ее покорили участники команды «Восхождение» Марина Викулина и Александр Гоголев. С помощью волонтеров, профессиональных альпинистов-помощников и специально сконструированного кресла с системой блоков по ве-

ревке инвалиды-спинальники поднялись на головокружительную высоту. Многолетняя работа Анатолия Вязовцева и Александра Быкова позволяет людям с ограниченными физическими возможностями участвовать практически во всех туристических и спортивных проектах «Уральского следопыта» по своей программе. Ведь не зря в 2011 году им была вручена премия имени Юрия Сенкевича в номинации «Доступный туризм».

И вот в свете вечерней иллюминации городка на ледовую стену выходят спортсмены. Состязаться пришлось по перекаленному морозом льду. Зрелище для зрителей выпало незабываемое: от ударов ледовыми крючьями и кошками по стене брызги льда водопадом летели вниз, искрясь на свету фонарей и фотовспышек. Где-то внизу оставались декоративные пальмы, мини-горки, проходящие трамваи и вечные автомобильные пробки, а вверх в облаке ледяной пыли мчится молния. 10 секунд, и ледолаз, достав финишную кнопку,

откидывается назад и на веревке не спеша спускается вниз.

Глядя на наших альпинистов, понимаешь, почему во время Великой Отечественной войны были остановлены на кавказских перевалах егеря знаменитой немецкой дивизии «Эдельвейс»!

Тем временем на сцене проводились состязания в силовых единоборствах. Уже традиционно мерялись силой в масс-рестлинге мальчишки и девчонки. Рядом был установлен помост для желающих испытать себя в армрестлинге. Алексей Казаков несколько лет вывозит соревноваться своих воспитанников, в том числе и курсантов кадетского училища.

В этом году в программу Ледового штурма была включена еще одна дисциплина — воркаут: отжимания на брусьях, подтягивание на перекладине. На каток, опустевший по причине морозов, выставили турники, перекладины, и все желающие смогли попробовать свои силы. А подготовленные спортсмены, возглавляемые Глебом Цыбиным, провели показательные выступления.

Во время праздника на Ледовом штурме работала полевая кухня: горячий чай, гречневая каша с мясом — участники и зрители остались довольны.

А закончился фестиваль песнями и танцами, файер-шоу и награждением победителей!

Ледовый штурм состоялся — все ледовые трассы покорены, победители получили свои заслуженные награды, и осталось только поблагодарить всех, кто пришел на наш фестиваль, кто принял участие в подготовке и проведении штурма.

Поддержку «Уральскому следопыту» в подготовке и проведении Ледового штурма — фестивале зимних неолимпийских видов спорта — оказали:

*Свердловское отделение Русского географического общества
Администрация города Екатеринбурга
Командование Центрального военного округа
АО «Таганский ряд»
Магазин «Альпиндустрия-Екатеринбург»
ООО «Бигфут»
Магазин «Манарага»
COOL motors
Природный парк «Река Чусовая»
Общественная организация «Команда восхождения»*

УРАЛЬСКИЙ **снеговик** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговик** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговик** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговик** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговик** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговик** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговик** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговик** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговик** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снеговик** ISSN 0134 - 241X
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www.uralstalker.com

март 2014

Аэлита

50 **Законы Вселенной**

АНДРЕЙ БОЧАРОВ

СВЕТЛАНА КОЛЕСНИК

Уходящие за линию горизонта

50

67

Координаты чудес

ИРИНА КОПАЕНКО

Двойники

67

80

Повод для улыбки

МИХАИЛ БОЧКАРЕВ

Карнавал

80

Уходящие за линию горизонта

Андрей Бочаров

Родился 5 августа 1953 года в г. Москве. Высшее физико-техническое образование. Кандидат технических наук. Много лет проработал в Институте космических исследований АН СССР, затем ушел в сферу IT. Научные интересы — распространение волн в случайно-неоднородных средах, методы обработки сигналов и изображений. Более-менее регулярно стал писать фантастические рассказы только с 2010 года, но уже успел стать победителем и призером ряда известных конкурсов научно-фантастического рассказа. Почти все написанные рассказы уже опубликованы в НФ журналах или сборниках фантастики.

Светлана Колесник

Родилась и проживает в Одессе. Закончила в 2003 году Одесский национальный политехнический университет, специальность — программист. Замужем за одесситом, есть дочь-школьница. Попытки литературного творчества проявлялись в юном возрасте, но писать всерьез и фантастику начала в 2009 году. Первый рассказ Светланы сразу же занял второе место на одном из сетевых конкурсов, что вдохновило на продолжение творческой деятельности. Ныне уже есть победы на самых серьезных конкурсах и публикации в сборниках.

— Мне нужно пять человек. Будут две тройки — основная и резервная. Вылет через час. Никого из молодых и семейных, понял? Только те, кому терять особо нечего. Как и мне. И предупреди каждого — это дохлый номер. Чтобы никаких иллюзий вообще. Прыгаем из реактивника, с нескольких километров... и в полную задницу. Если первая тройка — всмятку, пойдет вторая. Сам поведу первую, это не обсуждается. Да в полном порядке, давно уже все срослось. Вчера гипсы сняли. Какие парашюты? Там же гребаный ураган. Готовь турборанцы. И можно сразу некрологи для прессы. Да шучу я так, шучу. Все, нет времени, выезжаю...

Когда мчалась к аэродрому, нарушила все существующие правила дорожного движения. И еще не существующие тоже. Пусть совсем впритык, но успела. Прижалась лицом к ограде, чтобы лучше рассмотреть.

Пятеро мужчин, увешанные рюкзаками со снаряжением, идут по летному полю к реактивнику Альтернативной Службы Спасения. Настоящие Ассы, как их принято называть. Шутки, смех, улыбки на лицах. Словно собрались дружной компанией гульнуть хорошенько. Позади, налегке, стараясь не отставать, сильно прихрамывая, ковыляет еще один. Кто-то из друзей оборачивается, машет рукой — мол, поторопись, а то без тебя улетим. Тот виновато пожимает плечами: «Ребята, ну сами видите, не могу быстрее».

Реактивник взлетает без разбега. Провожая взглядом, пока он не превращается в точку, исчезающую за линией горизонта. Слышу сигнал ю-фона, достаю его из сумочки. На экране появляется знакомый облик. Длинные пепельно-белые волосы, серо-голубые глаза, четкая линия чуть приподнятых бровей, прямой нос, плотно сжа-

тые губы с вытянутыми вверх уголками. Привычно дружелюбное лицо Энжи. Лицо Анны Смоль. Мое лицо!

— Код один, — говорит она, — вы опаздываете на важную встречу.

— Да заткнись, дура, — отвечаю ей. Или самой себе?

Это — сенсация! Новая книга малоизвестной писательницы Анны Смоль «Уходящие за линию горизонта» третью неделю подряд уверенно занимает первую позицию во всех рейтингах продаж.

— Анна, осторожней!

Со мной такое случается не впервые. Думаю, невидимая рука ангела-хранителя слегка придерживает за локоток. Или, как говорила бабушка, «подносит зад на поворотах» — грубовато, но недалеко от истины. В этот раз рука оказалась вполне реальной. Высокий мужчина со светлорусыми волосами. Загорелая до темно-бронзового оттенка кожа, отчего зеленые глаза особо выделялись. Он подхватил на лету и аккуратно поставил на блюдце чашку, которую чуть не упустила мимо стола.

— О чем вы так задумались? — продолжил неожиданный помощник, не дав мне возможности осведомиться: откуда ему известно мое имя.

— Надо же, какое совпадение. Буквально пять минут назад закончил читать ваших «Рыцарей треугольного стола, или поймать за хвост Рапунцель». Перевернул последнюю страницу, посмотрел фото на обложке и глазам не поверил. Сидящая за соседним столиком красивая девушка — и есть сама Анна Смоль. Так что чудеса не только в ваших книжках случаются.

— И как вам это «школьно-мыльное» чтиво? — ехидно поинтересовалась у него.

— А почему «школьно-мыльное»? — удивленно спросил он, без разрешения присаживаясь за столик.

— Не обращайтесь внимания, так говорят... некоторые критики, — ответила ему, слегка покраснев.

— Хм, не знаю, кто такие ярлыки клеит, но книжки у вас забавные получаются. Завистливые и злобные критики, да?

Я отрицательно качнула головой, все-таки свое творчество оцениваю вполне адекватно. Безделушки и погрешности.

— Можете уверенно посылать нехороших критиков на... надолго и очень далеко, — мужчина протянул руку и слегка наклонившись, представился: — Олег.

— Анна, — не сразу ответила я и улыбнулась.

— Ну, ваше имя для меня не секрет... очень приятно.

С моим писательством-графоманством все случайно закрутилось. Отшутилась в Сети комментарием, что было бы с принцем, окажись «спящая красавица» — зомби. Веселое обсуждение длилось долго, а из моих реплик можно было, как мозаику, рассказ сложить. Что как-то вечером и проделала, а на следующий день выложила на общее обозрение. Всем понравилось. Дальше по той же схеме. Юмористическое фэнтези — это ведь не литература, а так — литературка. Хотя и представить не могла, что стану заметной личностью в этом жанре. На то, что успех был куплен за звонкую монету, с легкостью закрывала глаза. Мнение мужа по этому вопросу весьма простое: чем бы леди ни тешилась, лишь бы с ней не стыдно в свет выйти было. Его идеал — топ-модель, сошедшая с обложки глянцевого журнала, желательна — натуральная блондинка. А рот в обществе она может вообще

не открывать. Так даже лучше — чтобы не сморозила ненароком какую-нибудь глупость. Алекс Вейбер, мой муж, — американец с немецкими корнями. Деловой и напористый. Правильный и целеустремленный. Аккуратный и педантичный. Истинный ариец... шучу. А еще по гороскопу он — лев. Поэтому во всем и всегда прав.

Нравится твоей женщине побасенки придумывать; в фантазиях она вся такая, эфемерно-воздушная — ну и пусть. Можно пакет акций какого-нибудь небольшого издательства купить, на всякий случай. Вдруг у нее действительно писательство пойдет? Загадочная славянская душа и все такое. А там, глядишь, и получится выйти на коммерческую самоокупаемость проекта «писательница Анна Смоль»?

Это я пытаюсь передать стиль мышления Алекса. Думаю, за семь лет брака вполне ход его мыслей знаю. Ловлю вербальные сигналы на лету и даже раньше. Так что тут — не хуже его драгоценной Энжи прогнозы выдавать могу.

Новости канала BBC Science.

— Сегодня в Кранцберри Холл (Вена, Австрия) Корпорация Мирового Добра, или сокращенно — КМД, представит новую разработку Центра Предиктов. Как обычно, все держится в строгом секрете. Известно лишь, что будет небольшой доклад Алекса Вейбера, руководителя Центра Предиктов, предвещающий главное событие презентации. По информации от наших источников, публике будет представлена новая версия Энжи, заметно отличающаяся от предыдущей.

Лишний раз напомним, что Энжи — наш личный секретарь и советчик, без которого в повседневной жизни и шагу ступить нельзя. Предварительно Алекс Вейбер намекнул, что от новой Энжи все пользователи будут в восторге! Так что можно не проверять

прогноз на вечер — там будет лишь одно значимое событие. Код один — трансляция из Кранцберри Холл. Не пропустите!

Самодовольный взгляд; гордо поднятый, гладко выбритый подбородок; блестящие лацканы фрака — во всем облике Алекса сквозила высшая степень превосходства над окружающими. И все бы ничего, не будь он моим мужем! Ведь я знала и другого Алекса — в тапочках, поношенных шортах и с голым пузом. Бесцеремонного и хамоватого. Дома его самолюбование и эгоизм не сдерживали никакие узы этикета. В быту он кардинально отличался от элегантного мужчины, которого встретила однажды в кафе Петит Бонэрти в Париже.

— Сама Энжи свела нас, — любимая фраза Алекса на официальных приемах, где нам часто приходится бывать. Первое время улыбки под вспышками камер, шикарные наряды и шампанское в высоких хрустальных бокалах меня вдохновляли. Жизнь напоминала старую сказку о перемазанной в золе девочке, которой прекрасный принц надел туфельку, так удачно подошедшую по размеру. Только быстро поняла — туфелька мне жмет. Так бывает. Покупаешь вроде подходящую модель, а в ежедневной носке — просто мука.

— Я неделю веду деловые переговоры с партнерами из Граббл Индастриз, уже договор на поставку оборудования согласован в деталях, как вдруг — Энжи! «Код один» — срочная встреча. Билеты на самолет в Париж заказаны, такси прибудет к офису через пять минут. Как любой добропорядочный пользователь Центра Предиктов, — легкая улыбочка на сияющем лице Алекса, — всегда следую советам Энжи. Приземляюсь в Париже — на экране ю-фона все тот же «Код

один». Будто ничего более важного сейчас не существует! — тут он нежно целует меня чуть ниже виска. Легкое бесчувственное касание губ. Этот спектакль я знаю наизусть, прекрасно выучила свою роль с минимальным количеством слов. Если бы вручали киноприз за притворство — была бы звездой вечера.

— Подхожу к заказанному столику, а там девушка сидит и книжку читает. Короткая стрижка, очки, беретик набок. Скромная, милая, изящная. Присел рядом. А девушка меня даже не замечает — с головой ушла в чтение. Забыла и про чай и про круассан с клубничным джемом.

— Да, твоего появления и не заметила, так была увлечена книгой, — подхватываю тему. Моя партия весьма проста и прямолинейна — восхищаться неожиданной встречей с мужчиной всей моей жизни. — Как сейчас помню, это был Августино Хельо «Ненависть и вера».

— О, да. Ты была так увлечена, что чуть было не положила круассан мимо стола. Я подхватил его, мы измазались в джеме... так мило, — Алекс улыбается. На миг кажется, что в его прищуре есть отблеск искренности. Но нет, просто хорошо отрепетированный спектакль о «всемогуществе Энжи, заменившей стрелы Купидона». — А потом все как-то само завертелось, закружилось... Со всей уверенностью могу заявить, я — самый счастливый мужчина на свете, и все благодаря Энжи.

Ха! Вот тут я имитирую счастье: конечно, благодаря Энжи!

Еще в медовый месяц Алекс объяснял принципы работы Центра Предиктов. Или, правильнее сказать, хвастался своими достижениями? Экскурсию по дата-центрам обещал устроить, но что-то не сложилось. Да и я, признаться, не стремилась

попасть в мир нолей и единичек, проводов, мигающих светодиодов и холодных коробок серверов. Техника никогда не была в сфере моих интересов. Пользоваться ей — тут никаких проблем, но знать из чего «начинка»? Вот уж увольте. Впрочем, в тот вечер попробовала что-то уяснить для себя. Полный прогноз для пользователей, включенных в глобальную систему предикции, — у кого есть ю-фон с установленной Энжи в режиме онлайн — постоянно пересчитывается и уточняется. Информация о каждом сделанном или запланированном шаге поступает в Центр непрерывным потоком тех самых ноликов и единичек, и программа сама определяет, чей предикт нужно пересчитывать.

— Анна, любовь моя, а известно тебе, что в Солнечной системе существуют четыре планеты Земля? — спрашивает Алекс, закидывая ногу на ногу и устраиваясь поудобнее в громадном кожаном кресле. Загородный дом, где-то в Альпах. За окном нетронутое снежное покрывало, в камине деликатно потрескивает огонь, два бокала шампанского на столике. Идеальная романтика... Просто мечта.

— Да что ты? — хлопаю ресницами, преданно заглядывая в его темные янтарные глаза. Я не изображаю удивление. Действительно влюблена, восхищена, покорена — всемогущим гением столетия, которого имею право называть «любимый муж». Потом, со временем, поняла, он — всего лишь менеджер, управленец с полузабытым техническим образованием. А гениальные теоретические открытия и их практическая реализация — сделано другими людьми. К ним Алекс, кстати, относится слегка презрительно: «Если эти яйцеголовые такие умные, то почему не такие богатые?».

Алекс продолжает, а мне кажется, что слушаю сказку:

— В некотором царстве, в некотором государстве — в дата-центре, расположенном в «суперсекретном» месте далеко в Антарктиде. Жили-были три могучих богатыря — три суперкомпьютера на квантовых процессорах. Для простоты понимания назовем их — «Земля-1», «Земля-2» и «Земля-3».

Я представила бело-голубой шарик планеты — такой одинокий и беззащитный в черном мраке космоса. Но тут появляются его проекции в недалекое будущее, три слегка отдаленные тени, одна прозрачнее другой. И возникает ощущение, что будущее предопределено и предсказуемо. Вот оно, вполне реально и осязаемо на «Земле-1». Завтра наступит, и что конкретно тебя ожидает, подскажет верная Энжи. Рассчитанная умной машиной жизнь на несколько шагов вперед. Как раньше люди жили без предиктов?

Итак, «Земля-1» ведет просчет на ближайшие сутки, «Земля-2» — на следующие сутки, а «Земля-3» — еще на двадцать четыре часа вперед. Чем долгосрочнее предикт, тем меньше его вероятность. Линия горизонта. Так мы привыкли называть граничную зону достоверного прогноза. «Мы» — это нормальные люди. А не аутлайнеры, которые сами отказались от советов доброй феи Энжи. Для них линия горизонта — прямо перед глазами...

Напоминаем, что мы ведем прямую трансляцию из Крайцберри Холл (Вена, Австрия), где Корпорация Мирового Добра представляет новейшую разработку Центра Предиктов...

— Анна, прошу на сцену, — голос доносится словно издалека. Несколько раз моргаю, прогоняя наваждение, из пестрой картины появляются отдельные образы. Мужчины и женщины — смо-

трят на меня. Опять какой-то официальный прием, не соврать, где-то тридцатый по счету за год. На сцену? Зачем? Такое — впервые. За невысокой голографической тумбой вижу Алекса. Он ласково, снисходительно улыбается, протягивая руку. Придерживая подол платья, поднимаюсь на сцену. На презентационной панели мерцает одна единственная кнопка — «обновление ОС 15,05. Подтвердите да/нет?».

Алекс кивает — мол, жми! И я нажимаю, не предполагая, что своей рукой резко меняю жизнь.

На огромном экране возникает новое лицо Энжи. Но ведь это... Мое лицо!!!

— А почему Энжи никогда не дает пояснений к советам? — спросила как-то Алекса.

— Ты меня просто удивляешь своей наивностью, — улыбнулся он и ласково погладил по голове, как маленького ребенка. — Это как спросить у девушки-диктора, читающей в новостном канале прогноз погоды: а почему завтра в Колорадо кратковременный дождь? Она-то откуда это может знать? Ей дали текст с прогнозом — она его озвучивает. И больше скажу — никто не знает, почему такой прогноз.

— Как это? — удивилась я.

— А вот так. Есть уникальный суперкомпьютер в Центральном Бюро прогнозов погоды. Хотя его вычислительная мощность, разумеется, не сопоставима с производительностью распределенной системы из множества квантовых процессоров в Центре Предиктов, — тут Алекс самодовольно усмехнулся. — В этот компьютер поступают данные с десятков тысяч метеостанций, разбросанных по миру, с метеорологических спутников, и еще много всякой информации.

— Вот у русских... — слово «русские» в устах Алекса всегда звучит слегка ехидно. Его любимая присказка: «Хорошо, что ты у меня только наполовину русская, но наполовину — нормальная», — ... так вот у русских до сих пор есть идиотская манера на праздники вываливать в атмосферу кучу реагентов, чтобы над Москвой полдня небо было ясное. А потом в целом регионе то дожди могут на неделю зарядить, то, наоборот, месяц — сушь страшная. Так что и такие национальные особенности надо учитывать при составлении всего лишь прогноза погоды. Суперкомпьютер в Центральном Бюро прогнозов погоды обрабатывает огромный объем поступающих данных. И чтобы понять — почему он выдает такой прогноз — надо все это самому заново в голове пересчитать. Только сначала в эту голову надо такой же суперкомпьютер поместить.

— И не надо одушевлять Энжи. Она всего-навсего интерфейс Центра Предиктов. Полностью ее имя — Predict Notification Engine.

— Думаешь, хоть когда-нибудь твои «мыльные» романы принесли бы тебе такую славу, которой поделилась Энжи? Как ты можешь быть недовольна моим подарком, Анна? Не понимаю тебя! — голос Алекса все еще не отпускает, слова терновыми шипами вонзаются в виски...

Вы готовы изо дня в день слышать миллионы слов благодарности и столько же проклятий? Скрывать настроение на электронном бездушном помощнике — норма. Все стерпит техника, что с нее взять?

— Теперь у вашего личного помощника появилось восхитительно красивое 3D-лицо, — Алекс нес эту чушь со сцены, а я, еле сдерживая слезы, силилась сохранять улыбку. Улыбаться радост-

но и естественно. Так, как это умеет делать мой цифровой клон на миллиардах ю-фонов по всему миру. Если абстрагироваться, разделить два понятия — внешность некой Анны Смоль и визуальная оболочка программы Центра Предиктов — то все выглядит вполне нормально. Но если представить, что, каждый раз получая не совсем приятный совет от Энжи, пользователи матерятся, посылают ее к черту, проклинаят... становится не по себе.

Уже пять минут жду его на улице, как маленькая влюбленная девочка. Олег, как всегда, возникает из ниоткуда, стремительно и неожиданно.

— Привет, моя Анн-жи, — веселый, задорный голос Олега. Похоже, он доволен шуткой. Исподлобья смотрю, не отвечая на приветствие.

— Хватит кукситься. У Энжи — твоя внешность. Это же так здорово. Когда у тебя под рукой нет зеркальца, всегда можно посмотреться в экран ю-фона.

Невольно улыбаюсь. Сердиться на Олега просто невозможно...

Он крепко обнимает, и я чувствую облегчение. Рядом с Олегом всегда так. Спокойно.

— Позволь показать кое-что? — не дожидаясь согласия, он буквально тащит меня в припаркованный у обочины двухместный флаер. Открывает дверь, помогает подняться, проверяет — хорошо ли застегнуты ремни безопасности. Перед тем, как надеть на голову шлем, крепко целует, а затем прыгает на водительское место, и мы на скорости уносимся из города. Куда? Не знаю. Мне и разницы особой нет — куда. Лишь бы с ним!

Ошеломляющий успех романа Анны Смоль «Уходящие за линию горизонта» и шумиха в прессе, поднятая вокруг этого феномена, вызвали целую волну жарких споров в литературной среде.

Чем можно объяснить этот успех? Талантом и мастерством автора? Или тем, что книга затронула тему, на которую ранее было наложено негласное табу? Сделать героями произведения аутлайнеров — ход крайне рискованный, но, как видим, увенчавшийся небывалым успехом. «Уходящие за линию горизонта» — бестселлер и, безусловно, литературное событие года.

Но тут возникает другой вопрос. Целый ряд авторитетных специалистов вполне аргументированно утверждают, что весьма посредственный автор, писавший до того незатейливые безделушки в стиле юмористической фэнтези, вряд ли способен написать такую книгу. Так ли это или нет?

Анна Смоль — по-настоящему одаренный писатель или всего лишь литературный проект, куда пригласили несколько мастеровитых авторов?

— Ты хоть отдаешь себе отчет, с кем связалась?

Отчего-то не удивлена, что Алекс все знает. Тогда зачем тянул с разговором? Почему смотрел сквозь пальцы на измену? Ожидал благоприятного предикта и поэтому ничего не делал?

— Пойми, твой Олег и ему подобные — лишь расходный материал. Величина второго порядка малости в основных стохастических уравнениях для расчета предиктов, — Алекс уже переходит на крик, брызжа слюной.

— Аутлайнеры со своей АСС не более чем пренебрежимо малая величина, не играющая никакой роли для стационарных случаев. Но в сингулярных точках именно ее учет позволяет получить невырожденное решение для многомерной системы предиктовых уравнений.

Ничего толком не понимаю в его словах. Но он себя не контролирует и поэтому выдает явно «закрытую» информацию. Слегка успокаивается

и продолжает говорить пусть менторским тоном, зато более понятным языком.

— Ты не задумывалась, откуда у аутлайнеров аэродромы, гиперзвуковые реактивники, сверхскоростные спасательные катера?

— Ну, так у них же есть спонсоры... всякие там благотворительные пожертвования...

— Есть, но это капля в море. Знаешь, кто у них главный спонсор, обеспечивающий львиную долю бюджета? Поди и не догадываешься. А ведь это — Корпорация Мирового Добра, которую они за исчадь зла держат.

— Не может быть?! Зачем КМД спонсировать тех, кто принципиально не хочет быть под ее надзором?

— Потому что они позволяют обеспечивать высокую точность прогнозирования в так называемых сингулярных точках. Изредка все же случаются какие-то события, вероятность которых даже не рассматривалась. Стихийные бедствия, катастрофы, несчастные случаи... В тестовых версиях программы это приводило к так называемому «предиктовому сумасшествию». Выдавались противоречащие друг другу прогнозы, система зависала. Приходилось проводить полную перезагрузку, чтобы эти события воспринимались как заданные начальные условия. Процесс занимал несколько часов, и работа тогда еще экспериментального Центра Предиктов просто замирала.

Но тут наши «яйцеголовые» предложили неожиданный ход. Представь, нужно добавить в систему предиктовых уравнений еще одну случайную величину. Все! Устойчивость в сингулярных точках достигнута! Этим дополнительным параметром и являются аутлайнеры со своей АСС. Когда случается непредвиденная чрезвычай-

ная ситуация, штатные спасательные службы работать не могут. Система выдает «Код три» — нет статистически достоверного предикта, вероятность неблагоприятного исхода операции высока. А эти безбашенные идиоты из АСС туда попрутся. И будут что-то пытаться сделать. Сколько их там погибнет — совершенно не важно. На аутлайнеров система федерального страхования не распространяется. Но их действия в любом случае направлены на уменьшение неблагоприятного эффекта при непредвиденной катастрофической ситуации. А это, пусть и незначительно, уменьшает локальную энтропию. И в результате процесс решения системы предиктовых уравнений остается сходящимся, а не расходится...

Алекс еще долго говорил, а меня будто оглушило. Такие люди, как Олег, летят в неизвестность, пытаются спасти кого-то... постоянно рискуют своей жизнью... и лишь для того, чтобы дурацкая программа меньше глючила? Какая разница — что с ними случится. Лишь бы Энжи на экран ю-фона не тормозила со своими советами.

О чем говорить? Я — не с ним, он — не со мной. Не чужие, но бесконечно далекие друг от друга. Два разных человека, судьбы которых на какое-то время были сплетены. Или не судьбы, а просто — предикты?

— Анна, я так рад, что у нас единая цель — совместное счастливое будущее. Пусть невозможно построить точный предикт на годы вперед, но, уверен, у нас все получится. Сегодня я хочу просить тебя — стань моей женой.

Так Алекс семь лет назад делал предложение. Четко выверенные слова, ни капли любви, ни щепотки терпкой страсти. До сих пор удивляюсь, как повелась на такое обращение. Видимо, под впечат-

лением от всемогущества системы предиктов. Уверенность, что будущее predetermined — снимает любую ответственность выбора.

— Я уже дома, — голос Алекса прервал размышления.

Мы даже не целуемся при встрече. К чему это? Если только сейчас — последний поцелуй на прощание? Прохожу мимо, плечо больно оттягивает тяжелая сумка. Собрала в нее только самое необходимое. Алекс протягивает руку, предлагает помощь. Я вежливо отстраняюсь и вкладываю в его ладонь небольшой конверт. Там письмо, написала от руки. И обручальное кольцо. На мгновение Алекс хмурит брови, разрывает конверт, пробегает взглядом по буквам. Меняется в лице.

— Ты с ума сошла?!

Комкает конверт, бросает его; звякает ударившееся об пол кольцо.

— Анна, как ты можешь принимать такие решения за нас обоих? Попробуй просчитать, что тебя ждет... с этим?! — он презрительно кивает головой в сторону, будто у меня за спиной стоит Олег. — Ты забыла, что такое страх, неуверенность, волнения? Адреналина захотелось? Можно съездить на американских горках покататься или устроить погружение в клетку к акулам? Хочешь? Можно устроить любой прогнозируемый экстрим.

— Если известен финал — это не экстрим. Путь из заданной точки А в точку Б, с возможными отклонениями в рамках допустимой погрешности предикта, — вот, уже научилась говорить на его языке.

— Жизнь и есть путь от рождения к известному финалу. Зачем усложнять? Почему тебя так тянет в опасные глупости?!

— Я просто люблю его, прости.

Алекс хватается за плечо, больно сжимает, словно надеется удержать силой. Пристальный взгляд иногда лучше любых слов. Он резко ослабляет хватку.

— Ты допускаешь серьезную ошибку, Анна. У вас нет счастливого будущего. Вечный страх перед завтрашним днем. Все, что ты получишь — седеющие волосы и разбитое сердце.

Волосы — закрушу. Зато каждый раз при встрече с Олегом замирает сердце. Значит, оно есть — и живое.

— Хочешь, слетаем сегодня в прошлое? — предложил Олег за утренним кофе. Впрочем, слово «утро» к полудню применимо весьма условно, мы только недавно проснулись. Расположились на веранде его дома. Мягкий матрац шезлонга, Олег в шутку называет его двухместным. С трудом, но помещаемся, лишь бы рядом. Шум прибора и тихий шорох песка.

— ...в мое далекое прошлое, в старый родительский дом на краю леса, — продолжил Олег, слегка приобняв меня. — Только возьми теплые вещи, будет морозно, — бросив взгляд на полотенце, которое едва прикрывает мне грудь, уточняет он. За последние пять лет, что провела во Флориде, совсем забыла — каков на ощупь «мороз».

— Мне разрешили взять на денек реактивник в АСС. Вертикальный взлет и посадка — аэродром не нужен. На любую ровную площадку можно сесть. А крейсерская скорость — два с половиной маха.

— Чьего маха? — удивленно спросила. — Какого маха? Совсем тебя не поняла.

— Извини, забыл, что ты — фантазерка, а не физик, — улыбнулся Олег, — две с половиной скорости звука. Три часа — и мы на месте. В Рос-

сии. Помнишь еще такую страну на карте? Когда-то одну шестую часть суши, откуда родом твои родители? Ну и я сам...

И потом этот день преподносил мне одну неожиданность за другой. словно фокусник с волшебной шляпой в руке, из которой можно вытаскивать десяток-другой кроликов, а затем еще и стаю голубей выпустить.

Первый сюрприз случился, когда велела Энжи включить поездку в расписание-предикт. Она задумалась... если это можно так назвать. Проще говоря, зависла. Обычно ответ получаешь мгновенно; или просто — «ваше пожелание учтено»; или какие-то дополнительные комментарии. А тут пауза, затянувшаяся на несколько минут. Я уже и одеться успела, и вещи в дорожную сумку покидать. Затем Энжи произнесла фразу, которую никогда раньше от нее не слышала: «Ваш запрос принят. Ждите предикта...».

Я положила ю-фон на стол и начала прихорашиваться перед зеркалом, а Энжи все повторяла и повторяла: «Ждите предикта. Ждите предикта...».

Надоедливый голосок у нее. Или у меня? Разозлившись, я нажала на кнопку «Отмена». Когда уже из дома выходили, услышала мелодичную трель нового сообщения из Центра Предиктов. Сразу включила ю-фон. Энжи, как мне показалось, озадаченным голосом произнесла: «Поездка включена в Ваше расписание. Статистически достоверный предикт не может быть сформирован из-за недостатка исходной информации».

Олег ехидно усмехнулся, услышав это, а у меня чуть было ноги не подкосились от удивления. Чтобы Энжи чего-то не знала?! И в голову не могло придти. И тут сообразила — а ведь как рассчи-

тывать прогноз, если в нем присутствует такой непредсказуемый элемент, как Олег?

Тогда впервые почувствовала себя неудобно от мысли, которая потом еще не раз меня посещала. Из-за Олега моя линия горизонта, за которой наступает неизвестность, стремительно приблизилась, вплоть до считанных часов. Что выбрать? Коктейль из любви и полной непредсказуемости? Или все-таки — спокойное течение жизни?

Как-то давно спросила Алекса: какова примерная точность предикта? Хотя бы на сутки вперед.

Он очень странно на меня посмотрел. Даже слегка растерялся и задумался. Видно было — такого вопроса совершенно не ожидал.

— Понимаешь, на самом деле очень сложно оценить точность предикта. Невообразимо много случайных факторов. Ну, во-первых, в Центр Предиктов стекается огромное количество информации. Но ведь не бесконечно большое, не всеобъемлющее. Это фундаментальное ограничение: «Нельзя учесть все!». Во-вторых, в Центре установлены не имеющие аналогов квантовые суперкомпьютеры. Их мощность нельзя даже представить себе. Но тут есть тонкий момент. Квантовые процессоры кардинально отличаются от обычных кремниевых чипов, на которых построены все остальные устройства.

Как тебе проще объяснить? Квантовая система всегда выдает результат, лишь с некоторой вероятностью являющийся правильным. В принципе, за счет циклического повторения операций в алгоритме можно сколь угодно приблизить вероятность получения правильного решения к единице. Но тут, как всегда, приходится искать компромисс между точностью результата и временем, затраченным на его получение.

— И наконец... — продолжил Алекс, — а как вообще можно абсолютно точно оценить достоверность предикта, который озвучивает Энжи? Скажем, она рекомендует сменить твой ю-фон на новую модель. Ты следуешь совету. А что бы произошло, проигнорируй ты это сообщение? Ответа нет, потому что конкретное событие свершилось. И другой альтернативы быть не может. Поэтому иногда предикт выдается не на основе наиболее вероятного события, а на основе более экономически эффективного...

Тут Алекс постарался перевести разговор на другую тему:

— Ну что мы с тобой о таких скучных вещах говорим. А не сорваться ли нам прямо сейчас в хороший ресторанчик? Вряд ли наши Энжи будут возражать...

Мало что поняла из этой лекции Алекса. Кроме одного. Что советы Энжи иной раз основаны на чисто экономических соображениях. Например, купить новую модель ю-фона, которые, как всем известно, производит именно КМД. Забавный поворот сюжета...

Но, когда мы сели в реактивник, все размышления разлетелись встревоженными птицами. В голове осталось место только для мысли — неужели так можно летать?

Олег посадил меня в кабине пилотов, рядом с собой. Вместо лобового стекла — огромный 3D-монитор, на котором отображалось несколько полупрозрачных слоев — картинки с видеорегистраторов, показания десятков приборов, какие-то разноцветные схемы. И все в движении, активно и переливчато. Кроме того, на полусферической панели управления, помимо основного штурвала-джойстика, было еще несколько десятков кно-

пок, переключателей, клавиш. На мой взгляд, чтобы справиться со всем этим хозяйством, надо быть многоглазым осьминогом и никак иначе!

В голову не пришло бы, что у суперсовременного реактивника есть ручное управление. Сейчас в любом авто — только одна кнопка «включить/выключить».

А дальше или встроенный компьютер управляет, или можно вставить ю-фон в специальный слот и давать Энжи общие указания, а с управлением она прекрасно справится сама. Как же иначе? Ручное управление... разве допустимо подвергать себя такой опасности?

— Можно надеть нейрошлем и давать мысленные команды, — с улыбкой сказал Олег, видя мою растерянность, — но, боюсь, рядом с тобой в моей голове будет слишком много посторонних мыслей... ничего общего не имеющих с управлением полетом, — тут мы рассмеялись. — А если серьезно, то нейромод автоматически подключает систему внутреннего контроля, не позволяющую выйти за штатные режимы. Не люблю чувствовать себя птицей в клетке. В ручном режиме из реактивника можно выжать все, на что он вообще способен... и даже сверх того, — добавил Олег. Я следила, как завороченная, за его пальцами, порхающими над панелью управления.

Перед самым стартом Олег сказал: «Закрой рот». Только захотела возмутиться, как он пояснил:

— Рот сейчас закрой, а то язык можно прикусить. Но зубы сильно не стискивай... а теперь — взлетаем!

И в глазах у меня надолго потемнело от перегрузки...

Вертикальный взлет гиперзвукового реактивника. Как описать словами? Невозможно это. Адрес-

налиновое наслаждение через боль! Такое запоминается на всю жизнь.

Когда реактивник набрал высоту и вышел на нужный курс, пришла в себя, на удивление, быстро. И мои страдания при взлете окупились сторицей. Ведь сколько раз в жизни сидела у иллюминатора пассажирского трансконтинентального аэроджета и пыталась представить, что видит пилот из своей кабины? Трудно понять, и еще сложнее поверить. Но люди действительно научились летать как птицы!

Вертикальная посадка реактивника в режиме ручного управления — еще более сильное впечатление, чем взлет. Когда взлетаешь — есть пусть слабая, но надежда на благополучный исход. Но вот когда приземляешься...

Олег потом признался, что отрабатывал новый вариант посадки — для экстремальных условий. Когда шквал или тайфун...

Свободное падение почти до самой земли, и резко — турбины на полную мощность метров за сто до поверхности. Безумно страшно. Думаю, что очнулась где-то минут через десять. И просто убила бы Олега, если бы могла рукой пошевелить. Но потом...

Олег на руках вынес меня из реактивника — и прямо в сказку. Зимний русский лес в солнечный день.

Перламутровый наст, бриллиантовые искорки льдинок на ветках высоченных елей. Вроде я неплохо справлялась с описанием сказочной природы в своих книжках, но оказалось, что вживую это может выглядеть невероятно красивее.

— Опустит сейчас же, — сказала Олегу.

— Ни за что! — улыбнулся он. — Никогда не был так счастлив. Хочется в этот миг остано-

вить время. Вот сейчас несу женщину, с которой мечтаю провести всю свою жизнь... к дому, где хотел бы эту жизнь вместе с ней прожить.

В этот момент я смотрела на него глазами влюбленной девчонки, но заметила, как по его лицу промелькнула тень горькой мысли. И тут же она кольнула меня в сердце: «Вряд ли эта жизнь будет такой уж долгой. Сколько нам отмеряно быть вместе? Годы? Месяцы? Дни? Или даже часы?».

...Она накинута прямо на голое тело старый полушубок, слегка тронутый молью, и вышла на заснеженное крыльцо. Ясный зимний день, солнце уже давно встало, и в его лучах снег на елках бриллиантово искрился.

Он, обнаженный по пояс, колот дрова неподалеку от крыльца. Несмотря на двадцатиградусный мороз, с него ручьями лил пот. При каждом ударе топора по очередному полену его мышцы вздувались и бугрились. Казалось, как античный герой, он весь состоит только из мускулов и сухожилий. А еще — из шрамов...

Я стояла на крыльце и смотрела, как Олег колет дрова. Одновременно пыталась подбирать слова, словно пишу рассказ или повесть. Получалось примитивно и банально, это я могла трезво оценить. Напридумывать каких-нибудь хитрых штучек вроде дизель-рыцарей с турбоприводом или молниеносной Феи Гроз — как нечего делать. А написать всего страничку кристально чистой прозы, не замутненной никакими искусственными консервантами и красителями, мне не по силам. Казалось бы, что может быть проще — описать словами картину, которая у тебя перед глазами? Всего-навсего подобрать нужные слова — простые, свежие, яркие. А я не могу.

Только сейчас ясно поняла, насколько тут мы с Алексом схожи. Пишу книги точно так же, как он пишет популярные статьи о своем обожаемом Цен-

тре Предиктов. Обдуманно, выверенно, логично... и при этом — бездушно и хладнокровно. Игры разума, точнее — игрушки разума, а не боль сердца.

Так в чем тут проблема? Я пишу отстраненно и равнодушно, потому что пишу о том, что меня совершенно не волнует? Или просто не могу подругому? По-настоящему! А вот об Олеге и таких, как он, смогла бы написать действительно сильную вещь?

Но наша идиллия продолжалась недолго. Резкий и громкий сигнал телефона спутниковой связи, с которым Олег никогда не расстается. Несколько коротких вопросов. Изменившееся лицо Олега, таким никогда его не видела.

— У штатных спасателей — «Код три»? Понятно, будут сидеть на месте до морковкиного заговения. Сейчас дома — в России. Вылечу через десять минут. Где по пути наш ближайший аэродром? Хабаровск? Прекрасно, там отличные ребята. Пусть готовятся, минут через сорок их подхвачу. И обязательно нужен хороший пилот мне на смену, первую тройку сам поведу. Я сказал — сам поведу! Не обсуждается. Там фиг знает что творится, а я сбросил ребят и дальше спокойно полетел, так что ли?

Потом Олег повернулся ко мне и сказал: «Собирайся. Быстро. Очень быстро».

После взлета спросила:

— А почему ты отдаешь всем команды? Ты самый главный в АСС?

— У нас нет главных. Точнее, есть всякие там менеджеры. Только они — по организационно-хозяйственной части. У спасателей нет начальников. Почти анархисты. Но с жесткой дисциплиной. Любой операцией руководит тот, кто идет первым.

— Не поняла, — решила чуть-чуть подколоть его, — ведь это же основной принцип: «Эксперименты надо проводить на наименее ценных членах экипажа».

Но у Олега чувство юмора, похоже, в этот момент отключилось напрочь.

— У нас лидером первой тройки всегда идет самый опытный. Пусть у него самого и мало шансов, но зато есть шанс у тех, кто следует за ним.

— И тебе не страшно идти первым?

— Обычно просто нет времени думать об этом. Страшнее, если в неизвестность первым шел бы кто-то другой вместо меня. Тогда, наверное, за него беспокоился. Поэтому всегда первым иду сам.

— А если бы ты перестал быть аутлайнером... и получил сейчас «Код три» от Энжи? Это тебя остановило бы? Если бы точно знал, что никакого шанса уцелеть нет?

Никогда не видела у Олега столь серьезного выражения лица. Он задумался ненадолго и ответил:

— Представь, что близкий человек попал в беду. Успеть придти на помощь некому, кроме меня. В такой ситуации ты бы задала подобный вопрос? Ты бы думала, страшно мне или нет? Или кричала: «Ты — спасатель, чего же ты медлишь?! Ведь человек в беде!».

Он снова улыбнулся и добавил:

— Поэтому хорошо, что у меня нет времени на такие размышления...

Посадка в Хабаровске. В реактивник загружается веселая компания. Шестеро мужчин. Я почему-то ожидала, что они будут напряжены, серьезные, сосредоточенны. Куда там — шутки, смех, дружеские подколки.

— Олег, что ты за хомяк? Таковую девушку скрывал. На свадьбу пригласишь?

— Ребята, увь. Это не невеста. Нам такие девушки только снится могут. И то не каждую ночь. Разрешите вам представить Анну Смоль. Известную писательницу. Она сейчас работает над новой книгой — про нас. И хотела сама посмотреть на настоящих мужчин в ходе реальной спасательной операции...

— Анна, как будет называться ваша новая книга? — вдруг спросил кто-то из них.

Вопрос поставил меня в тупик. Неожиданно для себя уверенно ответила: «Уходящие за линию горизонта».

— Здорово, прямо в точку. Ребята, классно, про нас книгу напишут.

Именно в этот момент поняла, что действительно хочу написать такую книгу. Должна ее написать. Настоящую вещь, а не пустышку, какими пробавлялась раньше.

Олег уступил место за штурвалом новому пилоту, а сам принялся проверять снаряжение, давать инструкции.

Впервые увидела еще одного Олега, совершенно незнакомого мне. Въедливого, дотошного, педанта, почти зануду. Ребята сразу стали серьезнее, собраннее, даже жестче. Олег проверил все, что только можно, чуть ли не содержимое карманов в их комбинезонах.

Пару раз видела, как Алекс отчитывает кого-то из подчиненных. С важным видом, на повышенных тонах.

Олег не повышал голос, говорил спокойно, даже с легкой улыбкой, но надо было видеть, как его слушали и согласно кивали остальные члены спасательной группы.

Когда он закончил работу и сел рядом со мной, сказала:

— Ну ты и зануда, никогда не думала. Мне казалось, все аутлайнеры — слегка пофигисты. Или даже не слегка.

Олег ответил резко и машинально, такое ощущение, что эти слова говорил уже не раз:

— Ты можешь быть полным пофигистом по жизни. Но не на спасательной операции. Тебе, может быть, наплевать на собственную жизнь — имеешь полное право. Но когда от твоих действий зависит жизнь тех, кто идет вместе с тобой. И пусть иллюзорный, но шанс на спасение у тех, к кому ты идешь на помощь, — тут уже совсем другие правила. Совсем другие...

А потом реактивник вошел в зону турбулентности.

Нас так трясло и мотало, что у меня потемнело в глазах и стало совсем плохо. Смутно помню, как Олег подошел ко мне, одетый в защитный комбинезон и в шлеме с поднятым прозрачным забралом.

Кажется, он сказал: «До встречи, милая». И посмотрел так, словно в возможность этой встречи не очень-то и верит.

Сразу после приземления на моем ю-фоне появилась Энжи. «Код один — срочное сообщение новостной службы КМД». И сердце почему-то замерло...

При выполнении несанкционированной Центром Предиктов спасательной операции в районе природного бедствия на одном из островов Тихого океана разбились трое аутлайнеров из АСС. Ведущий первой группы в последний момент успел передать необходимые рекомендации для спуска резервной команды. Спасательная операция продолжается...

В глазах потемнело. Издалека донесся голос Энжи: «Код два. Вызываю скорую медицинскую помощь».

Олега нашли случайно. С точки зрения Центра Предиктов — прогноз нулевой вероятности. При падении, в момент первого удара о скалу, сработал аварийный радиомаячок. Всего один принятый в АСС сигнал.

Но его искали трое суток. На поиски вылетели практически все аутлайнеры. И организовано, в рамках операций АСС, и сами по себе.

Ира и Феликс. Им я должна быть благодарна. Молодая супружеская пара. Точнее — новобрачные, вместо свадьбы вылетели на поиски. Оба — аутлайнеры. Заранее зафрахтовали маленький винтолет для свадебного путешествия.

Парашютов у них не было. Он — профессиональный пилот, а она не умела управлять винтолетом. Феликс смог на несколько секунд сбросить скорость почти до нуля... а Ира прыгнула с двадцатиметровой высоты в океан. Наверное, ей повезло. И Олегу тоже. Она сумела вынырнуть после прыжка...

Когда меня попросили дать отзыв на книгу Анны Смоль «Уходящие за линию горизонта», решил деликатно отказаться. Незнакомое имя, а тратить время на сомнительного автора не хочется. Потом кто-то сказал, что Анна написала две или три книжки: фэнтези на уровне «чуть выше школьного». Тогда решил отказаться уже не очень деликатно.

Но меня попросил еще один человек, которому слишком многим обязан. Начал читать — и не пожалел. Никакого отношения к фэнтези — резкая, сильная, правдивая вещь. Чувствуется женская рука, но, наверное, именно женщина и должна писать о настоящих мужчинах. Глубоко, прочувствованно и вместе с тем без излишней категоричности выводов.

Для большинства из нас «аутлайнер» — асоциальный тип, отказывающийся идти в ногу со време-

нем. Сам тоже всегда к ним относился. Но книга Анны Смоль заставила меня посмотреть на них под другим углом.

Героями «Уходящих за линию горизонта» являются сотрудники Альтернативной Службы Спасения. Люди, которые совершенно сознательно сделали свой выбор — рисковать жизнью ради спасения других в совершенно безнадежных ситуациях.

Зачем тогда им Энжи со своими предиктами? Для них в любой спасательной операции — прогноз тяжелый, как говорят медики. Иными словами, только прозрачные шансы. Но они спокойно уходят в пугающую нас неизвестность. Ведь кроме них никто на это не решится.

Мы слишком привыкли к предсказуемой спокойной жизни. Мы не хотим рисковать. А ведь бывают ситуации, когда кто-то должен! И кроме них — больше никому.

Анна Смоль старается избежать однозначных выводов. Она просто рассказывает историю, как ее видит. А читатель вправе решать — кем ему представляются эти люди. Они — бездумные любители ставить на кон свою жизнь? Или они — настоящие герои?

Одним словом — прочтите эту книгу. Она того стоит.

Социальный критик Гарри Тигунофф.

Я — слабый человек. Не хватало сил в этом честно признаться. Да и стыдно слегка. Но вот такая, не переделаешь. Слабость и нерешительность у меня в крови. Нет от этого лекарства, никакая таблетка не сможет сделать тебя внутренне сильнее, чем есть.

Вот Олег — совсем другой. Решительный, волевой. А главное, он — настоящий. Выбрал для себя не самый простой путь в жизни и спокойно идет вперед, никогда не сворачивая на дорожку полегче.

Мне это не по силам. В больнице, пока его собирали по частям, ни о чем не могла думать. Лишь бы не умер, лишь бы вернулся к жизни. Только эти слова и твердила. Мысленно, вслух, во сне... И вдруг задумалась. Смогу ли снова пережить такой кошмар? Ведь на операционном столе он уже в который раз. И если выживет — то и не в последний. Это его путь, смысл существования.

Смогу ли я смириться с таким образом жизни? Вечно жить в страхе, что сейчас опять раздастся сигнал телефона спутниковой связи с АСС. И сердце будет рваться напополам, когда он вылетает на очередную спасательную операцию. Нет, мне это не по силам. Нет, не подходит Олегу такая Анн-жи...

Никто не подскажет мне правильное решение. Никакой Центр Предиктов не поможет. Только мне решать — кем быть или не быть. Когда медсестра сообщила, что Олег пришел в сознание — приняла единственно правильное решение и за себя и за него...

Уже два месяца живу одна в маленьком домике на берегу океана. Каждый день долго брожу вдоль линии прибоя, смотрю — как волны накатывают на песок. Не отвечаю на звонки. Алекс звонил много раз. Олег — ни разу.

Купила по дешевке старое авто с ручным управлением. Раз в неделю езжу за продуктами на маленький рынок в соседнем городишке. На всякий случай всегда надеваю платок и большие темные очки. Пусть лучше все думают, что я — девушка Джеймса Бонда, чем видят во мне назойливую, как муха, Энжи. И по несколько часов в день тупо смотрю на экран ноута, где на чистой страничке пока есть только название моей будущей книги:

«Уходящие за линию горизонта»

Мы идем с Олегом по цветущему лугу. Он обнимает меня, потом подхватывает на руки. Несет меня к нашему любимому дому... старому дому на краю леса. Отражение солнца в его зеленых глазах...

— Олег, ты простишь меня за то, что тогда испугалась и ушла? — спрашиваю у него. — Ведь иногда надо что-то потерять, чтобы понять: что ты потерял.

Олег смотрит мне в глаза... задумывается на пару минут. Какая долгая пауза! Затем отвечает, но каким-то странным голосом. Ужасно знакомым женским голосом.

— Код два, код два, код два... — бубнит он.

— Олег, что с тобой?! — кричу ему. И тут уже просыпаюсь от голоса Энжи.

— Код два, код два, кода два, — как заведенная повторяет она. В комнате предрассветный полумрак, навскидку — часа четыре утра. Такое впервые. Энжи никогда еще не будила меня, этого вообще не должно быть, но она все повторяет и повторяет, — код два, код два... Прослушайте срочное сообщение, прослушайте срочное сообщение...

— Давай мессагу, дура, — огрызаюсь спросонья.

Сообщение новостной службы CNT:

Из-за непредсказанного тайфуна в Карибском море потерпел аварию небольшой VIP-джет. Примерно час назад с ним пропала связь, и он исчез с экранов радаров. Пропавший VIP-джет принадлежит Корпорации Мирового Добра. По нашим данным, кроме пилота на борту находился руководитель Центра Предиктов КМД Алекс Вейбер.

В связи с тем, что ураган продолжает бушевать, вылет спасательных команд задерживается из-за действующего «Кода три».

Хотя связи с джетом нет, но временами регистрируется сигнал SOS его аварийного радиомаяка.

Все подробности — в нашем следующем выпуске.

Просьпаюсь окончательно. Алекс — разбился?! Не может быть! С ним ничего не может случиться. Никогда.

Ни при каких обстоятельствах. Он же все всегда знает наперед. Это какая-то ошибка! Пусть он мне — почти чужой, хотя официально до сих пор муж. Но какая разница — человек в беде!

Входящий звонок. Не хочу ни с кем разговаривать, но кнопка отмены вызова не срабатывает.

— Вы должны ответить на звонок, — бесстрастно говорит Энжи и принимает вызов.

На экране появляется лицо человека, которого знает весь мир. Мне звонит сам Джей Абрамс, президент и владелец КМД.

— Анна, нет никаких причин для волнения. Ситуация полностью под контролем. Несколько спасательных групп готовы к вылету. Как только будет снят «Код три»...

— Какой «Код три»? Там же сигнал SOS! Возможно, Алекс еще жив.

— Мы понимаем ваше волнение. Но не стоит переживать. Повторяю, все под контролем. Как только ураган чуть утихнет и «Код три» будет снят...

Тыкаю пальцем на клавишу «Отбой». Тут же появляется Энжи:

— Код два. Разговор с мистером Абрамсом нельзя прерывать, повторное соединение...

— Код три, — говорю ей, — заглохни на десять минут, дура. Не до тебя сейчас!

— Команда по Коду три принята, — отвечает Энжи и исчезает с экрана.

И тогда вызываю номер, который еще остался в папке «Удаленные» моего ю-фона.

Он ответил не сразу. Потом принял вызов, сказал: «Подожди две минуты, говорю по спутниковому каналу». Наверное, он плохо прижал к себе ю-фон. Весь разговор я прекрасно расслышала:

— Мне нужно пять человек. Будут две тройки — основная и резервная. Вылет через час. Никого из молодых и семейных, понял? Только те, кому терять особо нечего. Как и мне. И предупреди каждого — это дохлый номер. Чтобы никаких иллюзий вообще. Прыгаем из реактивника, с нескольких километров... и в полную задницу. Если первая тройка — всмятку, пойдет вторая. Сам поведу первую, это не обсуждается. Да в полном порядке, давно уже все срослось. Вчера гипсы сняли. Какие парашюты? Там же гребаный ураган. Готовь турборанцы. И можно сразу некрологи для прессы. Да шучу я так, шучу. Все, нет времени, выезжаю...

Потом он ответил мне:

— Извини. Не надо ничего говорить — я в курсе. Но ты же понимаешь — там «Код три» на неопределенный срок. Никаких шансов. Туда вылетать — только людей гробить. У меня самого еще с прошлого раза не все косточки срослись. Так что, извини, спасательной операции не будет. И не звони больше — хорошо? В следующий раз просто тебе не отвечу. Пока...

Когда мчалась к аэродрому, нарушила все существующие правила дорожного движения...

*По просочившимся в Сеть сведениям, при съемке блокбастера «Уходящие за линию горизонта» по одноименной книге Анны Смоль кинокомпания «4D Pictures» практически не использовала компьютерную графику. Почти все невероятные трюки были сняты при участии группы добровольцев — сотрудников Альтернативной Службы Спасения. **УС***

Ирина Копаяенко

Родилась в Москве, где по сей день живет и работает. По образованию инженер-радиотехник, но с детства пишет стихи. А с некоторых пор — еще и рассказы. «Зачем? Уходишь от действительности?» — спросили как-то друзья. «Нет, дорогие мои, совсем наоборот. Действительность становится ярче, интереснее с каждой созданной строкой. Незаметен, естественен переход из мира реального в область вымысла. Переплетение фантазии и обыденности. Где грань? Она почти неощутима. Герои моих произведений — самые обычные люди. Они живут среди нас, ходят по улицам города. Работают и отдыхают, любят и страдают. Не чудо ли это, не волшебство? И я пишу. Наверное, ради этого ощущения чуда...» — вот как говорит о себе сама Ирина.

Охрана у него была безупречна. Ни малейшей растерянности, ни даже молчаливого удивления не возникло в глазах ребят, когда шеф внезапно появился в коридоре «минусового» этажа намного раньше обычного. Но, уже закрыв за собой дверь, Кирилл буквально спиной ощутил, как расслабились парни. Пусть... Вечера, которые он проводил в гараже, воспринимались всей его огромной «империей» как праздники — часы спокойствия и тишины. Собственно, помещение, в котором он уединялся столь часто за последние годы, давно уже ничем не напоминало гараж. А начиналось все именно там.

Примерно пять лет назад известный бизнесмен, один из самых богатых и влиятельных людей со-

Двойники

временного мира, Кирилл Дебритский озадачил своего личного помощника странной просьбой. Требовалось найти и отреставрировать автомобиль. И не какой-нибудь, а «Москвич-408». Трудность заключалась в том, что таких машин, с круглыми фарами и вертикальными задними фонарями, Ижевский завод выпустил очень мало. Шефу же потребовался именно Ижевский «раритет», именно с таким кузовом! Хотя, казалось бы, какая разница? Пожалуй, только для специалиста... Но Дебритский ретро-автомобилям ранее никакого внимания не уделял... Чем же заинтересовал обыкновенный старенький «Москвич» знаменитого миллиардера? Вопрос так и остался открытым...

Весь процесс реставрации проходил под неусыпным контролем самого хозяина. Машину покрасили в непритязательный зеленый цвет, без малейшего намека на «мелаллик», на сиденья натянули чехлы жутковатой расцветки в мелкий рисунок... Любую попытку хоть как-то облагородить автомобиль, придать ему более современный вид Кирилл пресекал немедленно. Зато двигатель и ходовая часть, казалось, его абсолютно не интересовали. Механики заменили многие детали, что-то пришлось делать на заказ, и вскоре обновленный автомобиль был готов к эксплуатации. Но вместо этого шеф велел водрузить скромный «Москвичок» на огромный постамент среди шикарных «Лексусов» и «Мерседесов», которые уже отслужили свое и стояли рядом в просторном гаражном помещении богатого человека Кирилла Дебритского. Постамент для «Москвича» соорудили высокий, наверное, для того, чтобы машина не ощущала свою ущербность среди столь великолепных соседей. Если, конечно, она могла что-то чувствовать...

С этого скромного автомобиля и началось необычное увлечение Кирилла, о котором столько писала и «желтая» пресса, и более солидные издания. Он же из своей затеи тайны не делал, но и лишних людей в гараж не допускал. А однажды, в интервью для довольно известной газеты, рассказал, что увлекся интерьером 70-х годов. Почему? А просто так. Может быть, потом будут 80-е, а может, и нет... Таким образом, все постепенно и успокоилось. Ведь, если тайны нет, разоблачать нечего, скандала не предвидится, то и разговаривать вроде не о чем... В гараже, тем временем, отгородили большой участок, возвели стены, туда подвозили мебель, которую осматривал сам шеф, там трудились художники, дизайнеры... Даже декоративное окно создали. Глубоко под землей при помощи пульта управления за «окошком» то рассветало, то темнело, соловьи пели, а легкий ветерок нежно прикасался к стареньким ситцевым занавескам. По мнению большинства дизайнеров, занавески были ужасны! Но материал, рисунок и даже степень «старения» выбирал лично Кирилл. Скоро «музей» 70-х был готов. Стены, оклеенные неброскими обоями, удобный диван, конечно, сервант «Хельга», кресло, возле которого стоял торшер с абажуром, отделанным золотым кантом... Зачем все это потребовалось Кириллу Дебритскому? Человек-машина, экономист, финансовый гений... Заподозрить его в сентиментальности не осмелилась бы никакая, даже самая «желто-лимонная» газетенка! Тем более, в 70-х нынешнему миллиардеру было лет десять... Какая уж там сентиментальность... Но комната в стиле «ретро» существовала по велению шефа. Появляться там никому не дозволялось, и только охранники периодически проверяли «музей» на безопасность. Да, еще техники

постоянно поддерживали «70-ю комнату», именно так они сразу назвали вверенный им объект, в превосходном состоянии. Ведь там, в «ретро-комнате», последние два-три года проводил все свое свободное время один из самых загадочных и богатых людей современности. Возможно, он там и работал. Скорее всего, так и было, поскольку отдохнуть Кирилл, кажется, совсем не умел. Загородные поездки его раздражали. А предложения деловых партнеров о «единении с природой» и вовсе приводили в ярость, особенно, если в предложении присутствовала речка или какой-либо иной водоем. О друзьях миллиардера Дебритского, если таковые имелись, никто ничего не знал. Светские мероприятия он посещал только в случае крайней необходимости. Все же статус обязывал... Таким образом, владея недвижимостью по всему миру, Кирилл Валентинович Дебритский отдыхал в «гараже», словно одушевленный персонаж своего небольшого уютного «музея». Почему? Должно быть, он так хотел, и ни один человек за все последние годы не решился спросить его о причинах столь странного выбора.

То, что нынешним вечером шеф назначил весьма необычную встречу, а отдых не предвидится, знали только личный помощник Кирилла и начальник охраны. Разумеется, весь обслуживающий персонал, кроме самых проверенных сотрудников, заранее попросили переместиться на верхние этажи здания. Дело в том, что Кирилл Валентинович собирался встретиться с Детективом, а конфиденциальность для подобных мероприятий строго необходима. Бывают и у миллиардеров проблемы, решение которых невозможно доверить службе безопасности... А этот Детектив, известный только предельно узкому кругу лиц довольно высокого поло-

жения, отличался не только исключительным талантом сыщика, но и поразительным чутьем, способностью понять, что же требуется его клиенту. Ведь как часто случается, что излагает человек просьбу, даже формулирует весьма четкие требования, а имеет в виду совсем другое... Соблюдение тайны следствия, разумеется, даже не обсуждалось. За многие секреты, раскрываемые по ходу работы, он мог бы давно расстаться с жизнью. Но мастерство и безупречная репутация до сих пор служили ему верной гарантией собственной безопасности. Приглашение посетить Дебритского Детектива не обрадовало, без работы он сидел крайне редко, а дела особо важных персон частенько оказывались не слишком интересными, но зато весьма и весьма опасными. Опасность при этом, вполне могла исходить и от самого клиента... Впрочем, согласия прославленного сыщика никто и не спрашивал. Личный помощник, воистину «правая рука» известного миллиардера, вежливо поинтересовался, когда именно Детективу удобно посетить Кирилла Валентиновича по очень важному для высокой особы делу? Только и всего... Исполненный самых неприятных предчувствий, сыщик немедленно откликнулся на просьбу, больше походившую на ласковый приказ: «К ноге!»...

Ах, где же ты, хваленая интуиция? Интерьер 70-х настраивал на безмятежность и покой, а за декоративным окошком слышались трели соловья. Соловьиная песня, негромкая, душевная, словно привет из далекой юности, совершенно не мешала беседе двух умных, но безмерно усталых людей. Детектив родился в самом начале 50-х и в 70-е как раз переживал незабываемые «золотые» годы. Он учился, начинал работать, влюблялся и расставался, вновь влюблялся, затем женился на женщине, которую

до сих пор любил больше жизни... А Дебритский? Ведь он моложе... Зачем ему эта ретро-романтика? Что же ты молчишь, интуиция? Но тревожные предчувствия, с которыми Детектив пришел в этот дом, таяли подобно шарик у мороженого в солнечный июльский день. А дело, которое ему предстояло, показалось и вовсе безобидным. Обычное такое, почти семейное дело, никаких мерзостей и «подводных камней»... Правда, зачем все это Дебритскому? Но интуиция упорно молчала...

Только очутившись в своем строгом кабинете, Детективу удалось все же избавиться от «словобино-го наваждения». Итак, ему предстояла командировка в некий город Пустогорск, о существовании которого он раньше даже и не слышал. Там ему требовалось всего лишь узнать, как сложилась жизнь у некоторых людей (список, весьма небольшой, прилагался), временем его особо не ограничили, аванс на командировочные расходы выдали щедрый... Что же еще? Да, вмешиваться в жизнь людей, указанных в списке, Дебритский строго запретил. Только докладывать ему, если необходимость появится. Ну, а при отсутствии экстремальных ситуаций, на что Детектив очень надеялся, следовало просто приехать к Кириллу Валентиновичу лично и рассказать обо всем, что удалось узнать. Вознаграждение за эту «разведку» предполагалось баснословным. Вот так: простое дело за «бешеные» деньги... А проснувшееся чутье сыщика упорно твердило: простым делом не получится. Почему-то он сразу отнес его к категории «семейных»... Почему? Дебритский — коренной москвич, про таких говорят: «до прабабушек и прадедушек», родственников не имеет, осиротел рано, еще в студенческие годы. А может быть, имеются все же родственники у загадочного миллиардера? Интуиция, словно извиняясь за свое столь дол-

гое молчание, настойчиво подсказывала: не спеши, благо, возможность есть. Узнай о важном клиенте, интересующих его людях и городе Пустогорске много больше, чем требуется для выполнения обычного задания, но докладывай не все. Только необходимое. На странности, что обязательно возникнут в процессе работы, внимание обрати, но ни в коем случае «не рой» слишком глубоко, не вникай в суть происходящих событий... Парадоксально, но именно такой совет дала ему интуиция, а ей Детектив привык доверять. Значит, узнавать, но не вникать, тогда все и обойдется...

А привилегированный клиент, что так беспокоил сыщика, еще долго после его ухода сидел в кресле, почти не двигаясь, закрыв глаза, мучительно пытаясь понять свои же собственные намерения. Зачем? Жизнь его удалась, это сомнению не подлежало. Он реализовал самые невероятные проекты, что когда-то и ему самому казались неосуществимыми. Он богат, влиятелен, известен. Так зачем же ему потребовалось все это? Зачем столь часто обращается он, пусть всего лишь мысленно, к тем, кого покинул навсегда? Лишние, ненужные воспоминания... Беспокойная память... Только вот беда, памяти приказать он не мог... А она все возвращала и возвращала его в тот далекий июнь 1975-го, когда так неожиданно и, главное, бесповоротно изменилась его судьба. А ведь он знал тогда: обратный путь невозможен. Так что же теперь?

Казалось, что это случилось вчера, а ведь прошло уже пятнадцать лет. Для него — пятнадцать, а для всех остальных — тридцать пять. Да, прошло целых тридцать пять лет, двадцать из которых он, скажем так... перепрыгнул...

Человек на обочине дороги появился столь неожиданно, что Кирилл едва успел нажать на тор-

моз. Конечно, можно было и мимо проехать, автобусы, хоть и редко, а все же ходили, да и темнеет в июне поздно... Но он уже остановил машину, решив «подбросить» попугайчика.

— Если Вам в город, садитесь.

— С превеликим удовольствием, вот только денег у меня, простите, нет.

— А я знаю, что нет. Не беспокойтесь, доведу.

— Хм, — незнакомец пристально посмотрел на своего благодетеля и, пристроив весьма объемный необычного вида кожаный саквояж на заднее сиденье, обиженно продолжил: — А, позвольте поинтересоваться, что же, я так прямо и похож на человека неимущего?

— Нет, — Кирилл рассмеялся. — «Прикид» у Вас по высшему разряду. Из столицы к нам прибыли? Я угадал? А вот денег нет, точно. Мало ли какая этому причина.

— Причина есть. Но как Вы это поняли?

— А... я — финансовый гений. Если и не знаю, то чувствую наверняка.

— О! Да! Скромностью, молодой человек, Вы, похоже, не отличаетесь. И как же поживается «гению финансов» в славном городе Пустогорске, где я что-то ни одной горы пока не вижу?

— А никаких гор здесь никогда и не было. И перспективы у меня тоже нет. А живется нормально, как и всем. Тоскливо, правда.

Каким образом они очутились в его гараже, Кирилл уже не помнил. А вот почему он так откровенно рассказывал Константину Михайловичу (так звали случайного попугайчика) о себе, о своих невыполнимых проектах, о скучной работе на местной фабрике, даже о том, что с любимой девушкой Анечкой неделю назад серьезно поссорился, он теперь понимал хорошо. Просто никто его раньше

так не слушал. А Константин Михайлович оказался очень внимательным собеседником, задавал вопросы, ничему не удивлялся, а затем поведал изумленному Кириллу такое, что тот поначалу пожалел о своей откровенности, решив, что судьба свела его с душевнобольным. Перемещение во времени? Посланник из будущего? Не желает ли он поучаствовать в эксперименте? То, что Кирилл все же поверил в подобные сказки, объяснить трудно даже с годами. Наверное, очень уж хотелось ему тогда вырваться из окружающей его «серой» действительности. Хотелось поверить, вот и поверил... Хотя никаким особым обаянием посланник из грядущих лет не отличался, скорее наоборот. Козлиная бородка, мелкий дребезжащий смех, театральные жесты, бегающий взгляд — неприятная личность. Правда, то, что эксперимент является «незаконным» с точки зрения некоей «временной канцелярии», Константин Михайлович признался сразу. Эта «канцелярия» организовывала командировки во Времени, а также строго следила за порядком при «перемещениях», не позволяя никому бесконтрольно менять как прошлое, так и будущее.

— Вы подумайте, — вздыхал «хитрый лис», покачивая головой. — Что станет с миром, если все шалопаи, вроде меня, начнут орудовать в прошлом, как им вздумается! Но Ваш случай уникален! Потрясающее совпадение...

А затем «шалопай» из будущего рассказал Кириллу суть задуманного им эксперимента. Оказывается, живет в далеком 1995 году, ровно на двадцать лет вперед, в Москве двойник «финансового гения» из Пустогорска. Он тоже работает бухгалтером, но мечтает только об одном: оказаться как можно дальше от Москвы, от своего рабочего места и от директора, которого панически бо-

ится. Никакой гениальностью, чутьем и прочими качествами, присущими Кириллу, его двойник не обладает. Но внешнее сходство просто поразительное, включая мимику, жесты, голос! Зовут его так же, даже отчество такое же, родных нет. В конце прошлой недели московский Кирилл из 95-го долго и задумчиво поглядывал с моста через Язузу на темную воду... Это давало все основания полагать, что на эксперимент он согласится, причем с радостью. Вот только отправить его надо, конечно, не в Пустогорск. Все же город маленький, все люди на виду, заметят подмену. Да и Анечка... Вдруг помириться решит, поймет ведь сразу, что не тот Кирилл, не тот...

— Константин Михайлович, а зачем все это нужно Вам? Нарушите правила, неприятности могут быть. Ваша «канцелярия», говорите, строга? Мы, двойники, получим, что желаем. Я — невероятные возможности, он — спокойную жизнь. А Вы?

— Мне скучно, бес... — театрально развалившись в старом потрепанном и потому списанном в гараж кресле, произнес Константин Михайлович.

— Что?!!

— Э... Простите, Вы не читали Гете?

— Не читал. Не требовалось.

— Великолепно... Да, у нас должно все получиться. Только помните, билет в один конец! Это важно — возврат невозможен! Я даю Вам неделю. Нет, пожалуй, недели две... Да, две недели Вам должно хватить, чтобы во всем разобраться. Вы — талантливый человек. Я бы даже сказал, поразительно, до чего талантливый!! Жаль, если так и не реализуете себя в этой «дыре». Но обязательно обдумайте мое предложение еще раз, литературу почитайте, узнайте, что в стране за двадцать лет произошло. Уверен, Вы будете потрясены. И... до встречи!

Перед расставанием Константин Михайлович вручил Кириллу целую кипу газет и журналов в красочных глянцевых обложках, а также весьма симпатичное устройство, назвав его незнакомым словом «DVD-плеер». Устройство открывалось подобно чемоданчику, на внутренней стороне его крышки имелся прямоугольный экран. К «чемоданчику» прилагалась стопка коробочек, в каждой из которых лежала блестящая дисковая пластина. Наскоро объяснив, как пользоваться этим самым «плеером», он добавил, что фильмы надо смотреть согласно инструкции, составленной им специально для данной ситуации, обязательно соблюдая установленную очередность. Кирилл спорить не стал. И правильно. Увиденное на экране и прочитанное в газетах и журналах потрясло его необычайно. Сказать, что он был удивлен, даже изумлен — значит, ничего не сказать. Совершенно оглушенный, забыв обо всем на свете, Кирилл больше недели не покидал своего убежища. Только к речке ходил, да и то ночами. Плавал долго, против течения, так, чтобы устать. Иначе сон не приходил. И все равно спал он мало, беспокойно. Хорошо еще, что гараж уже давно был оборудован, как помещение вполне пригодное для жизни, что-то вроде летней дачи. Все необходимое там имелось. Периодически, словно призрак, рядом появлялся Константин Михайлович, снабжал своего подопечного совсем не прозрачной едой, пополнял запасы воды. Прodelьвал он все это очень тихо, стараясь не отвлекать потенциального «перемещенца» от изучения своей будущей среды обитания...

По истечении десяти дней Кирилл наконец очнулся. Вышел из гаража, пошел по знакомой с детства улице... Серые краски давили на глаза, как никогда раньше. Он понимал, что теперь именно

так и будет всегда, если только он не решится... Картинки из «глянцевых» журналов, фильмы — как же все это отличалось от настоящей жизни, от Пустогорска сегодня! Впрочем, родной город в будущем Кириллу увидеть не довелось, только Москву и другие крупные города. То ли материала по Пустогорску у Константина Михайловича не нашлось, то ли сам не захотел... Но это сейчас волновало Кирилла меньше всего. Перемены, произошедшие в стране в совсем недалеком будущем, потрясли его до глубины души. И ведь вся эта жизнь, так разительно отличающаяся от нынешнего существования, уже совсем скоро наступит! Каких-то двадцать, может быть, тридцать лет — это же не века, еще никто и ничего не успеет забыть, у кого-то не получится перестроить свое сознание, а кто-то, наоборот, добьется успеха... Конечно, сам Кирилл относил себя к последней категории. И, конечно же, первое, о чем он подумал, что не стоит, пожалуй, никуда перемещаться, а просто продолжать спокойно жить и дальше в Пустогорске вместе с Анечкой и ждать... Правда, смущало то, что спокойно жить теперь не удастся, мысль об утраченных возможностях не оставит ни малейшего шанса на безмятежное ожидание. И, разумеется, возраст... Сейчас — двадцать восемь, в 1995-м — сорок восемь, а через десять лет... Не поздно-то ли будет начинать? Сегодня-то у него сил хватает, идеи возникают фантастические, только успевай смысл улавливать. Просто не нужно это никому... А что с ним станет через двадцать лет? Может быть, даже и сопьется в этой «дыре» (иначе о Пустогорске уже и не думалось)... И, кроме того, Кирилл отнюдь не являлся идеалистом и простаком. В фильмах о будущем он, конечно, увидел красивые здания, сверкающие великолепными витринами. Он отметил яркие, призывно-манящие, порою до раз-

дражения и внутреннего протеста, рекламные щиты на улицах. Поразили его удрушающие потоки машин, в основном, невероятных, совсем новых моделей, неизвестных ему и от этого, наверное, еще более прекрасных. И, разумеется, женщины! Длинноногие, загорелые, ошеломляюще свободные, они подходили на юных пантер, таких ласковых, нежных, даже трепетно и одновременно готовых к изысному, но смертельному прыжку... Вместе с тем, он увидел и обратную сторону блестящего будущего. Особенно удручающее впечатление произвели на Кирилла люди — те, кто уже всего лишь напоминали людей в его привычном представлении о роде человеческом, страшные, несчастные в своей бедности и отсутствии надежды, порой лишенные даже дома, обычного дома, даже самой маленькой комнатки... Возможность такого вот существования он и представить себе не мог. Жестокость... Безразличие и жестокость чувствовали себя в «шикарном будущем» весьма и весьма вольготно. И еще... Войны, настоящие войны, убитые мальчишки-солдаты... Кто знает, возможно, среди них окажется и его сын. Ведь будут же у них с Анечкой дети, если он, конечно, останется здесь... А еще, бизнес-переговоры 90-х, так называемые «стрелки» и «разборки», трупы совсем молодых ребят, много трупов, кровь... А ведь так будет совсем скоро — двадцать лет осталось. И кем же тогда станет он? Конечно, сейчас сомневаться в своих силах и умственных способностях ему и в голову не приходило. А что потом? Хватит ли его на борьбу за «место под солнцем»? Вопрос, на который он пока не решался или не мог ответить окончательно... Скорее, нет, чем да...

Получалось, что на предложение Константина Михайловича следовало соглашаться обязательно. А как же Анечка? Они ведь хотели этим ле-

том пожениться, уже и заявление в ЗАГС подавать собирались... А потом так глупо, непонятно почему, поссорились... Да... Выходило, что именно Анечка являлась основным, а скорее, единственным препятствием на его пути в Будущее. Может быть, удастся уговорить «хитрого лиса» устроить не окончательное перемещение, а, например, лет на пять? За пять лет он точно успеет доказать, что все его идеи не «бред сумасшедшего», не фантазии «ленивого неудачника», а...

Кирилл настолько задумался, что чуть было не прошел мимо своего «основного препятствия». Анечка стояла на противоположной стороне улицы и в упор смотрела на него. Да... Лучше бы им сейчас не встречаться. Его возлюбленная настолько проигрывала девушкам из гляцевых журналов, что Кирилл даже расстроился. Обидно стало за Анечку. И что это с ней случилось? Ведь такая симпатичная девушка, а зачем-то надела совершенно не подходящую ей юбку, напоминающую бочонок, застежка еле сходится, макияжа никакого, лицо, словно отекавшее...

— Кирилл! Ты меня нарочно избегаешь?

— Нет. У меня здесь неожиданно дела «нарисовались». Долго объяснять, — он помолчал немного, а затем решил:

— Аня, мне нужно срочно уехать в командировку, надолго, возможно, на несколько лет. Пойми. Это очень важно, постарайся понять...

Договорить он не успел. Его Анечка, всегда такая спокойная, деликатная, вдруг всхлипнула, глаза ее наполнились слезами, а голос... Голос показался ему совсем чужим и неприятным. И кричала она так пронзительно, даже визгливо...

— Ты все понял, да? И решил сбежать! Ну и убирайся, слышишь? Убирайся совсем, не на несколько лет,

а совсем! Потому, что ты врешь! Ты все понял и просто струсил!! Убирайся!!! Только врать не надо. Мы не нужны тебе, гений! Я сама справлюсь, без тебя, слышишь?!! Проживем!! Убирайся навсегда, слышишь, навсегда!

Она продолжала кричать и плакать, а он ушел... Разрешение получено. Вот так они и расстались. Навсегда.

Сам процесс перемещения Кирилл помнил смутно. Наверное, волновался все-таки, хотя тогда казалось, что нет, не особо... Суетился Константин Михайлович, объяснял все мелочи, извинялся, сокрушался, что ни на минуту не может оставить «московского» Кирилла, тот совсем от страха, как говорится, голову потерял. Дальше все было предельно просто: он установил на «специальных» часах, принесенных Константином Михайловичем, время «X». После чего сел в свою машину, старенький, проверенный, еще отцовский «Москвич», а затем на всей скорости «рванул» с обрыва в реку. Был у них недалеко от города очень опасный поворот дороги, почти под прямым углом, и ограждения, конечно, никакого. Для авантюры с перемещением лучше места и не найти. Правда, рассчитать скорость так, чтобы колеса автомобиля оторвались от земли точно в установленное время «X», оказалось нелегко. У него получилось достаточно точно, хотя небольшая погрешность и допускалась. А там... Никто ничего, конечно, не должен был заподозрить. Ну, ехал парень ночью, уснул, потому и не отреагировал на поворот, а течение в этих местах быстрое... Конечно, он до последнего момента сомневался, что окажется в 95-м году, а когда машина съехала с дороги и, сорвавшись с обрыва, взлетела над рекой, даже с жизнью успел попрощаться... Но... Ни соприкосновения с водой, ни боли, ничего такого он не почувствовал. Стремительный, невероятной силы вихрь закружил его, затягивая куда-то... Куда? Навстречу гибели или все же... Тишина наступила столь неожиданно, что испугала еще больше, чем пры-

жок с обрыва и последующее падение, кружение в бешеном, неудержимом вихре... Тишина и темнота. Но постепенно глаза начали привыкать к окружающей обстановке, и он понял, что просто лежит на полу, на ковре, в комнате с плотно задернутыми шторами. Кирилл неуверенно встал и подошел к окну, чуть раздвинул тяжелые портьеры. До рассвета оставались считанные секунды.

Солнце еще не проснулось, но нежные розовые краски уже прикоснулись к крышам домов, оживили улицы, отнюдь не пустынные в столь ранний час. Перед ним во всей красе раскинулся город, в котором ему теперь предстояло жить. Москва... Он обернулся. Комната двойника, а именно сюда его и забросила вихревая воронка, особой роскошью не отличалась, но все же выглядела лучше, чем у него в Пустогорске. На столе лежали документы, альбомы с семейными фотографиями и еще какие-то письма. Он взял в руки паспорт, прочитал: Дебритский Кирилл Валентинович. Теперь это — он.

С тех пор прошло пятнадцать лет. Тосковал ли он по прежней жизни? Поначалу очень. Выручало лишь то, что борьба (именно борьба) за «место под солнцем» оказалась гораздо труднее, чем он себе представлял. Одного таланта явно не хватало. Спас его тогда Константин Михайлович. И с людьми нужными познакомил, и будущее предсказать мог. Таким образом, неожиданные «катаклизмы» и всевозможные финансовые сюрпризы деятельности начинающего миллиардера не угрожали. Тот самый директор, что сделал жизнь его «двойника» совершенно невыносимой, даже и не понял, каким образом лишился своего предприятия. Не понял он также, почему «тихоня-бухгалтер», которого он привык использовать в своих интересах, вдруг превратился из безропотного ягненка в волчару с огромными острыми зубами. Но понимать ему этого и не следовало... А его завод стал «первым кирпи-

чиком» в будущей знаменитой «империи Кирилла Дебритского». Со временем Константин Михайлович стал появляться все реже и реже, а потом и вовсе пропал. Но Кириллу он уже не требовался. Все и так складывалось великолепно. Он, как говорится, вошел во вкус!

«Феномен Дебритского», «Бывший московский студент — в списке самых богатых людей планеты», «Секрет успеха Дебритского» — о нем писали газеты, журналы... Корреспонденты любили обращаться в своих статьях к его биографии. Обычный студент экономического факультета одного из московских институтов, защитив диплом, приходит на завод, работает экономистом, ничем особо не выделяясь среди коллег. В самые трудные для завода времена становится главным бухгалтером. А затем — стремительный взлет в карьере! Один из самых молодых директоров страны! Предприятие под его руководством становится ведущим в своей отрасли! Сейчас мало кто вспоминает, что первые два месяца после приобретения именно этого завода новый директор буквально жил в своем кабинете. И не только потому, что хотел лучше и быстрее ознакомиться с производством. А ради безопасности... Все было... Слишком многие его ненавидят до сих пор. Частенько в той же прессе, что так любит превозносить достижения «активного и дальновидного предпринимателя», появляются статьи, характеризующие его как беспринципного дельца, не брезгующего никакими средствами для достижения своих целей, жесткого, скорее, жестокого к конкурентам, безразличного — к соратникам и партнерам. Почему-то запомнился заголовок одной статьи: «Кто Вы такой, господин Дебритский?», а далее мелким шрифтом: «Есть ли сердце у известного миллиардера?». И статья оказалась на редкость глупая... А вот заголовок запомнился... А недавно на телевидении прошел очередной фильм о нем с предельно коротким названи-

ем «Кирилл Дебритский». Объяснять, кто это такой, уже не требовалось. У него все получилось, все сложилось. Кроме личной жизни. «Охотник» он даже близко к себе не подпускал, распознавал под любой «маской», остальные же девушки задерживались возле известного миллиардера не долго. Расставался он с ними всегда спокойно, щедро одарив на прощание. А потом в его жизни появился «музей 70-х»...

Доклад Детектива оказался неожиданно коротким. Разложив на столе какие-то справки, квитанции и фотографии, сыщик начал свой рассказ простыми и убийственными, как армейский штык, словами:

— Интересующая Вас Колосова (в замужестве — Семенова) Анна Сергеевна, 1950 года рождения, умерла в 1997 году, — сделав короткую паузу, он добавил: — После тяжелой и продолжительной болезни. Все копии документов, подтверждающие этот факт, у меня есть.

Молча закурив, Кирилл кивком предложил Детективу последовать его примеру. Его лицо ничего не выражало, кроме, пожалуй, усталости...

— Ну, что же Вы молчите? Продолжайте. Документы я посмотрю потом. А Вы просто... расскажите... Вы упомянули замужество?

— Да. Жизненный путь интересующей Вас особы отнюдь не был устлан лепестками роз. В июне 1975 года молодой человек, за которого она собиралась выйти замуж, погиб. (То, что фотография жениха Анны Сергеевны повергла его в шок, сыщик благоразумно умолчал.) Осенью того же года у нее родилась дочь. Через шесть лет, в 1981-м, Анна вышла замуж за отставного военного, приехавшего в Пустогорск к родственникам.

— Отставного? Она вышла замуж за пенсионера?

— Понимаю, что Вы хотите сказать, но отставки бывают не только по возрасту. Ему — тридцать шесть, ей — тридцать один. Через год у них родился мальчик.

— А дочь? Что с ней?

— Это была прелестная девочка. Лучшая ученица школы, наверное, за все последние годы существования этого учебного заведения. И если красоту она унаследовала от матери, то ум, безусловно, от отца. В городе, конечно, знали, чья она дочь.

— Почему Вы все время говорите в прошедшем времени? — спросил Кирилл тихо. Голос его звучал слишком спокойно в наступившей тишине. Соловьи больше не пели. Детектив даже не заметил, когда хозяин щелкнул пультом.

— После выпускного вечера друзья пригласили девушку встретить рассвет на реке. Один из мальчишек без разрешения взял у родителей машину. Там, сразу за городом, есть очень опасный участок дороги — резкий поворот, а внизу река... Должно быть, гибель дочери, да еще на том самом месте, где сгинул и отец девочки, подорвала здоровье Анны. Через год ей сделали первую операцию, но ничего хорошего не обещали. Она прожила еще несколько лет, последнее время почти не выходила из больницы.

— Она... сильно страдала?

Как же убийственно спокоен Дебритский, но голос, голос... Детективу казалось, что он слышит боль в каждом слове своего клиента.

— Кирилл Валентинович, Вы только представьте: Пустогорск, 90-е... Лекарств не хватало...

— А этот, ее муж... Не мог достать?

— Нет. Они жили бедно. Он приходил к ней в больницу почти каждый день. Медсестра мне рассказывала, что и сейчас не может забыть, как он держал ее за руку. Вот и все обезболивающее. Вас интересует его судьба?

— Нет.

— Ее сына?

— Нет.

Пауза затягивалась, а Детектив ждал. Слишком умен этот Дебритский, чтобы не спросить.

— Вы, конечно, отыскиали «сгинувшего» жениха Анны Сергеевны?

Вот оно! Сыщик мысленно похвалил себя за предубежденность.

— Да. Завьялов Кирилл Валентинович живет в небольшом городке под Красноярском. Работает в школе. Его жена — учительница из той же школы. У них двое детей. Младшая дочь недавно вышла замуж. Обожает внука, сына старшей дочки. Удивительно, но при его, как бы это сказать, некоторой чужаковатости, склонности к фантазиям, ученики его любят. Да и не только ученики. Даже местная шпана никогда не обижает. Живут они на две учительские зарплаты, но всевозможные «секции» и «кружки» он ведет в школе бесплатно.

— Как Вы думаете... он... счастлив?

Детектив задумался. Для клиента этот вопрос определенно что-то значил. Ответить правду? К каким последствиям это приведет? Он ведь уже в середине своего расследования понял, что из молодого Кирилла Дебритского никогда бы не получился нынешний. Ну, а «воскреснувший» Кирилл Завьялов походил на себя самого только внешне. Они словно поменялись местами со сдвижкой на двадцать лет. Вывод напрашивался невероятный. Ох, права была его интуиция: собирать информацию и не вникать! Ни в коем случае не пытаться понять, что же с ними произошло, а то, пожалуй, и рассудок потерять можно.

— Так как же, он доволен жизнью? Каково Ваше мнение?

На него смотрели холодные, безразличные глаза одного из самых успешных людей своего Времени. Своего ли?

— Да. Он счастлив. Я уверен. Конечно, у него есть трудности, проблемы. Та же бедность, просто непролазная... Хотя сейчас гораздо лучше стало, дочери вырос-

ли, обе замужем... Но мерило счастья у каждого свое. Ваш тезка счастлив.

При слове «тезка» Дебритский все же вздрогнул. А потом спросил:

— Скажите, Вас ничего не насторожило в данном деле? Может быть, Вы хотите что-либо выяснить?

Откровенные вопросы. Теперь главное — ответить правильно, тогда, быть может, и обойдется. Детектив вздохнул. Ведь с какими опасными преступниками ему порою приходилось иметь дело, а вот с таким, невозможным, небывалым явлением — никогда. Кто же знает, что это за люди? На что они еще способны?

— Я ведь только собирал информацию. Сожалею, что не все известия были добрыми. Конечно, когда смотрел фотографии, обратил внимание на Ваше сходство с молодым Кириллом Завьяловым. Но такое случается. Люди могут быть очень похожи внешне, даже не являясь родственниками... Двойники... Но в Вашем случае разница в возрасте и образе жизни наложила свой отпечаток. Сейчас сходство почти и не заметно. Кроме того, Вы ведь не просили разбираться в его жизни. А так... Нет, пожалуй, больше ничего примечательного. Может быть, у Вас есть какие-либо замечания или вопросы?

— Замечаний нет. Вы хорошо поработали. Документы, справки, фотографии — все оставьте на столе. Я разберусь... А сейчас... Расскажите мне о Пустогорске, только не как сыщик, а просто... Представьте, что Вы в этот город просто так приехали. Расскажите, как там люди сейчас живут, как фабрика?

— Ну, фабрики-то нет уже давно. Одни руины стоят. Раньше она вроде полгорода кормила. А потом... Директора менялись, чуть ли не раз в год, но каждый только о себе, о своем кармане, и думал. Не повезло фабрике, не нашлось, короче, в буйные 90-е годы для нее настоящего хозяина. А люди? Люди, как и везде, живут по-разному.

Они проговорили еще с полчаса, затем Детектив ушел, а его счет пополнился на заранее оговоренную сумму.

И опять после ухода сыщика Кирилл долго сидел в кресле. Теперь он знал. Зачем понадобилась ему эта определенность... Его жизнь удалась, он добился всего, чего хотел, даже больше. Тогда, в далеком июне 75-го, в Пустогорске и представить было невозможно, каких высот он сможет достигнуть. Почему же он несчастлив? Что за дурацкие мысли приходят ему в голову? Что такое — это самое счастье? А его двойник, кажется, чувствует себя великолепно, хотя живет, по рассказу Детектива, очень даже скромно. Семью любит, детей. Надо же, а ведь у него тоже была дочь... Как же он ничего не понял, разговаривая последний раз с Анечкой? Не о том думал, вот и не заметил ничего, не хотел замечать... А она ведь потому и выглядела... так... Он даже не вслушивался в то, что же кричала тогда его бедная милая Анечка... Если бы он остался с ними, его дочь не погибла бы. Он просто не пустил бы ее с этими юнцами обормотами, которые и машину-то водить наверняка не умели. Он бы точно не пустил. И Анечка не заболела бы, наверное. Конечно, не заболела бы, потому что была бы счастлива. Недаром говорят, подобные болезни часто возникают из-за стресса. Как много «бы» в его мыслях... Он бы, она бы... Анечка умирала, а он строил свою «империю». Она страдала от невыносимой боли, ее муж, о котором он ничего не захотел знать, держал ее за руку, чтобы хоть как-то облегчить страдания. Лекарств не хватало, а он, Кирилл Дебритский, «делал» деньги... Да, именно тогда он впервые узнал вкус по-настоящему больших денег. И власти. А что же теперь?

Решение он принял мгновенно. Он, который всегда и все рассчитывал, моделировал ситуации со всевозможными исходами, сейчас ничего считать не стал.

И так ясно. Шансов на успех почти нет... То есть совсем нет. Его же предупреждал Константин Михайлович, только в один конец, навсегда... «Хитрый лис», «хулиган во времени» ничего не сообщил ему тогда ни о судьбе его возлюбленной, ни о дочери. Ясно, опасался, что при таком раскладе Кирилл не согласится на «временной эксперимент». Правильно, что опасался... Хотя это сейчас он так думает. А тогда? Неужели бросил бы все и всех ради блестящей карьеры? Трудно сказать. Но сейчас он хотел только одного: вернуться домой, обнять Анечку и... Собственно, больше он ничего и не хотел. Такая малость: желать невозможного... Но ведь сколько раз он брался за дела, провальные на все 100%! И выигрывал, иначе и не состоялся бы знаменитый Кирилл Дебритский. Но теперь ситуация была иной. Законы времени ему неведомы и явно отличаются от законов бизнеса. Он наверняка проиграет... Ну и что же? Он хотел быть с Анечкой, остальное не имело никакого значения. Судьба «империи» его больше не волновала. Правда, оставались сотрудники, многие из которых уже завтра потеряют работу. Странно, но он впервые за долгие годы подумал о людях, служивших ему, не как о штатных единицах, а именно как о людях. Он сел за компьютер, загрузил нужную программу, работал быстро, улыбаясь, представлял, как удивит «служителей империи» столь неожиданная премия. Интересно, что больше поразит их: размер финансовой помощи (так сказать, прощальный привет от Дебритского) или исчезновение шефа? Вспомнит ли его здесь кто-нибудь добрым словом? Впрочем, все это теперь неважно.

Следующий этап — программа уничтожения некоторых файлов. Кирилл выключил компьютер, встал из-за стола и прошел в «собственно гараж», где стояли его действующие машины. Для «возвращения в 75-й» он выбрал «Хаммер». Такой «танк» люблю

ограду моста пробьет. Почему он решил, что перемещаться обратно следует аналогичным образом, то есть прыгнуть на машине в реку, он не знал. А как иначе? Уже сидя в салоне автомобиля, Кирилл достал часы — те самые, что «надлежало уничтожить пренебрежительно», но которые он, конечно же, оставил. Осторожно, все еще надеясь на чудо, он выставил год, месяц, время... В прошлый раз, помнится, после завершения установки времени «X» на циферблате засветились приятные зеленоватые лучики. Сейчас — нет. Часы не подавали никаких признаков жизни. Возможно, они и впрямь рассчитаны только на одно перемещение. Тогда зачем же их следовало уничтожить? Вдруг прямо перед ним появился Константин Михайлович. Откуда? Глупый вопрос... Этот «лис» по коридорам времени и пространства бегаёт, словно обычный человек по дорожкам парка или хорошо знакомым улицам. Куда девалась его спесь, манерность? Константин Михайлович хватался за голову, потом бил себя ладонями по коленкам, что-то кричал...

— Вы сошли с ума! Что Вы затеяли?! Вы разобьётесь, и только!

— А вдруг и нет? — Кирилл усмехнулся. Ведь он не хотел никаких дебатов, но зачем-то ответил.

— У Вас нет ни одного шанса. Сохранили часы, да? Но они же одноразовые! Помните, я ведь предупреждал — билет в один конец! Да и куда Вы собрались? Зачем Вы там? Вы — действительно гений! Просто родились раньше. Вы опередили свое время. Там — Вы и все Ваши идеи никому не нужны, здесь — Вы стали великим Дебретским. Здесь!!!

Кирилл захлопнул дверь машины и завел мотор. Все. Возможно, прав Константин Михайлович: он опередил свое время, но так уж вышло. Такие примеры в истории известны.

Тяжелая черная машина мчалась по предрассветной Москве. Пожалуй, только в этот час, да еще в воскресенье, он мог развить такую скорость в городе, давно и безнадежно задыхающемся от автомобильных пробок. А скорость ему требовалась немалая. Мост он присмотрел еще несколько дней назад. Там как раз начинались ремонтные работы. Кирилл усмехнулся, подумав про себя, что еще до отчета Детектива подумывал о возвращении домой. Да, именно так, домой... К чему теперь лгать, притворяться? И реставрация старого «Москвича», и «музей 70-х» — все это иллюзии возвращения. Он вдруг необыкновенно ясно представил себе, как подойдет к Анечке, возьмет ее за руку и скажет... Нет, он обнимет ее, нежно прикоснется губами к маленькой бархатной мочке ушка и тихо-тихо, ласковым шепотом, чередуя слова с поцелуями, убедит свою милую, любимую Анечку, что никогда не оставит ни ее, ни их будущего ребенка. Нет, все будет не так, все будет совсем не так, еще лучше, еще чудеснее... Все будет замечательно... Будет...

Машина взлетела на мост. Еще несколько мгновений! Кирилл глянул на часы, лежавшие на соседнем сиденье, и обомлел. Поразительно! Или ему это кажется? Циферблат светился легким розовым цветом. Неужели?! В прошлый раз они мерцали зеленым... Неужели работают?! Неважно. Пора! Он резко повернул руль и до отказа выжал педаль акселератора.

А над Москвой поднималось солнце. Его лучи, такие легкие, воздушно-розовые (ах, эти маленькие фонарики небес) колдовали над еще спящими улицами, озаряя своим сиянием все, к чему только ни прикасались. Они преображали город, дарили людям свет и ... надежду...

Москва, июнь-август 2011 г. ❏

Михаил Бочкарев

Родился в 1977 году в Москве. Окончил среднюю школу, поступил в ВПУ (высшее профессиональное училище), обучаться профессии радиомонтажника. Окончив, год работал продавцом музыкальных инструментов. В 2001-м поступил в МГПУ (Московский Городской Педагогический Университет). Работал: охранником, копирайтером, продавал компьютеры, рекламу. С 1998 года является бессменным лидером рок-группы «ЯДЫ». Рассказы Михаила Бочкарева публиковались в журналах «Веси» и «Уральский Следопыт».

Карнавал

— Не дело это, Христофор Светофорыч, не дело. Мы, понимаешь, луняне не робкого десятка парни-то, а и то все вон, гляди, по норам сидят, копят жабнюшку. Как увидели его вертофлай, так никого теперь не сыщешь.

— Да я сам понимаю, Макар Протоныч, шо не дело, а куда ж его, черта, девать? Он же, сукин сын, с Земли-матушки, черт бы ее побрал, колесницу прогламуренную.

— Ты вот что, пригласи-ка ко мне этого, как бишь его?

— Звездей Зомбоящиков.

— Вот-вот. Пусть придет завтра ко мне в кабинет, там все и решим. Да и сам заходи. Мне с ним наедине как-то тоже боязно.

На следующий день перед столом начальника лунной станции номер девятнадцать стоял посол с Земли. Одет он был по последней моде в прозрачные, с бирюзовым отливом, плавки и лифчик с голо-

граммой целующего Ким Ир Сена Брежнева. На рыжей бороде его покачивалась запаянная в стекло капля нефти, дорогушая, должно быть, как целый звездолет, а на запястье посла имелся браслет из натурального дерева. Было ясно, что богат тот несметно. По всему — отпрыск знатного и могущественно-го рода.

— Хайоу! — проблеял посол по-землянски и сделал приветственный жест, похожий на отмашку от назойливой мухи.

— Ах ты ж, жабья отрыжка, — подумал про себя Экскаваторный Макар Протоныч, — вот ведь, чего им там на Земле не сидится? — но, тем не менее, улыбнулся в ответ и поприветствовал гостя.

— Рады вашему визиту.

— Ну типо мы, кароче, к вам с такой темой, — начал посол слишком официально и дипломатично. Экскаваторный высокогламурному сленгу особо обучен не был, а потому сразу ступеался, ощущая себя отсталым и старомодным, как какой-нибудь айфон девятнадцать джи, — надо у вас тут на Луне замутить, кароче, карнавал.

— Карнавал? Да у нас же ведь одна профессура, — ответил Макар Протоныч, растерявшись, — они и не поймут.

— Ну мы типо за этой феней и рубимся, чтоб вы тут темные лоси ваще не загибались. А то культура вся похерена у вас, ваще все отсталые, я не могу, пряма не сексуальна в натуре.

— Да вы уж простите, товарищ посол, тут все рабочие ребята. Программисты, инженеры, робототехники да операторы. Технари, прямо скажем. Куда им карнавалы?

— Фу ваще, — надул блестящие губы посол, — ну нельзя же так опускаться. Заксенхаузен плачет. Все человечество прогрессивное клубится не по-детски,

креативит за всю Калугу, а вы прям как во времена «прибей яйца к брущатке Кремля», я прям не могу.

— Работяги, — ступеался еще больше Экскаваторный.

— Кароче, будем из вас бейбикул делать. Всем гайки я привез.

— Гайки? — испугался Макар Протоныч.

— Ну кольца е? Не всосал?

— А... — закивал начальник, — а зачем кольца-то? То бишь гайки?

— Ну фу, без гаек на карнавал не алле. Все хандэ-мандэ, высший уровень, папаша, — закатил глаза посол.

Экскаваторный понимал мало, но кивал горячо, боясь перед высоким гостем опозориться. Христофор Светофорыч Бирулевка вообще стоял с раскрытым ртом и жадно дышал, словно карп. Он был самым темным на Луне рабочим. Читал по ночам древние книги, и они ему еще и нравились. Более постыдное занятие и вообразить было сложно.

— Как скажете. Карнавал, так карнавал, — сдался Макар Протоныч.

— Ну чмоки, я на сауну пойду греться. Ух, мама, у вас тут ваще контраст, не лазурка, — с этими словами посол удалился, громко цокая высоченными каблуками розовых туфель.

— Чего он сказал-то? — опомнился наконец Христофор Светофорыч.

— А пес его знает. Дипломат. Иди давай, к карнавалу готовиться будем.

— Слушаю, шеф.

...

В большом актовом зале висел анахронический зеркальный шар. Ряд пыльных стробоскопов и светлазеров стояли по углам. По распоряжению посла в центре зала установили надувной мини-бассейн и залили его синтетическим шампанским. На сцене, вокруг се-

ребристых столбов, извивались, как змеи, голые девицы, вымазанные флуоресцентной краской, это была шоу-группа, прибывшая на звездолете посла, дабы поддержать высокую, духовную миссию посвящения. Сам посол, в белом платье из перьев попугая, танцевал возле Эскаваторного и Бирулевки.

— Ну че, дети, кайфуем! Вот так все светские рауты проводиться должны, пиши на карту, папик, — говорил он Макару Протонычу, стуча тому кулачком по макушке.

— Да, — восхищался тот, — культурность, конечно, шагнула вперед. Что и сказать. Мы тут на Луне совсем отстали от прогресса. Да у нас и артистов-то нет.

— Вы че и зомбовизор не смотрите? — поразился посол.

— Да когда там. Все работа. Должен же кто-то и энергетикку поддерживать.

— Да не ну тут все ясно. Трудница ано, канечна, наскоком. Но и культурность тема, Реал Мадрид! Я вам там конфеток модных прищпилил пару килограмм.

— А?

— Раскалбас ваще последний. Кушаешь конфетку, и все понятно, чего за кем лежит. Мы с презиком тут на неделе поковыляли в Монтеку...

— Куда?

— Ну в Карлу. Монте-Карлу е? Не всосал? И там на карнавале урановые шахты в две конфетки отжали запросто, — захохотал посол.

— Круто, — согласился Христофор Светофорыч, участвуя в разговоре.

— Так что работают люди, черенки, а мы чисто дуем, — пояснил посол.

— Ну вы на то и элита.

— Творчески надо извилины греть, алле. Фонарик-то включи. Лана, отдыхаем, детки, — и посол, взметнув купол белого платья, кинулся в пляс, пропав

в дыму и сверкающих со всех сторон лучах светомузыки.

Карнавал задался. Вся станция в этот день резвилась на полную катушку, пили и ели-все что только можно, а под самое утро Эскаваторов Макар Протоныч съел привезенных послом конфет.

— Ух, едрен-антипротон! — кричал он, носясь по станции и ловя воображаемых медуз, похожих на чудесных девушек из сказки, что читала ему в детстве электронная няня. Жизнь казалась прекрасной и удивительной. Все вокруг блестело и искрилось. И не было в голове никаких тяжких мыслей. А были только мысли о счастье и радости. И понял тогда Эскаваторов, что работа его — чистое зло. Человек создан для бесконечного веселья и любви. Для радости существования. Для вечности. И мысль эта застряла в голове каскадным взрывом, словно застывшим на столетия. Как солнце. Бесконечный термоядерный взрыв. Он смотрел сквозь стекло на солнце, лежа в луже собственной блевоты в коридоре спецуровня на третьем этаже. Гулко вибрировали стены станции. Это громыхал карнавал.

Эскаваторов встал и тяжелой походкой двинулся в свой кабинет.

— Вот ведь жизнь, — думал он, — идет вперед, движется семимильными шагами. Культура развивается до пределов невероятных, а я? Что я? Разговариваю даже как древняя черепаха. Как дикарь из нефтедолларовой эпохи. Тьфу! — и стало ему за себя так невыносимо стыдно, что захотелось удавиться. Но он, собрав волю в кулак, успокоился и решил: — Ну нет, я за себя возьмусь! Завтра же на сауну поеду, татушку себе сделаю голорафическую, как у посла, а то и впрямь черт его, чем не шутит, возьму да стану калом картины рисовать! Огромные трехметровые члены на фоне горнодобывающих шахт Марса! А, каково? Творчество, оно ведь сила! **UC**

Подпишись и читай! Индекс 73413.

ф.СП-1

АБОНЕМЕНТ								73413			
на журнал								(индекс издания)			
Уральский следопыт. uralstalker.com											
на 2014 г. по месяцам								Кол-во компл.			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											
Доставочная карточка											
ПВ	место	литер	на журнал					73413			
			(Индекс издания)								
Уральский следопыт. uralstalker.com											
Стоимость	подписки		___руб. ___коп.		Кол-во компл.						
	переед-ресовки		___руб. ___коп.								
на 2014 г. по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
Кому											
(фамилия, инициалы)											

Подпишись на журнал!

Аккуратно вырежь доставочную карточку. Заполни графу АДРЕС и приди в почтовое отделение. По каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» проводятся подписные кампании по России во всех отделениях ФГУП «Почта России» и в странах СНГ и Балтии, всего в более 40 000 отделений почтовой связи ФГУП «Почта России» и альтернативных предприятий.

Журнал будут приносить ежемесячно домой, в офис или в почтовое отделение «до востребования».

Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» **73413**.